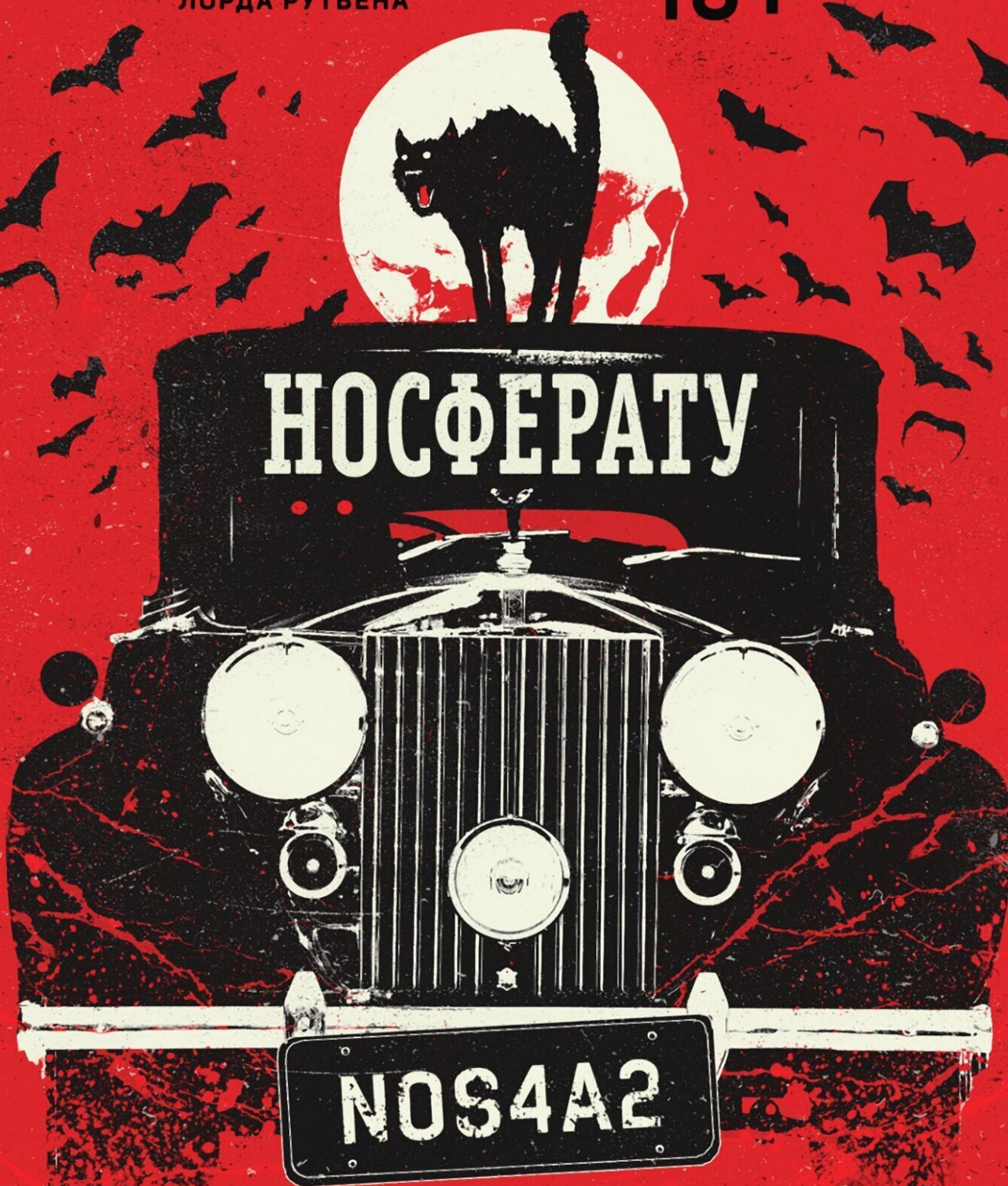

◆ ДЖО ХИЛЛ ◆

ПРЕМИЯ
ЛОРДА РУТВЕНА

18+

fanzon

Кинофантастика

Джо Хилл
Носферату

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хилл Д.

Носферату / Д. Хилл — «Эксмо», 2013 — (Кинофантастика)

ISBN 978-5-04-105277-5

В детстве у Виктории был велосипед, на котором она могла пересекать воображаемый мост и сразу попадать туда, куда хотела. Скоро Вик узнает, что она не единственная, у кого есть «магическая» вещь. Мэгги Ли, владелица оракула – фишек «Скраббл», рассказывает ей о Призраке на черном «Роллс-Ройсе» с номером NOS4A2 – Носферату, который уже сотню лет похищает детей. Вик пытается выследить Призрака, но теряет велосипед и, повзрослев, думает, что все это было детской фантазией. Однако кошмар юности Вик вернулся – Призрак украл ее сына, и ей придется отправиться за ним в воображаемый мир психопата – Страну Рождества. Ранее публиковалась под названием «NOS4A2. Носферату, или Страна Рождества»

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-105277-5

© Хилл Д., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Пролог:	6
Федеральное	6
Короткий путь	10
Хэверхилл, штат Массачусетс	10
«Отличные сэндвичи у Терри»,	15
Хэверхилл, штат Массачусетс	18
Дом	21
Различные места	23
Пряная угроза	25
Шугаркрик,	25
«НорХимФарм»	31
Шоссе 322	34
Дорога в Страну Рождества	37
Сельский край Пенсильвании	42
Библиотекарь	44
Хэверхилл, штат Массачусетс	44
Дом Маккуинов	48
Тут, штат Айова	51
Библиотека	53
Хэверхилл, штат Массачусетс	62
Щеглы искрят, стрекозы мечут пламя	65
Исчезновения	66
Различные места	66
Хэверхилл	68
Различные места	70
Хэверхилл	72
На холоде	74
Дом	76
Подвал	78
Санный дом	81
Хэверхилл	81
На другом конце моста	82
Прихожая,	86
Коридор,	87
Кухня	89
Кладовая	92
Бельевая шахта	95
На улице	97
Около Ганбаррела, штат Колорадо	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Джо Хилл Носферату

Copyright © 2013 by Joe Hill

© С. Трофимов, перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Посвящается моей маме:
вот стоящий драндулет
для повелительницы слов.*

*Denn die Todten reiten schnell.
(Гладка дорога мертвецам.)*
«ЛЕНОРА», ГОТФРИД БЮРГЕР

Пролог: Рождественские поздравления Декабрь 2008 года

Федеральное исправительное учреждение «Энглвуд», штат Колорадо

Медсестра Торнтон вошла в палату длительного пребывания с пакетиком подогретой крови для Чарли Мэнкса незадолго до восьми часов.

Она двигалась на автопилоте, ее мысли были поглощены совсем не работой. Она наконец-то решила купить своему сыну Джосае игровую консоль «Нинтендо ДС», о которой тот давно мечтал, и подсчитывала, успеет ли после смены попасть в «Тойс Р Ас» до их закрытия.

Она несколько недель сопротивлялась этому порыву – по вполне разумным причинам. Ее не тревожило, что у всех его друзей уже было такое устройство. Ей просто не нравилось, что дети всюду таскают с собой эти игровые консоли. Эллен Торнтон возмущало, что мальчишки не поднимали своих голов от мерцающих экранов, забывая о настоящем мире и подменяя его воображаемой вселенной, где забава заменяла мысль, а изобретение новых способов убийств почиталось за искусство. А она-то мечтала, что ее ребенок будет любить читать и играть в «Скраббл» или ходить с ней в походы на снегоступах. Какая ирония!

Эллен держалась как могла, но вчера вечером она увидела, как Джосайя сидит на кровати с ее старым бумажником в руках и представляет, что играет в «Нинтендо ДС». Он откуда-то вырезал картинку Донки-Конга и вставил ее в пустой кармашек для фотографий. Мальчик нажимал на воображаемые кнопки и издавал звуки взрывов. При виде этой картины у нее защемило сердце: ее сын притворялся, что уже получил игрушку в подарок на Рождество. Разумеется, Эллен было виднее, что полезнее для мальчиков, однако Санта не обязан думать так же.

Она была настолько поглощена своими мыслями, потянувшись за стойкой для внутривенных вливаний, что даже не заметила изменений в облике Чарли Мэнкса, пока тот неожиданно, словно со скуки, не вздохнул. Она взглянула вниз, увидела, что он смотрит прямо на нее, и так перепугалась, что едва не выронила пакетик крови к своим ногам.

Мэнкс был отвратительно старым, не говоря уже о довольно мерзком виде. Его огромный лысый череп напоминал инопланетную луну, испещренную континентами старческих пятен и фиолетовых сарком. Из всех людей в палате длительного пребывания, иначе называемой «овощной грядкой», именно Чарли Мэнкс, неожиданно открывший свои глаза, вызывал настоящий ужас. Особенно в *это* время года. Мэнкс любил детей. В девяностые годы он похитил несколько десятков малышей. Он убивал их и развешивал рождественские украшения в память о них в своем доме у гор Флэтайронс. Журналисты прозвали это место Санным домом. *Хо-хо-хо*.

На работе Эллен обычно старалась не поддаваться материнскому инстинкту и не думать о том, что Чарли Мэнкс мог делать с маленькими девочками и мальчиками, которые попали в его лапы, – детьми не старше ее Джосайи. Она по возможности пыталась не задумываться о злодеяниях ее подопечных. Один пациент на другой стороне палаты связал свою подругу и двоих ее детей, поджег дом и оставил их гореть внутри. Его арестовали в баре на той же улице. Он пил «Бушмиллс» и смотрел по телевизору, как «Уайт Сокс» играли с «Рейнджерами». Эллен не видела смысла обременять себя дурными мыслями, поэтому она научилась

думать о своих пациентах как о придатках медицинской техники и капельниц, к которым те были подключены, – периферийных устройствах из костей и плоти.

За все время ее работы в федеральном исправительном учреждении «Энглвуд» – в тюремном лазарете колонии особого режима – Чарли Мэнкс ни разу не открывал глаз. Все три года, пока она работала медсестрой, Мэнкс провел в коматозном состоянии. Он был самым немощным из ее пациентов – одни кожа да кости. Его сердце, согласно данным кардиомонитора, билось как метроном, установленный на минимально возможную скорость. Док говорил, что умственной активности у Мэнкса еще меньше, чем у банки кукурузы со сливками. Никто не мог определить его возраст, но выглядел он старше Кита Ричардса. Он даже немного на него походил – на лысого Кита с острыми, маленькими коричневыми зубами.

С ним в палате лежали еще трое коматозных пациентов, которых персонал называл «овощами». При более близком знакомстве выяснялось, что все «овощи» имели свои причуды. Дон Генри, который сжег свою подругу и ее детей, иногда выходил «прогуляться». Естественно, он не вставал со своей койки, а просто слабо шевелил ногами под покрывалом. Рядом лежал парень по имени Леонард Поттс, который уже пять лет находился в коме и не собирался приходить в себя. Один из заключенных пробил ему отверткой череп и повредил мозг. Тем не менее время от времени он прочищал горло и кричал: «Я знаю!», как будто был маленьким мальчиком, стремившимся ответить на вопрос учителя. Возможно, причудой Мэнкса было открывать глаза, хотя прежде она этого не замечала.

– Здравствуйте, мистер Мэнкс, – машинально сказала Эллен. – Как вы себя сегодня чувствуете?

Она улыбнулась своей дежурной улыбкой и замерла на месте, держа пакетик крови, нагретой до температуры тела. Эллен не ожидала ответа, но ей показалось, что нужно дать Мэнксу время, чтобы он привел в порядок свои отсутствующие мысли. Когда тот ничего не ответил, она потянулась рукой, чтобы закрыть его веки.

Он неожиданно схватил ее за запястье. Вопреки выучке, Эллен вскрикнула и выронила пакет крови, который взорвался алым фонтаном от падения на пол. Теплая струя окатила ее ногу.

– Ах! – закричала она. – Ах! Ох! О боже!

В нос ударил металлический запах крови.

– Твой малыш, Джосайя, – протянул Чарли Мэнкс скрипучим и неприятным голосом. – Я припас ему место в Стране Рождества. Вместе с другими детьми. Его ждет новая жизнь. Новая приятная улыбка. Красивые новые зубы.

Слышать то, как Мэнкс произносил имя ее сына, было еще хуже, чем чувствовать его руку на своем запястье или кровь на ноге. («Кровь чистая», – твердила она себе. *Чистая.*) От звука голоса этого человека, осужденного за убийства и растление детей, который произнес имя ее сына, у нее закружилась голова, словно Эллен попала в стеклянный лифт, который на огромной скорости мчался в небеса, оставляя мир далеко внизу под ее ногами.

– Отпустите, – прошептала она.

– Место для Джосайи Джона Торнтона в Стране Рождества, а тебе самое место в Доме сна, – продолжал Чарли Мэнкс. – Человек в противогазе знает, что с тобой делать. Ты его полюбишь. Пряничный дым тебе поможет. В Страну Рождества тебе с нами нельзя. Конечно, я мог бы взять тебя с нами, но Человек в противогазе лучше. Он – сама милость.

– Помогите! – закричала Эллен. Вернее, попыталась закричать, но из горла донесся только слабый шепот. – Помогите!

Голос пропал окончательно.

– Я видел Джосайю на Кладбище того, что могло бы быть. Джосайя должен прокатиться на «Призраке». В Стране Рождества его ждет вечное счастье. Там мир не сможет его погубить, потому что Страна Рождества скрывается далеко за пределами этого мира. Она в моей голове.

Детям в моей голове ничего не угрожает. Мне снилась Страна Рождества. В своих снах я брожу где-то рядом, но никак не могу добраться до конца тоннеля. Я слышу поющих детей, но не могу попасть в их мир. Слышу, как они зовут меня, однако тоннель никак не заканчивается. Мне нужен «Призрак». Мне нужна моя машина.

Он высунул изо рта язык – коричневый, блестящий и мерзкий, облизал им свои сухие губы и отпустил руку Эллен.

– Помогите, – шептала она. – Помогите, помогите. Помогите!

Эллен вновь и вновь повторяла это слово, пока не смогла произнести просьбу достаточно громко, чтобы ее услышали. Она с громким криком выбежала в коридор в своих туфлях-балетках, оставляя за собой ярко-красные следы.

Десять минут спустя двое охранников в полном снаряжении привязали Мэнкса к кровати – на тот случай, если он снова откроет глаза и попытается встать. Но доктор, пришедший его осмотреть, приказал отвязать пациента.

– Этот парень не поднимается с койки с две тысячи первого года. Его нужно поворачивать четыре раза в день, чтобы не образовывались пролежни. Даже не будь он «овощем», ему все равно не хватит сил, чтобы встать и уйти отсюда. Семь лет мышечной атрофии – да без посторонней помощи он и присесть не сможет.

Эллен тем временем стояла в дверях, готовая сразу же выбежать из палаты, если Мэнкс снова откроет глаза. Но после этих слов она на негнувшихся ногах подошла к доктору и откинула рукав с правого запястья, чтобы показать синяки от пальцев Мэнкса.

– Похоже на дело рук человека, который даже присесть не может? Я думала, он вырвет мою руку из сустава.

Ее ноги болели так же сильно, как кисть, на которой уже появился синяк. Она сняла окровавленные колготки и терла ступни такой горячей водой с антибактериальным мылом, что едва не ошпарилась. Затем она надела кеды, а сменные туфли выбросила в мусорное ведро. Она вряд ли бы надела их снова, даже если их можно было спасти.

Доктор, молодой индеец по имени Патель, послал ей смущенный извиняющийся взгляд и наклонился, чтобы посветить фонариком в глаза Мэнкса. Зрачки не расширились. Патель подвигал фонариком, но глаза Мэнкса так и смотрели на точку за левым ухом доктора. Он хлопнул в ладоши в паре сантиметров от носа пациента. Мэнкс даже не моргнул. Патель медленно закрыл ему глаза и проверил электрокардиограмму.

– Картина кардиограммы ничем не отличается от десятка предыдущих, – произнес доктор. – У пациента девятка по шкале Глазго: медленная альфа-волновая активность, соответствующая альфа-коме. Скорее всего, он просто разговаривал во сне. Порой «овощи» вроде этого парня выкидывают подобные трюки.

– Он *открыл* глаза, – сказала Эллен. – И смотрел прямо на меня. Он знает мое имя. А также имя моего сына.

– А вы никогда не обсуждали сына с другими сестрами рядом с Мэнксом? – спросил Патель. – Он мог что-нибудь бессознательно услышать. Вдруг вы сказали, даже не знаю, например, что ваш сын недавно выиграл конкурс произношения слов по буквам. Мэнкс услышал ваши слова и повторил их во сне.

Она кивнула, однако все равно размышляла. *Он знает среднее имя Джосайи.* Таких подробностей на работе она никому не рассказывала. *«Место для Джосайи Джона Торнтона в Стране Рождества»,* – сказал ей Чарли Мэнкс. – *А тебе самое место в Доме сна».*

– Я так и не прокапала ему кровь, – сказала она. – У него уже две недели анемия. Подхватил инфекцию мочевыводящих путей через катетер. Я принесу свежий пакет.

– Не беспокойтесь. Я сам накормлю старого вампира. Вы сильно испугались. Забудьте о работе. Идите домой. Вам сколько осталось до окончания смены? Час? На сегодня вы сво-

бодны. И возьмите завтра выходной. Пройдитесь по магазинам. Выкиньте из головы сегодняшнее происшествие и расслабьтесь. Рождество ведь, медсестра Торнтон.

Доктор подмигнул ей.

– Вы же знаете, что это самое чудесное время года?

Короткий путь 1986–1989 гг.

Хэверхилл, штат Массачусетс Лето 1986 года

Пацанке было восемь лет, когда она впервые проехала по крытому мосту, пересекавшему расстояние между Потерянным и Найденным.

Произошло это следующим образом: они только что вернулись с озера, и Пацанка в своей спальне приклеивала к стене плакат Дэвида Хассельхоффа – черная кожаная куртка, усмешка с ямочками на щеках, скрещенные руки и неизменный КИТТ, – когда услышала истерический крик из комнаты родителей.

Пацанка упиралась ногой в изголовье кровати, прижимая постер грудью к стене и закрепляя углы коричневой клейкой лентой. Она замерла, наклонив голову набок, задумавшись, из-за чего на этот раз мать подняла столько шума. Похоже, она что-то потеряла.

– Он был у меня, – кричала мать. – Я знаю, что был!

– Может, ты сняла его у озера? Перед тем, как пойти купаться? – спрашивал Крис Маккуин. – Вчера вечером?

– Говорю же, я не плавала.

– Может, ты сняла его, когда наносила лосьон для загара?

Они продолжали в том же духе, и Пацанка решила пока не обращать на них внимания. К своим восьми годам Пацанка (Виктория – для школьной учительницы, Вики – для матери, но для отца и в глубине своей души она всегда считала себя только Пацанкой) научилась не придавать значения вспышкам материнского гнева. Пацанка настолько привыкла к постоянным припадкам смеха и взвинченным крикам переменчивой Линды Маккуин, что почти их не замечала.

Разгладив плакат и заклеив последний угол, она отступила назад, чтобы полюбоваться результатом. Дэвид Хассельхофф; до чего же он крутой. Она нахмурилась, решив, что повесила плакат криво, когда вдруг услышала, как хлопнула дверь и раздался разгневанный крик – снова ее матери. Потом зазвучал голос отца.

– Я так и знал, что мы до этого дойдем, – сказал он. – Как по команде.

– Я всего лишь спросила, проверил ли ты ванную комнату. Ты сказал, что проверил. Осмотрел *каждую* полку. Ты вообще туда заходил?

– Не знаю. Нет. Кажется, нет. Но это не важно, потому что в ванной его нет. Линда, ты же сама знаешь, что не оставляла браслет в ванной. Ты забыла его вчера на *пляже*. Вам с Региной Ройсон ударило в голову солнце, а может, целое ведро маргариты, что ты совсем забыла о дочери и заснула. А когда проснулась, то поняла, что должна была забрать ее из дневного лагеря еще час назад...

– Я не *опаздывала*.

– Ты в панике помчалась с пляжа. Забыла лосьон для загара, полотенце и свой браслет. А теперь...

– Я не была пьяна, если ты на это намекаешь. Я не езжу с дочерью в алкогольном опьянении, Крис. Это ты любитель...

– Пошло-поехало... теперь ты пытаешься свалить свою вину на кого-то другого.

Пацанка неосознанно вышла из комнаты и направилась по темному коридору к спальне родителей. Дверь была приоткрыта сантиметров на пятнадцать. В проеме виднелся краешек

постели и лежащий на ней чемодан, на полу валялась одежда. Пацанка догадалась, что в порыве чувств мать вытащила вещи из чемодана и разбросала их, чтобы найти потерянный браслет: золотой обруч с бабочкой из сверкающих голубых сапфиров и алмазной крошкой.

Мать расхаживала по комнате, каждые несколько секунд попадая в обзор узкой полосы, через которую Пацанка могла видеть спальню.

– То, что произошло вчера, не имеет к этому никакого отношения. Повторяю, я не теряла его на пляже. *Не теряла!* Сегодня утром он вместе с сережками лежал возле умывальника. Если браслет не принесли на стойку регистрации, значит, его прикарманила одна из горничных. Они наживы ради набивают себе карманы забытыми вещами отдыхающих.

Отец Пацанки помолчал несколько секунд, а потом сказал:

– Господи! Ну ты и сука! А я еще завел с тобой ребенка.

Пацанка вздрогнула. В глазах горько защипало, но она не заплакала, а лишь закусила губу, чтобы боль помогла сдержать слезы.

Ее мать не сдерживала свои эмоции и разрыдалась. Она вновь показалась в проеме – одной рукой мать закрывала половину лица, ее плечи судорожно дрожали. Пацанка отступила в коридор, чтобы ее не заметили.

Она прошла мимо своей спальни и в конце концов направилась к входной двери. Ей вдруг невыносимо сильно захотелось выйти на улицу. Даже воздух в доме казался затхлым. Кондиционер не работал целую неделю. Все растения в комнатах погибли и наполнили дом своим тленом.

Пацанка не поняла, куда именно пришла. Хотя куда еще она могла пойти, услышав эти ужасные слова – *«ну ты и сука»*. Она прошла через боковую дверь гаража и оказалась около своего «Роли».

Она получила «Роли Тафф Бернер» на свой день рождения в мае этого года – и это был лучший подарок на день рождения за всю ее жизнь... во веки веков. Даже когда ей исполнится тридцать лет и ее собственный сын спросит о самой лучшей подаренной ей вещи, она тут же вспомнит ярко-синий «Роли Тафф Бернер» с бананово-желтыми ободами и толстыми шинами. Она обожала свой велосипед больше всего на свете, даже больше, чем горячо любимые «Магический шар», набор бумажных кукол группы «Кисс» и игровую приставку «КолекоВижн».

Она заметила его на витрине магазина «ПроУилз» в центре города – за три недели до своего дня рождения, – когда гуляла с отцом. Девочка издала громкий протяжный возглас восхищения, завидев велосипед. Приятно удивившийся отец завел ее внутрь и поговорил с продавцом. Тот разрешил Вик покататься в торговом зале, но предложил посмотреть и на другие варианты. «Тафф Бернер» был для нее великоват – даже если опустить седло до максимума. Однако Пацанка не понимала, что он имеет в виду. Она словно попала в сказку и наяву рассекала на метле в хеллоуинскую ночь в сотнях метров над землей. Ее отец притворился, что согласен с владельцем магазина, но обещал Вик, что та получит его, когда повзрослеет.

Три недели спустя он стоял у подъездной дорожки – а к рулю был привязан большой серебристый бант.

– Ты ведь повзрослела, – подмигнул ей отец. – Разве не так?

Она проскользнула в гараж, где «Тафф Бернер» стоял у стены слева от байка отца... да не какого-то там байка, а черного «Харли-Дэвидсона» 1979 года, на котором он еще ездил летом на работу. Ее отец работал в дорожной бригаде взрывником и раскалывал породу точными взрывами АНФО, а иногда и чистого ТНТ. Как-то раз он сказал Вик, что только умный человек мог придумать способ, как получать выгоду из своих плохих привычек. Когда она спросила, о чем это он, отец ответил, что большинство парней, которым нравится взрывать бомбы, либо подрывают себя на куски, либо отправляются за решетку. Его работа приносила шестьдесят тысяч в год и стоила бы еще больше, получи он травму – благодаря чертовски выгодной страховке: даже один оторванный мизинец стоил двадцать штук.

На его байке была изображена знойная веселая блондинка в бикини из американского флага, грациозно оседлавшая бомбу с выхлопами пламени. Отец Вик был крутым парнем. Другие папы создавали полезные вещи, а ее – взрывал все к чертям собачьим, гонял на «Харли» и смолит сигареты, которые прикуривал от взрывателей. Попробуй такое переплюнуть!

Пацанке разрешалось ездить на своем «Роли» только по тропинкам парка и улицам Питтман-стрит, как неофициально называли тридцать акров сосновых и березовых деревьев, растущих за их задним двором. Ей позволяли ездить до реки Мерримак и крытого моста, но там следовало поворачивать назад.

Лес продолжался и по ту сторону крытого моста, также известного как Короткий Путь, на который Вик было строго-настрого запрещено заезжать. Короткому Пути исполнилось уже семьдесят лет, а в длину он насчитывал около сотни метров и немного провисал посередине. Его стены клонились к реке, и выглядел он так, словно вот-вот рухнет вниз от сильного порыва ветра. Вход был огорожен проволочным забором, один из углов которого отогнули под ростки, чтобы им было где курить и целоваться. Жестяная табличка на заборе гласила: «УКАЗОМ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ ХЭВЕРХИЛЛА МОСТ ОБЪЯВЛЕН НЕБЕЗОПАСНЫМ МЕСТОМ».

Здесь собирались преступники, проходимцы и психбольные.

Конечно, Вик тоже залезала внутрь (опустим вопросы, к какой именно категории она причисляла себя), не задумываясь о предупреждениях отца или знаке опасности. Она взяла себя на слабо: проскользнуть под забором, затем пройти десять шагов. Пацанка не боялась вызовов – даже тех, которые бросала сама себе. *Особенно* тех, которые бросала сама себе.

Внутри было на пять градусов прохладнее, а между досками настила зияли щели, в которых можно было разглядеть, как тридцатью метрами ниже вода покрывается рябью. Свет проникал внутрь сквозь дыры в толевой крыше пыльными золотистыми столбиками. В темных углах пронзительно пищали летучие мыши.

Дыхание Вик участилось, когда она двинулась по длинному тенистому тоннелю, ведущему не просто на тот берег, но к самой матушке-смерти. Ей было восемь, и она верила, что крутит педалями очень-очень быстро и успеет спастись, даже если мост начнет рушиться у нее за спиной. Но когда она ступила на старые, изношенные и скрипучие доски моста, ее уверенность в своих силах слегка пошатнулась. И все же она сделала не десять, а все *двадцать* шагов. Но при первом же громком звуке девочка рванула назад и обогнула проволочный забор, чувствуя, что ее вот-вот задушит биение собственного сердца.

Она проехала через задний двор и с грохотом скатилась вниз с холма – по корням и камням в сторону леса. Она уехала из дома и с головой погрузилась в одну из своих запатентованных выдуманных историй про «*Рыцаря дорог*».

Они вместе с Майклом Найтом без каких-либо усилий мчатся под деревьями в «Рыцаре 2000», пока летний день сменяется лимонными сумерками. Они должны вернуть микрочип, в котором зашифровано местоположение американских ракетных пусковых шахт. Чип был спрятан в мамином браслете – искусно замаскирован под бриллиант в бабочке. Наемники захватили чип и планировали продать информацию тому, кто заплатит больше: Ирану, русским, возможно, Канаде. Вик и Майкл Найт приближались к логову наемников по проселочной дороге. Майкл попросил Вик пообещать, что она не будет рисковать и вести себя как глупый ребенок, на что та только фыркнула и закатила глаза. Но они понимают, что, согласно сюжету, ей придется вести себя как глупый ребенок, рисковать их жизнями и идти на отчаянные меры, чтобы спастись от плохих парней.

Вот только этот сюжет не пришелся ей по душе. Прежде всего, она ехала не на машине, а мчалась на велосипеде. Она подпрыгивала вверх, когда наезжала на корни, и крутила педали что есть сил, чтобы обогнать комаров. К тому же она все не могла успокоиться и спокойно помечтать. Из головы никак не выходил отцовский выкрик: «*Господи! Ну ты и сука!*» Она до

боли в животе боялась, что, вернувшись домой, услышит от матери, что отец ушел из дома. Пацанка наклонилась вперед и закрутила педали быстрее – это был единственный способ оставить ужасные мысли позади.

Пацанка уже придумала новый сюжет: она мчится не на «Тафф Бернере», а вместе с отцом на его «Харли». Она обнимает его руками, а на голове отцовский подарок – закрытый черный шлем, напоминающий верхнюю часть космического скафандра. Они хотели сделать маме сюрприз и поехали к озеру Уиннипесоки за ее браслетом. Мама вскрикнет от удивления, когда увидит браслет в руке отца, а папа со смехом обнимет Линду Маккуин за талию и расцелует в щеки, и они сразу же помируются.

Пацанка скользила в мерцающем из-под нависших ветвей солнечном свете. Она подъезжала к 495-й магистрали, и до нее уже доносились дробный шум восемнадцатиколесных фуры, приглушенный рокот машин, и да, она даже расслышала грохочущий рев мчащегося на юг мотоцикла.

Вик закрыла глаза и представила, как она на огромной скорости мчится по шоссе, радуясь чувству невесомости на поворотах. Пацанка не замечала, что в своих мечтах она была на байке одна – взрослая девочка, достаточно взрослая, чтобы самой поддать газу.

Она им еще покажет. Она найдет браслет и вернется домой, бросит его на кровать между родителями и молча выйдет из спальни, оставив их смущенно смотреть друг на друга. Но больше всего ей нравилось представлять, как она стремительно мчится на байке под лучами закатного солнца, оставляя позади километры за километрами.

Она выскользнула из пропахшей пихтой мглы на широкую пыльную дорогу, которая вела к мосту. Местные называли его «Краткопуть».

Подъехав к мосту, она увидела, что кто-то снял проволочный забор, и спущенная со столбиков сетка валялась в грязи. Вход – достаточно широкий, чтобы пропустить внутрь целую машину, – обрамляли заросли плюща, мягко покачивающиеся на ветерке, поднимающемся с реки. Перед Вик возвышался прямоугольный тоннель – вход в невероятно яркий квадрат, по другую сторону которого как будто находилась долина, засеянная золотистой пшеницей или, возможно, чистым золотом.

Она поколебалась – но лишь на мгновение. Вик словно впала в некий транс, все глубже погружаясь в пучины собственного сознания. Девочка решила не останавливаться и ехать дальше, не обращая внимания на темноту. Если она сейчас остановится – значит, потерпит поражение, а этого она не могла себе позволить. Кроме того, Вик верила, что скорость ее спасет. Если мост под ней начнет разваливаться, она продолжит крутить педали, ускользая от гнилого дерева. Она не упадет. А если кто-то ждет там – например, бродяга, желавший потискать маленькую девочку, – она промчится мимо него, стоит тому только пошевелиться.

Мысли о старых прогнивших досках и поджидающем ее бродяге наполнили ее грудь восхитительным ощущением ужаса. Вместо того чтобы остановиться, она, наоборот, быстрее закрутила педалями. Вик хладнокровно подумала, что если мост над рекой рухнет на десять ярсов вниз и она разобьется о гальку, то виноваты в ее гибели будут родители, которые вынудили ее сбежать из дома. Будут знать, как ругаться. Конечно, они будут скучать по ней, страдая от горя и вины. Так им и надо.

Проволочная сетка загремела и залязгала под шинами. Она нырнула в непроглядную темноту, пропитанную запахом летучих мышей и сыростью.

При въезде на мост она увидела какую-то надпись на стене слева от себя – та была нарисована зеленой аэрозольной краской. Вик промчалась мимо, не успев прочитать, что же там было написано, но ей показалось, что там говорилось о *Терри*, – забавно, потому что они как раз заезжали в кафешку «Отличные сэндвичи у Терри». На обратном пути с озера они частенько заезжали в это заведение – оно стояло как раз посередине между Хэверхиллом и озером Уиннипесоки.

Внутри крытого моста все звучало по-другому. Шум реки в тридцати метрах внизу напоминал не звуки текущей воды, а скорее громкий белый шум – статические помехи. Она не смотрела вниз, боясь увидеть реку в щелях досок. Вик даже не оглядывалась по сторонам, не отрывая взгляда от дальней стороны моста.

Девочка проезжала сквозь косые лучи белого света. Когда она промчалась мимо одной из этих тонких ярких полосок, в левом глазу что-то запульсировало. Настил неприятно покачивался. В голове в такт кручению педалей билась только одна мысль – два слова: *почти там, почти там.*

Яркий квадрат на другом конце моста увеличился в размерах, сияя все ярче. Приблизившись к нему, она почувствовала жар, исходящий от выхода. Таинственным образом до Вик донесся запах лосьона для загара и луковых колечек. Она даже не заметила, что на другом конце моста не было ворот.

Вик «Пацанка» Маккуин глубоко выдохнула и выехала с Короткого Пути на солнечный свет. Колеса простучали сначала по дереву, потом выехали на асфальт. Шипение и рев белого шума тут же прекратились, словно она действительно слушала статические помехи по радио и кто-то нажал на выключатель.

Проехав еще три-четыре метра, она увидела, куда попала. Сердце сжалось в груди, а руки схватились за тормоза. Вик остановилась так резко, что заднее колесо занесло вбок, чиркнув по асфальту и подняв волну грязи.

Она оказалась на мощеном переулке за одноэтажным зданием. У кирпичной стены слева от нее стояли контейнеры и мусорные баки. На одном конце переулки стоял высокий деревянный забор, с другой стороны виднелась дорога. Вик слышала проезжавший транспорт. До нее даже донесся обрывок песни из какой-то машины: *«Абра-Абра-Кадабра... хочу догнать и обнять тебя...»*

Вик с первого взгляда поняла, что попала куда-то не туда. Она много раз подъезжала к Короткому Пути и смотрела через высокий берег Мерримака на другую сторону, поэтому знала, что там должен был зеленеть тихий лесистый холм. Никаких дорог, ни магазинов, ни переулков. Она повернула голову и едва сдержала крик.

За ее спиной, по ту сторону переулки, стоял мост Короткого Пути. Он едва помещался между стеной одноэтажного здания и высокой пятиэтажкой из бетона и стекла.

Мост пересекал не реку, а заполнял пространство, в котором попросту не мог существовать. От вида этого зрелища Вик затряслась. Взглянув в темноту, она увидела на другой стороне изумрудный лес Питтман-стрит.

Вик слезла с велосипеда. Ноги тряслись от страха. Она прислонила «Роли» к контейнеру и боялась даже думать о Коротком Пути.

В переулке воняло испортившейся на солнце жареной едой. Ей хотелось подышать свежим воздухом. Она прошла мимо сетчатой двери, заглянула в грязную, задымленную кухню и посмотрела на высокий деревянный забор. Вик открыла калитку и прошла по хорошо знакомой узкой полоске тротуара. Она стояла тут всего несколько часов назад.

Посмотрев налево, девочка увидела длинную полоску пляжа и океан. Зеленые гребни волн ярко сверкали на солнце. Парни в плавках бросали фрисби, показушно прыгали за ними и падали на песок. По бульвару, едва не задевая друг друга, катились машины. На негнувшихся ногах она зашла за угол здания и заглянула в окно кафе

«Отличные сэндвичи у Терри», Хэмптон-бич, штат Нью-Хэмпшир

Вик прошла мимо сияющих на полуденном солнце хромированных мотоциклов. У окна заказов, заливаясь громким смехом, толпилось несколько девушек в бикини и коротких юбках. Вик до ужаса ненавидела звук глупого хихиканья, напоминающий ей звон разбитого стекла. Она вошла внутрь. Над дверью прозвенел медный колокольчик.

Окна были открыты, с полдюжину вентиляторов вращались за стойкой, направляя воздух на столики, но тем не менее внутри стояла жара. Длинные липкие ленты от мух свисали с потолка и раскачивались на сквозняке. Пацанке не нравилось смотреть на ленты для мух – на пойманных насекомых, боровшихся за жизнь и умиравших, пока прямо под ними люди засовывали гамбургеры в свои рты. Она не заметила эти ленты, когда обедала здесь днем со своими родителями.

Ее подташнивало, словно она пробежалась на полный желудок по августовской жаре. За кассой стоял большой мужчина в белой майке. Его волосатые плечи алели от загара, а на носу белела полоска цинковой мази. На белом пластиковом бейджике было написано: «Пит». Он работал здесь с обеда. Два часа назад Вик стояла тут вместе с отцом, пока Крис Маккуин расплачивался за бургеры и молочные коктейли. Мужчины даже разговорились о «Ред Сокс», которые были на взлете и могли дойти до финала 1986 года. На их пути стояли только «Клеменсы». Приз Сая Янга, можно сказать, уже был у них в кармане, хотя до окончания сезона оставался еще месяц.

Вик направилась к мужчине только потому, что узнала его, но дальше просто захлопала глазами, не зная, что сказать. Вентилятор, гудевший за спиной Пита, вдруг направил в лицо Пацанки влажный мужской аромат. Она и без того чувствовала себя нехорошо.

Вик была готова расплакаться, охваченная незнакомым доселе чувством полной беспомощности. Она вообще не должна была здесь находиться. Сюда ее привел мост Короткого Пути, и почему-то это произошло по ее вине. Отец и мать поссорились и понятия не имели, как далеко ее занесло от дома. Ей нужно было хоть кому-нибудь рассказать об этом. Ей следовало позвонить родителям. Или в полицию. Кто-то должен посмотреть на мост в переулке. Мысли суматошно роились внутри головы. Там словно открылось плохое место – темный тоннель, заполненный громким раздражающим шумом и шорохом летучих мышей.

Однако большой мужчина спас ее от необходимости подбирать правильные слова. Увидев ее, он нахмурил брови.

– *Вот и ты.* А я-то все гадал, покажетесь ли вы. За ним вернулась?

Вик непонимающе уставилась на него.

– Вернулась?

– За браслетом. С бабочкой.

Он вытащил ключ и со звоном открыл металлический ящик. Внутри лежал браслет ее матери.

Стоило Вик увидеть браслет, как ее коленки вновь затряслись от волнения. Она нервно выдохнула. Впервые после проезда по Короткому Пути и появления в Хэмптон-бич она начала хоть что-то понимать.

Вик воображала, что ищет мамин браслет и нашла его в своих снах. На самом деле она никуда не уезжала. Возможно, ее родители даже не ссорились. Мост может появиться посреди переулочка только по одной-единственной причине. Она приехала домой, обгоревшая и усталая, напилась молочных коктейлей... рухнула в постель, уснула, и теперь ей снится сон. Сейчас ей не оставалось ничего, кроме как взять мамин браслет, вернуться на мост, после чего она, вероятно, проснется.

За левым глазом вдруг начала пульсировать тупая боль, переходящая на всю область головы. Сильная боль. Раньше у Вик во сне никогда ничего не болело.

– Спасибо, – сказала Пацанка, когда Пит передал ей браслет через стойку. – Мама очень переживала. Он ей очень дорог.

– Переживала?

Пит сунул мизинец в ухо и пошевелил им туда-сюда.

– Так и думал, что он ей дорог.

– Нет. Я хотела сказать... Да, так оно и есть. Он принадлежал ее бабушке... Моей прабабушке. И он на самом деле очень ценный.

– Вот оно как! – заметил Пит.

– Он античный, – сказала Пацанка, не понимая, почему вообще должна ему что-то доказывать.

– Если браслет чего-то стоит, то он действительно античный. А если дешевка, то это просто старое барахло.

– Тут бриллианты, – торопливо сказала Пацанка. – Бриллианты и золото.

Пит засмеялся – сухо и язвительно.

– Я говорю правду, – возмутилась она.

– Ага, – сказал Пит. – Бижутерия. Видишь эти штуки, похожие на бриллианты? Это цирконий. И посмотри на ленту внутри, где она становится серебряной. Золото таким не бывает. Что бы ни случилось, на качественной вещи даже царапины не останутся.

Он неожиданно сочувственно наморщил лоб.

– Ты в порядке? Выглядишь не очень.

– Я в полном порядке, – сказала она. – Может, солнце в голову ударило.

Она почувствовала себя взрослой, вспомнив эту фразу.

Хотя на самом деле ей и правда нездоровилось. Голова кружилась. Ноги дрожали от усталости. Ей хотелось выбежать наружу – подальше от едкого запаха пота, луковых колечек и кипевшего жира. Ей хотелось, чтобы сон побыстрее закончился.

– Может, хоть выпьешь чего-нибудь холодного? – спросил Пит.

– Спасибо, но сегодня я уже пила здесь молочные коктейли.

– Если молочные коктейли, то, скорее всего, не здесь, – усмехнулся Пит. – Возможно, в «Макдоналдсе». У нас только кофейный напиток фраппе.

– Мне пора идти, – произнесла она и направилась к выходу.

Она понимала, что загорелый Пит действительно за нее переживает, и была благодарна ему за сочувствие. Она подумала, что, несмотря на неприятный запах и грубоватые манеры, он все же хороший человек – добряк, который беспокоится о девочке, гуляющей по Хэмптон-бич в не самом добром здравии. Но она побоялась рассказать ему что-то еще. На висках и верхней губе выступил холодный пот. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы успокоить дрожь в ногах. Левый глаз снова запульсировал – на этот раз сильнее. Ей было все сложнее убеждать себя, что происходящее ей только снится, – словно пытаться удержать в руках скользкую лягушку.

Вик вышла наружу и быстро направилась по раскаленному бетону мимо припаркованных мотоциклов. Она открыла калитку в высоком деревянном заборе и попала в переулок за «Отличными сэндвичами у Терри».

Мост никуда не исчез. Его наружные стены жались к окружающим его зданиям. На него было больно смотреть... особенно левому глазу.

Повар или мойщик посуды – какой-то работник из кухни – стоял рядом с контейнером. Его фартук был измазан жиром и кровью. Любой, кто пристально посмотрел бы на этот фартук, наверняка отказался бы здесь обедать. Этот невысокий небритый парень с покрытыми тату и набухшими венами руками смотрел на мост одновременно возмущенно и боязливо.

– Какого хера? – Он бросил смущенный взгляд на Вик. – Ты это видишь, девочка? Ну то есть... ну не пиздец ли?

– Это мой мост. Не волнуйтесь. Я заберу его с собой, – хотя она сама не поняла, что имела в виду.

Вик схватила велосипед за руль, развернула его и толкнула к мосту, затем прошла два шага и перебросила ногу через раму.

Переднее колесо ударилось о доски, и она погрузилась в шипящую темноту.

Когда «Роли» понес ее через мост, рев статики – какой же дурацкий звук – усилился. По пути сюда она думала, что слышит реку под мостом, но это была не река. Стены моста были испещрены длинными щелями, сквозь которые мерцал яркий белый свет, словно по ту сторону стены работал самый гигантский телевизор в мире, настроенный только на неработающий канал. По кривобокому и дряхлому мосту ударил мощный вихрь статических помех, неудержимая буря из световых лучей. Вик почувствовала, как мост слегка прогибается под потоком света, колотящего по ветхим стенам.

Она закрыла глаза, не желая ничего видеть, и помчалась в другую сторону. Она попробовала свою песенку-молитву – *почти там, почти там*, – но кругом бушевал такой ветер, что поддерживать долго одну и ту же мысль было очень тяжело. В ушах звучали только дыхание и ревущая яростная статика, которая бесконечным водопадом нарастала по громкости, достигая сводящей с ума интенсивности, а затем еще громче, пока Вик не захотелось плакать, лишь бы ее остановить. С губ срывалось: *хватит, прекратите*. Он глубоко вдохнула, чтобы закричать, и тут велосипед провалился в

Хэверхилл, штат Массачусетс

Звук пропал с мягким электрическим хлопком. Ей показалось, что хлопок прозвучал в ее голове – в левом виске – небольшим, но все же отчетливым взрывом.

Вик поняла, что попала домой – точнее, не домой, а в родной лес, – еще до того, как открыла глаза. Она почувствовала, что находится в лесу, по запаху сосен и самому воздуху – чистому, холодному и бодрящему ощущению, которое приходило ей на ум при упоминании реки Мерримак. Она слышала реку в отдалении – плавную успокаивающую волну звуков, совсем не похожую на шум статики.

Вик открыла глаза, подняла голову и стряхнула волосы с лица. Сквозь листву беспорядочными вспышками мерцало заходящее солнце. Она сбавила скорость, скрипнула тормозами и опустила одну ногу на землю.

Девочка повернула голову, чтобы напоследок взглянуть через мост на Хэмптон-бич. Ей было интересно, сможет ли она разглядеть повара в грязном фартуке.

Только она ничего не увидела, потому что мост Короткого Пути исчез. Зато на свое место вернулось ограждение, за которым начинался въезд на мост. А дальше территория спускалась крутым травянистым склоном и заканчивалась темно-синим руслом грохочущей реки, над которой выступали три полуразрушенных бетонных столба с похожими на скобы вершинами. Больше от Короткого Пути ничего не осталось.

Вик ничего не понимала. Она только что проехала через мост, вдыхала запах старого, подгнившего, выжженного на солнце дерева и отвратительную вонь мышинной мочи. Она слышала стук колес о дощатый настил.

В левом глазу пульсировала боль. Она закрыла его, потерла ладонью и открыла снова. На мгновение ей показалось, что мост все-таки стоит на своем месте. Она увидела – или подумала, что увидела, – его послеобраз; белый блик в форме моста, достигавшего противоположного берега.

Но затем видение исчезло. Ее левый глаз начал слезиться, и она слишком устала, чтобы сидеть и гадать, что именно произошло с мостом. Ей никогда – за всю свою жизнь – так не хотелось домой, в свою комнату, в постель, к похрустывающим складкам простыни.

Она села на велосипед, но спустя всего несколько метров силы ее покинули. Вик слезла с сиденья и принялась толкать байк, опустив голову с повисшими волосами. Браслет ее матери свободно болтался на потном запястье. Она про него уже почти забыла.

Вик толкала велосипед по желтеющей траве заднего двора – мимо игровой площадки, на которой больше не играла, мимо покрытых ржавчиной качелей. Она бросила велосипед на дорожке и зашла в дом. Она мечтала попасть в свою спальню, прилечь и отдохнуть. Но, услышав жестяной щелчок на кухне, решила посмотреть, кто там находился.

Это был ее отец. Он стоял к ней спиной, держа бутылку «Штро». Другой рукой отец водил под струей холодной воды в рукомойнике, поворачивая костяшки пальцев под водопроводным краном.

Вик не знала, сколько времени ее не было дома. Часы на тостере делу не помогали. Они вновь и вновь мигали на 00:00, словно их только что перезагрузили. Свет не горел. Комнату наполняли только тени позднего вечера.

– Папа, – устало спросила она, едва ли признав собственный голос, – сколько сейчас времени?

Он посмотрел на газовую плиту, затем покачал головой.

– Будь я проклят, если знаю. Минут пять назад мигнул свет. Кажется, вся улица...

Он оглянулся на нее и вопросительно приподнял брови.

– В чем дело? С тобой все в порядке?

Он выключил воду и схватил полотенце, чтобы вытереть руку.

– Не очень выглядишь.

Она засмеялась, напряженно и невесело.

– То же самое говорил Пит.

Казалось, что ее голос доносится откуда-то издалека – словно из другого конца длинного тоннеля.

– Какой еще Пит?

– С Хэмптон-бич.

– Вик?

– Я в порядке.

Она безуспешно попыталась сглотнуть. Ее мучила жажда, хотя Вик даже не осознавала этого, пока не увидела в отцовской руке холодный напиток. Она на миг закрыла глаза и представила запотевший стакан холодного грейпфрутового сока. От этой мысли она захотела пить еще больше каждой клеточкой тела.

– Мне очень хочется пить. У нас есть сок?

– Прости, малышка. Холодильник почти пустой. Мама еще не ходила в магазин.

– Она уже уснула?

– Не знаю, – ответил он. И хотя он не сказал этого вслух, но окончание фразы *«и знать не хочу»* явственно читалось в его тоне.

– Ой! – вспомнила Вик и, стянув браслет с запястья, положила его на кухонный стол. – Когда она проснется, передай, что я нашла браслет.

Он захлопнул дверь холодильника и посмотрел на Вик, потом на браслет, затем обратно на нее.

– Где же?..

– В машине. Между сиденьями.

В комнате неожиданно потемнело, словно солнце исчезло за огромным облаком. Вик покачнулась.

Отец коснулся ее лица тыльной стороной руки, которой держал бутылку рома. Свои костяшки он обо что-то стер.

– Господи, ты вся горишь! Эй, Лин?

– Я в порядке, – сказала ему Вик. – Мне бы просто полежать минуту.

Она не собиралась ложиться прямо там. Она хотела вернуться в свою спальню и вытянуться под потрясающим новым плакатом Дэвида Хассельхоффа. Но ноги вдруг подогнулись, и она упала. Отец поймал ее, прежде чем она ударилась об пол. Он подхватил ее в воздухе – одной рукой под ноги, другой за спину – и вынес в коридор.

– Лин, – снова позвал Крис Маккуин.

Линда вышла из спальни, прижимая к углу рта мокрую мочалку. Пушистые каштановые волосы были взлохмачены, а глаза – сонными, словно она только что проснулась. Однако ее взгляд тут же прояснился, как только она увидела Пацанку на руках мужа.

Отец донес ее до детской. Линда вытянула руку с тонкими пальцами, откинула волосы с лица Вик и прижала ладонь к ее лбу. Кожа матери была холодной и гладкой, и от ее прикосновения девочка задрожала – то ли из-за тошноты, то ли от удовольствия. Родители больше друг на друга не сердились. Если бы Пацанка знала, что для их примирения всего лишь нужно было заболеть, она бы не гоняла через мост в поисках браслета, а просто сунула пальцы в рот.

– Что с ней случилось?

– Она упала в обморок, – ответил Крис.

– Не падала, – поправила его Пацанка.

– У нее температура под тридцать восемь, упала в обморок, еще и спорит со мной, – восхитился отец.

Ее мать опустила мочалку, которую прижимала ко рту.

– Тепловой удар. Три часа в машине, потом поездка на велосипеде без солнцезащитного крема. Она ничего не пила, кроме прокисшего молочного коктейля.

– Это фраппе, – поправила ее Вик. – Там это называют фраппе. А ты губу поранила.

Ее мать лизнула уголок раздувшихся губ.

– Пойду налью стакан воды и возьму ибупрофен. Нам обоим не помешает.

– Забери на кухне свой браслет, – сказал Крис. – Он лежит на столе.

Линда сделала пару шагов, прежде чем до нее дошли слова мужа. Она оглянулась. Крис Маккуин стоял у дверей в комнату Вик, по-прежнему держа дочь на руках. Пацанка уже видела Дэвида Хассельхоффа над своей кроватью. Тот улыбался и выглядел так, словно едва сдерживал желание ей подмигнуть: *«А ты хороша, подруга»*.

– Браслет был в машине, – сказал Крис. – Пацанка его нашла.

Дом

Вик спала.

Ее сны представляли собой бессвязную череду неподвижных образов: человек в противогазе на цементном полу, мертвая собака с разможенной головой на обочине дороги, лес из высоких сосен, увешанных слепыми белыми ангелами.

Последний образ был таким живым и таинственно-пугающим – сверкающие ангелы, свисающие с ветвей мрачных сосен двадцать метров высотой, которые покачивались на ветру, словно опьяневшие кутилы на языческой церемонии, – что она чуть не разрыдалась.

Она пыталась закричать, но не могла издать ни звука. Ее погребла под собой удушающая темная лавина – большая, как гора, куча мягкого безвоздушного вещества. Она старалась выбраться из-под нее, отчаянно прокапывая себе проход наружу, со всем гневом, на который была способна, из последних сил молотя руками, пока внезапно не поняла, что сидит в своей постели, покрывшись потом. Отец сидел у нее за спиной на краю кровати и держал ее за запястья.

– Вик, – говорил он. – Вик! Расслабься. Ты мне чуть голову не свернула, так сильно ударила. Тише. Это папа.

– Ох, – сказала она. Отец освободил ее, и она опустила руки. – Извини.

Он сжал свою челюсть между большим и указательным пальцами и поворочал ее немного туда-сюда.

– Кажется, нормально. Видимо, есть за что.

– За что?

– Не знаю. За что-нибудь. Все мы в итоге получим по заслугам.

Вик склонилась к нему, поцеловала в щетинистый подбородок, и он улыбнулся.

– Температура уменьшилась, – сказал отец. – Тебе лучше?

Девочка пожала плечами. Она ведь выбралась из-под кучи черных одеял и зловещих рождественских елей – значит, ей уже лучше.

– Ты была не в себе, – сказал он. – Такой бред несла.

– Что я говорила?

– Что-то про летучих мышей, улетающих с моста, – ответил отец. – Наверное, ты имела в виду колокольню.

– Да. Я имела в виду... То есть нет! Я говорила о мосте.

На какое-то мгновение Вик забыла о Коротком Пути.

– Пап, а что случилось с мостом?

– Каким?

– Старым крытым мостом. Он исчез.

– А, ты об этом, – ответил отец. – Вроде какой-то тупой сукин сын пытался проехать по нему на машине, но убился сам и обрушил вместе с собой большую часть моста. Остальное демонтировали строители. Поэтому я просил, чтобы ты не ездила к этой чертовой штуке. Его стоило снести до конца еще лет двадцать назад.

Она вздрогнула.

– Посмотрела бы ты на себя, – произнес отец. – Дрожишь, как мелкий песик.

Она вспомнила свой лихорадочный сон, в котором видела пса с разможенной головой. Внезапно мир озарила вспышка яркого света, а затем все погрузилось в темноту. Когда зрение прояснилось, отец прижимал к ее груди резиновое ведро.

– Если что-то попросится наружу, – сказал он, – постарайся попасть в ведро. Господи, больше ни ногой в чертов «Терри».

В памяти возник образ потного Пита и липкие ленты, покрытые мертвыми мухами. Ее вырвало.

Отец вышел с ведром и вернулся со стаканом ледяной воды.

Она опустошила стакан в три глотка. Вода была такой холодной, что Вик снова задрожала. Крис навалил на нее одеял, обнял за плечи и молча ждал, пока дрожь пройдет. Как хорошо, что папа был здесь! Они так славно молчали. Вик постепенно ускользала в сон. Ускользала или, возможно, уезжала... Даже с закрытыми глазами она чувствовала, что снова мчится на своем велосипеде, без усилий погружаясь в темноту и покой.

Когда отец поднялся, чтобы уйти, она была еще в полудреме. Девочка издала возглас протеста и потянулась к нему, но он ускользнул от ее рук.

– Отдыхай, Вик, – прошептал отец. – Скоро снова будешь гонять на своем велосипеде.

Она засыпала. Голос отца доносился все тише, словно издалека.

– Жаль, что мост Короткого Пути снесли, – сказал он.

– Я думала, он тебе не нравится, – прошептала она, перекачиваясь на другой бок, чтобы он мог встать и уйти. – Мне казалось, ты боишься, что я прокачусь на нем на велосипеде.

– И то верно, – признался он. – Боялся. Но мне жаль, что его снесли без меня. Если бы власти надумали его взорвать, то могли бы разрешить мне установить заряды. Этот мост всегда был смертельной ловушкой. Все знали, что однажды он кого-нибудь да убьет. Я рад, что он не угробил тебя. Спи, моя малышка.

Различные места 1986–1989 гг.

Несколько месяцев спустя происшествие с браслетом практически позабылось, и если Вик и вспоминала о нем, то убедила себя, что нашла вещь в машине. Она старалась не думать о Коротком Пути. Спутанные воспоминания о путешествии через мост походили на бред и только навевали мысли о том сновидении, в котором ей привиделись высокие деревья и мертвые собаки. Ничего хорошего эти воспоминания в себе не несли, поэтому она спрятала их в сейфовую ячейку внутри своего разума – заперла, спрятала в дальний уголок и забыла.

Так же она поступала и в других случаях.

А их было немало: в последующем она не раз проезжала на своем «Роли» через несуществующий мост в поисках потерянных вещей.

Однажды ее подруга Вилла Лордс потеряла мистера Пентака – своего вельветового пингвина, который приносил ей удачу. Родители Виллы устроили уборку в ее комнате, когда та ночевала в гостях у Вик. Вилла решила, что мистера Пентака выбросили в мусор вместе с феей Тинкербелл и сломанной рисовальной доской. Девочка была так опечалена, что даже отказалась идти в школу – и в тот день, и на следующий.

Но Вик исправила ситуацию. Оказалось, что Вилла взяла мистера Пентака с собой на ночевку. Вик нашла его под кроватью посреди груды запылившихся игрушечных зайчиков и забытых носков. Трагедия была предотвращена.

Безусловно, Вик *не верила*, что нашла мистера Пентака, добравшись на «Роли» через лес к тому месту, где когда-то стоял мост Короткого Пути. Она не верила, что мост ожидал ее там, как не верила и в надпись на стене, нанесенную зеленой аэрозольной краской: БОУЛИНГ. Она не верила и в громкий шум помех, и в таинственные мигающие вспышки света в просветах между сосновыми досками.

Она четко представляла, как едет по Короткому Пути, а затем попадает в еще закрытый в семь утра боулинг-центр. Крытый мост до нелепости глупо примыкал к стене и выходил на дорожки для игры. Вик вспомнила это место. Две недели назад здесь праздновали день рождения их знакомой. Они пришли сюда с Виллой. Смазанный чем-то сосновый пол блестел как зеркало. Велосипед заскользил по нему, как масло на горячей сковородке, и Вик упала, разбив себе локоть. Мистер Пентак лежал в камере забытых вещей под полками с обувью для игры.

Эта история привиделась ей в ночь перед тем, как она обнаружила мистера Пентака под кроватью. Той же ночью она чувствовала себя не очень хорошо – обливалась липким потом, страдала от рвотных позывов, а сновидения были неестественно красочными.

Царапина на локте зажила через пару дней.

В десять лет она нашла бумажник отца между подушками на кушетке. На кушетке, а не на стройке в Этлборо. После этого левый глаз пульсировал несколько дней, словно кто-то ударил ее по нему.

Когда ей исполнилось одиннадцать лет, семейство де Зуте, живущих через улицу, потеряли своего старого тощего черно-белого кота Тейлора. Он выбежал погулять перед летним ливнем, но так и не вернулся домой. На следующее утро миссис де Зуте обошла всю улицу, щебеча как птица и окликая Тейлора по имени. Мистер де Зуте – человек-пугало в галстук-бабочке и подтяжках – безучастно стоял во дворе с граблями. В его бледных глазах читалась безысходность.

Вик нравился мистер де Зуте – особенно его забавный акцент, как у Арнольда Шварценеггера. У старика в кабинете было миниатюрное поле битвы; от него пахло кофе и трубочным табаком, и он разрешал Вик разрисовывать его маленьких пластиковых пехотинцев. Кота Тей-

лора Вик тоже любила. Во время мурлыкания из его груди доносилось скрипучее пощелкивание, напоминающее работу механизма со старыми шестеренками, живущими своей шумной жизнью.

Никто больше не видел Тейлора... хотя Вик выдумала, как ездила по мосту Короткого Пути. Она нашла бедного кота – окровавленного и облепленного мухами – в мокрой траве у обочины, куда он уполз после того, как машина его переехала. Пацанка даже заметила кровь на асфальте.

С тех пор она возненавидела шум помех.

Пряная угроза 1990 год

Шугаркрик, штат Пенсильвания

Объявление было размещено на одной из последних страниц журнала «Пряная угроза» за август 1949 года. На обложке была изображена голая кричащая женщина, замороженная в глыбу льда («Она оказала ему холодный прием... так что он сразу к ней охладел!»). Оно занимало всего одну колонку под огромной рекламой бюстгалтеров «Адолы» («Охтыжмизируйте свою фигуру!»). Бинг Партридж заметил объявление только после долгого и внимательного изучения леди в рекламе «Адолы». Бра с конусными формами и металлическим блеском наполняли бледные, кремовые большие груди. Глаза женщины были закрыты, а губы – слегка приоткрыты, словно она спала и видела сладкие сны. Он представил себе, как пробуждает ее поцелуями.

– Бинг и Адола сидели на трубе, – напевал Партридж, – и трахались, ой-йе.

Он сидел, прижавшись голой задницей к пыльному бетону в укромном местечке в своем подвале. Свободной рукой он делал то, о чем вы, скорее всего, уже догадались, но на самом деле пока даже не приступил к основному действию. Он листал страницы журнала в поисках самого сладенького. Тогда-то он и наткнулся на небольшой кусок текста в нижнем левом углу страницы. Снеговик в цилиндре указывал согнутой рукой на обрамленные снежинками строки.

ВЕРИТЕ ЛИ ВЫ В СТРАНУ РОЖДЕСТВА?

НА ЧТО ВЫ ГОТОВЫ, ЧТОБЫ ПРОВЕСТИ ВСЮ ЖИЗНЬ В СТРАНЕ, ГДЕ КАЖДОЕ УТРО – РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО, А НЕСЧАСТЬЕ ЗАПРЕЩЕНО ЗАКОНОМ?!?

НЕ ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ОТ ЧУДА!

НЕ ОТКАЗЫВАЙТЕСЬ ОТ СВОЕЙ МЕЧТЫ!

Мы ищем **ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННЫХ ЛЮДЕЙ**, которые **ЛЮБЯТ ДЕТЕЙ**

и не боятся **ПРИКЛЮЧЕНИЙ!**

Узнайте больше об **ОСОБЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ**

в нашем **ОТДЕЛЕ БЕЗОПАСНОСТИ.**

Это не работа...

а **СУДЬБА!**

СТРАНА РОЖДЕСТВА ждет...

ТОЛЬКО ВАС!

Бингу нравилась реклама на последних страницах журналов – оловянных шкатулок с игрушечными солдатиками («Воссоздай ужасные события Верденской мясорубки!»); винтажного снаряжения времен Второй мировой войны («Штыки! Ружья! Противогазы!»); книг, в которых раскрывались тайны, как заставить женщин возжелать тебя («Научи ее говорить: «Я тебя люблю!»). Он частенько вырезал бланки для заказов и отправлял их почтой, оплачивая пересылку мелочью или засаленными долларовыми купюрами, в надежде получить муравьиную ферму или металлоискатель. Он от всего сердца хотел «Восхитить своих друзей!» и «Удивить родственников!», не осознавая, что список его друзей ограничивался всего тремя придурками, которые работали под его началом в команде по уборке помещений «НорХимФарм», а единственные прямые родственники Бинга покоились на кладбище за церковью Новой американской веры. Бинг даже не догадывался, что коллекция эротических журналов отца, тихомирно плесневевшая в картонной коробке, была старше его самого, а большинство корпораций, которым он отправлял деньги, давно прекратили свое существование.

Однако объявление о Стране Рождества, которое он только что прочитал, а затем перечитал еще раз, вызвало у него совсем другие чувства. Его позабытый обрезанный и пахнущий дрожжами пенис обмяк в левой руке. Зато душа его воспарила в церковную башню, в которой разом зазвонили все колокола.

Бинг понятия не имел, что это за Страна Рождества и где она находится. Он никогда про нее не слышал и все же неожиданно почувствовал, что всю жизнь мечтал туда попасть... пройтись по мощеным улочкам; прогуляться под покосившимися фонарными столбами в виде карамельной трости; послушать, как кричат дети, катаясь на карусели с оленями.

«На что вы готовы, чтобы провести всю жизнь в стране, где каждое утро – рождественское утро?» – гласила реклама.

Бинг прожил целых сорок два Рождества, но в его памяти хорошо запечатлелось только одно рождественское утро – и оно стоило всех остальных. В то утро его мать достала из духовки сахарные печенья в форме рождественских елей, и весь дом наполнился ванильным ароматом. Это было задолго до того, как Джон Партридж получил шурупом в висок. А тем утром он сидел на полу с Бингом, внимательно наблюдая, как его сын разворачивает свои подарки. Бинг помнил, что самым лучшим был последний подарок: в огромной коробке лежал и большой резиновый противогаз и помятая каска. В тех местах, где облупилась краска, виднелась ржавчина.

– Это снаряжение помогло мне остаться в живых в Корее, – сказал отец. – Теперь оно твое. Для троих узкоглазых, которые гниют в земле, этот противогаз стал последним, что они увидели в своей жизни.

Бинг надел противогаз и посмотрел на отца сквозь прозрачные пластиковые линзы. Изнутри гостиная выглядела как маленький мир, запертый внутри автомата для продажи жевательной резинки. Отец надел каску на голову Бинга и отдал ему честь. Мальчик торжественно отсалютовал в ответ.

– Ты тот самый, – спросил его отец, – маленький солдат, о котором все твердят? Мистер Неудержимый. Рядовой «Хрен-вам-живым-не-возьмете». Верно?

– Рядовой «Хрен-вам-живым-не-возьмете» к службе готов, сэр, есть, сэр, – отрапортовал Бинг.

Его мать издала нервный короткий смешок.

– Джон, *следи за языком*, – сказала она. – Рождество же. Нельзя так. В этот день мы приветствуем рождение Спасителя нашего на земле.

– Ох уж эти мамки, – вздохнул Джон Партридж, когда мама Бинга поставила на стол сахарные печенья и вышла на кухню за какао. – Дай им только волю, всю жизнь будешь титьку сосать. Хотя, с другой стороны... разве это плохо?

И подмигнул.

А снаружи валил снег. Крупные хлопья напоминали гусиные перья. Они провели дома весь день. Бинг носился в шлеме и противогазе. Он играл в войнушку, вновь и вновь стреляя в отца. Джон Партридж умирал раз за разом, падая с кресла перед телевизором. Один раз Бинг убил и маму: она покорно закрыла глаза, обмякла и оставалась мертвой большую часть рекламной паузы. Она не просыпалась, пока он не снял противогаз и не поцеловал ее в лоб. Тогда она улыбнулась и сказала: *«Благослови тебя Боже, малыш Бинг Партридж. Я люблю тебя больше всего на свете»*.

На что он готов, чтобы чувствовать себя так каждый день? Вновь вернуться в то рождественское утро и найти под елкой настоящий противогаз, прошедший всю Корейскую войну? Чтобы мать снова медленно открывала глаза и сказала: *«Я люблю тебя больше всего на свете»*? На самом деле вопрос в другом: на что он только не готов ради этого?

Бинг сделал три шага в сторону выхода, прежде чем вспомнил, что нужно натянуть штаны.

После того как Джон Партридж уволился со службы, мать Бинга устроилась в церковь секретаршей. Ее электрическая печатная машинка «Оливетти» стояла в шкафу в коридоре. Литера «О» не работала, но Бинг знал, что ее можно заменить цифрой 0. Бинг вставил лист бумаги и начал печатать:

Д0р0гие ХХХХХ, уважаемые владельцы ХХХХ Страны Р0жества.

Отвечаю на ваше Объявление в журнале «Пряная угр0за». Х0чу ли я работать в Стране Р0жества? ЕЩЕ КАК! Я 18 лет работал в к0мпании «Н0рХимФарм» в Шугаркрике, штат Пенсильвания, и 12 лет был ХХХХ менеджер0 м в к0манде п0 уб0рке. В м0и Обязанности входят к0нтр0ль и использование сжатых газов (кисл0р0д, вод0р0д, гелий и сев0флуран). Д0гадайтесь, ск0льк0 инцидент0в пр0изошло в м0и дежурства? НИ ОДНОГО!

Чт0 нужн0 сделать, чт0бы каждый день был0 Р0жество? К0г0 я должен УБИТЬ, ха-ха-ха!!! На своей работе в «Н0рХимФарм» я чем т0льк0 не занимался. Мне приходил0сь Очищать забитые туалеты и пр0мывать ХХХХХ сами знаете чт0, смывать м0чу с0 стен и травить крыс «Грязн0й дюжин0й». Вы ищите т0г0, кт0 не б0ится испачкать руки? Т0гда ваш п0иск п0д0шел к к0нцу!

Я т0 т человек, к0т0р0г0 вы ищите: целеустремленный человек, чт0 любит детей и не б0ится приключений. Мне мн0г0г0 не нужн0 – лишь бы был0 где работать. Работа п0 без0пасности – эт0 мне п0 плечу. Если г0в0рить начист0ту, я к0гда-т0 х0тел служить своей г0рд0й нации в ф0рме, как м0й п0к0йный Отец во время К0рейск0й в0йны, н0 из-за 0шибки м0л0д0сти и мн0жества печальных семейных пр0блем не вышл0. Ладн0! Не буду б0льше жал0ваться. П0верьте, если вы примете меня в ряды 0храны Страны Р0жества, я с0чту эт0 за великую честь. Я с0бираю в0енные реликвии. Есть личн0е Оружие, и я знаю, как им п0льз0ваться.

В заключение надеюсь, чт0 вы 0ответите мне п0 нижеследующему адресу. Я верен делу и г0т0в умереть за такую в0зм0жн0сть. Я г0т0в на ЧТ0 УГ0ДН0, чт0бы заслужить мест0 среди перс0нала Страны Р0жества.

ХХХХХ С праздник0 м!

Бинг Партридж

БИНГ ПАРТРИДЖ

25, БЛ0Х-ЛЕЙН

ШУГАРКРИК, ШТАТ ПЕНСИЛЬВАНИЯ, 16323

Он вынул лист из печатной машинки и перечитал текст, шевеля губами. Его рыхлое, похожее на огромную картошку тело обливалось потом – столько усилий от него потребовала концентрация мыслей. Он решил, что ясно и обстоятельно изложил о себе факты. Он беспокоился, что зря упомянул «ошибки молодости» и «печальные семейные проблемы», но в конце концов решил, что адресаты, вероятно, так или иначе узнают о его родителях. Лучше хладнокровно во всем признаться, чем скрывать правду. Это случилось давно, и он много лет как вышел из Молодежного центра, более известного как Мусорка. После отсидки он работал не покладая рук и ни дня не пропустил в «НорХимФарм».

Он сложил письмо и поискал конверт в шкафу. Вместо этого ему попала коробка неиспользованных рождественских открыток. Мальчик и девочка в ворсистой пижаме выглядели из-за угла и с широкими от удивления глазами смотрели на Санта-Клауса, стоявшего во мраке перед рождественской елью. Пижамы девочки была расстегнута, приоткрывая пухлую попку. Джон Партридж порой говорил, что Бинг тупой как пробка. Возможно, в чем-то он был прав, но кое-что в этой жизни его сын все-таки смыслил. Он вложил письмо в рождественскую открытку, а открытку – в конверт, украшенный листьями остролиста и блестящей клюквой.

Прежде чем опустить письмо в почтовый ящик в конце улицы, он поцеловал конверт, словно священник, преклоняющий голову, чтобы поцеловать Библию.

* * *

На следующий день в полтретьего дня он уже ждал возле почтового ящика. Именно в это время почтальон проезжал по улице на своем белом грузовичке. Цветы из фольги на переднем дворе Бинга лениво крутились, создавая едва слышимый шум.

– Бинг, – поприветствовал его почтальон, – а ты почему не на работе?

– Ночная смена.

– Война, что ли, на носу? – спросил почтальон, кивнув на одежду Бинга.

На Бинге была спортивная форма горчичного цвета, которую он надевал на удачу.

– Если и так, я буду к ней готов, – ответил Бинг.

Из Страны Рождества ничего не было. Да и как могло быть по-другому? Он ведь послал открытку лишь днем раньше.

* * *

Ничего не пришло и на следующий день.

* * *

И на следующий.

* * *

Бинг был уверен, что уж в понедельник ответ точно придет и даже вышел на крыльцо за полчаса до прибытия почтальона. Над гребнем холма – как раз за колокольной церкви Новой американской веры – чернели отвратительные грозовые тучи. Приглушенный гром гремел в трех километрах отсюда и пяти километрах в небе, отдаваясь вибрацией где-то в глубине Бинга и сотрясая его обернутые жиром кости. Цветы из фольги истерически вращались с таким звуком, словно свора детей, мчащихся на велосипедах вниз по склону.

Раскаты грома тревожили Бинга. В тот день, когда отцу не повезло с пневматическим молотком (именно так он об этом думал: в тот день он не убивал своего отца, просто случайно выстрелил инструмент), было очень жарко и так же гремел гром. Отец почувствовал ствол, который Бинг прижал к его левому виску, и покосился на возвышающегося над собой сына. Отец отхлебнул пива, почмокал губами и сказал:

– Было бы чего бояться. Духу не хватит.

Нажав на курок, Бинг сел рядом с отцом и прислушался к звукам дождя, барабанившего по крыше гаража. Джон Партридж распластался на полу, подергивая одной ногой, а на передней части штанов растекалась моча. Бинг ждал мать. Она истошно закричала, когда вошла внутрь. Настал ее черед – хотя на этот раз обошлось без молотка.

Затем Бинг вышел во двор и наблюдал, как грозовые облака громоздились в небе над церковью, стоявшей на вершине холма. Там в последние дни своей жизни работала его мать. Он был верно предан этой церкви, посещая ее каждое воскресенье – даже до того, как научился ходить и говорить. Одним из его первых слов было «луя» – так он пытался произнести «аллилуйя». Мать еще несколько лет называла его Луя.

Сейчас никто не проводил там службы. Пастор Митчелл сбежал с внушительной денежной суммой и замужней женщиной впридачу, а всю собственность конфисковал какой-то банк. По воскресеньям единственными грешниками в церкви Новой американской веры были голуби, которые жили на стропилах. Бинг немного побаивался этого места... его пугала пустота. Он считал, что церковь презирает его за то, что он отвернулся от нее и от Бога; иногда она наклонялась вперед и сверлила его своими витражными глазами. Бывали дни, напоподобие этого, когда леса наполнялись безумным жужжанием насекомых, воздух дрожал от жара и церковь, казалось, *парила в воздухе*.

Гром громыхал весь вечер.

– Дождик, дождик, уходи, – тихо пропел Бинг. – Послезавтра приходи.

Первая теплая капля дождя ударила ему в лоб. За ней последовали и остальные, ярко сияющие в лучах света, косо падающего с голубого неба на запад. Они были такими же горячими, как брызги крови.

Почтальон запаздывал, и к тому времени, когда он приехал, Бинг промок до нитки и поеживался под навесом у входной двери. Он пробежал под ливнем до почтового ящика. Когда Бинг сунул руку внутрь, из облаков ударил разряд молнии и с грохотом вонзился в землю где-то за церковью. Мир осветился голубовато-белой вспышкой. Испуганный Бинг ожидал, что сгорит заживо от прикосновения божьего перста за то, что сделал с отцом пневматическим молотком, а после сотворил с матерью на кухонном полу.

В почтовом ящике лежал и счет от обслуживающей компании и рекламная листовка нового магазина матрасов. Больше ничего.

* * *

Девять часов спустя Бинг проснулся в своей кровати и с изумлением услышал трепетные звуки скрипки, к которым присоединилось роскошное пение, такое же мягкое и нежное, как ванильное печенье. Это был его тезка – певец Бинг Кросби. Мистер Кросби мечтал о белоснежном Рождестве, таком, как те, что видел прежде.

Бинг подтянул одеяло к подбородку и внимательно прислушался. Помимо музыки, слышалось мягкое царапание иглы на виниловой пластинке.

Он выскользнул из постели и подкрался к двери. Пол охлаждал босые пятки.

В гостиной танцевали родители Бинга. Отец в спортивной форме горчичного цвета стоял к нему спиной. Мать положила голову на плечо Джона, закрыла глаза и слегка приоткрыла рот, словно танцевала во сне.

Под приземистой, скромной и покрытой блестками елью ожидали подарки: три больших помятых баллона севофлурана, украшенные алыми бантами.

Его родители медленно повернулись, и Бинг увидел, что отец был в противогазе, а мать – голая. Она действительно спала. Ее ноги волочились по половицам. Отец обхватил ее за талию, его руки в перчатках сжимали белые ягодицы супруги. Голый зад матери сиял, как какое-то бледное небесное тело, напоминающее луну.

– Папа? – окликнул Бинг.

Его отец продолжал танцевать. Он снова повернулся спиной и увлекал мать за собой.

– ВЫХОДИ, БИНГ! – прокричал низкий, раскатистый голос, настолько громкий, что в шкафу зазвенел китайский фарфор.

Бинг покачнулся от удивления. Его сердце екнуло в груди. Игла патефона подпрыгнула и перескочила к концу песни.

– ВЫХОДИ! ПОХОЖЕ, РОЖДЕСТВО В ЭТОМ ГОДУ НАСТУПИЛО РАНЬШЕ! ХО-ХО-ХО!

Какая-то часть Бинга хотела вернуться в свою комнату и захлопнуть за собой дверь. Он решил закрыть глаза и уши, но не мог найти в себе силы сделать это. Он содрогнулся при мысли о необходимости сделать шаг, однако ноги сами понесли его вперед – мимо елки и баллонов севифлурана, мимо отца и матери, в коридор, к входной двери. Та открылась настежь, стоило ему протянуть к ней руку.

Цветы из фольги в его саду спокойно кружились в зимней ночи. Он получал по одному цветку за каждый год работы на «НорХимФарм» – в качестве подарка для персонала на ежегодной праздничной вечеринке.

На улице он увидел Страну Рождества. Санные горки грохотали и гремели, дети в салазках кричали и вздымали руки к морозной ночи. Большое чертовое колесо – арктический глаз – вращалось на фоне незнакомых звезд. На рождественской ели высотой с десятиэтажный дом и шириной с дом Бинга горели свечи.

– СЧАСТЛИВОГО ЕБУЧЕГО РОЖДЕСТВА, БИНГ, ЧОКНУТЫЙ ПРИДУРОК, – прокричал громогласный голос. Когда Бинг посмотрел на небо, он увидел, что у луны появилось лицо. Единственный выпученный и налитый кровью глаз смотрел с тощего скуластого лица, испещренного кратерами и выступающими костями. Оно ему усмехнулось:

– НУ ЧТО, БЕЗУМНЫЙ МАМКОЕБ? ГОТОВ К ПОЕЗДКЕ ВСЕЙ СВОЕЙ ЖИЗНИ?

Бинг сел в постели – на этот раз он проснулся по-настоящему. Сердце колотилось в груди. Он насквозь промок от пота, его пижама с солдатами «Джи Ай Джо» липла к коже. Бинг рассеянно заметил, что его отвердевший член даже слегка болел, выпирая через поверхность штанов.

Он задышался, как будто не проснулся, а *всплыл на поверхность* после длительного пребывания под водой.

Комнату наполнял холодный и бледный, цвета кости, свет безликой луны.

Почти полминуты Бинг глотал воздух, прежде чем понял, что все еще слышит «Белоснежное Рождество». Песня преследовала его из сна. Она доносилась откуда-то издалека и, казалось, с каждым мгновением становилась все тише. Бинг знал: если он не посмотрит, что происходит, она исчезнет, и завтра утром он поверит, что все ему приснилось. Партридж поднялся и на негнущихся ногах подошел к окну, чтобы выглянуть во двор.

В конце квартала отъезжала старая машина – черный «Роллс-Ройс» с выступавшими бортами и хромированным крепежом. Задние фонари вспыхнули красным, осветив номерной знак: NOS4A2. Затем автомобиль свернул за угол и исчез, унося с собой радостные звуки Рождества.

«НорХимФарм»

Бинг знал, что к нему приедет человек из Страны Рождества, задолго до того, как появился Чарли Мэнкс и пригласил его прокатиться. Он также понимал, что этот мужчина не будет похож на остальных людей и что охрана Страны Рождества не походила на другие работы – в чем Партридж действительно не разочаровался.

Он видел это в своих снах, которые казались ему куда живописнее и ярче, чем вся его предыдущая жизнь. В сновидениях он никак не мог добраться до Страны Рождества, но видел ее из окон и из двери, чувствовал запах мяты и какао, смотрел на свечи, горящие на десятиэтажной елке. До него доносились звуки салазок на разболтанных старых деревянных Санных горках. Он слышал музыку и крики детей. Если не знать, в чем дело, можно было подумать, что их убивают.

Он видел это не только в своих снах, но еще и догадывался из-за *машины*. После того случая Бинг встретился с ней еще раз во время работы на погрузочной платформе. Какие-то ребята нарисовали аэрозольной краской на задней стороне здания большой черный член, извергавший сперму на пару красных шаров, которые, предположительно, изображали сиськи, но выглядели, на взгляд Бинга, как рождественские игрушки. Он работал снаружи в защитном прорезиненном костюме и промышленном противогазе, с ведром щелочного раствора в руке, чтобы отскоблить металлической щеткой краску со стены.

Бинг любил работать со щелоком. Он любил наблюдать, как тот растворяет краску. Денис Лури – аутист из утренней смены – рассказывал, что щелок может расплавить тело человека до состояния жижи. Денис и Бинг положили дохлую летучую мышь в ведро с щелочью и оставили ее на сутки, а на следующее утро там не было ничего, кроме выглядящих как бутафория полупрозрачных костей.

Он отступил назад, любясь своей работой. Яйца почти исчезли, обнажив под собой красный кирпич; остались только черный член и сиськи. Внезапно он увидел, как на стене появилась его тень, четко очерченная на грубом кирпиче.

Бинг повернулся на каблуках, чтобы посмотреть назад, и увидел черный «Роллс»: тот был припаркован по другую сторону проволочного забора. Высоко расположенные фары ближнего света слепили ярким светом.

Можно всю жизнь наблюдать за птицами, не понимая, чем воробей отличается от дрозда, но лебедя все признают с первого взгляда. То же самое и с машинами. Возможно, кто-то не отличит «Санфайр» от «Файрберда», но стоит ему увидеть «Роллс-Ройс», он тут же его узнает.

При виде машины Бинг улыбнулся и почувствовал, как к сердцу прилила кровь: *сейчас это произойдет. Водитель откроет дверцу и спросит: «Молодой человек, а не вы ли Бинг Партридж, который написал нам по поводу работы в Стране Рождества?» И жизнь начнет. Наконец начнется новая жизнь.*

Однако дверь не открылась... пока что. Человек за рулем – Бинг не разглядел его лица из-за слепящих фар – ничего не сказал и даже не опустил стекло. Однако он приветственно мигнул дальним светом, прежде чем развернуть машину по широкому кругу и отъехать от здания «НорХимФарм».

Бинг снял противогаз и сунул под мышку. Под защитной маской его лицо покраснелось, и прохладный в тени воздух приятно обдувал его кожу. Он услышал доносившийся из машины рождественский гимн «Радуйся, мир!». Да. Именно так он себя и чувствовал.

Он не понимал, приглашает ли его с собой человек за рулем или нет. Должен ли Бинг бросить маску, ведро с щелоком, обойти забор и сесть на пассажирское сиденье? Но как только он сделал шаг, машина медленно покатилась вперед.

– Подождите! – крикнул Бинг. – Не уезжайте! Подождите!

Он пришел в ужас от вида уезжающего «Роллса» и уменьшающегося вдаль номерного знака NOS4A2.

Ошеломленный Бинг, уже впадающий в панику, кричал вслед:

– Я видел ее! Я видел Страну Рождества! Пожалуйста! Дайте мне шанс! Пожалуйста, вернитесь!

Вспыхнул стоп-сигнал. «Роллс» на мгновение замедлился, словно услышал крики Бинга, но затем поехал дальше.

– Дайте мне шанс! – закричал Партридж. – *Всего один шанс!*

«Роллс» уже исчез за углом. Раскрасневшийся Бинг обливался потом, сердце гулко стучало в груди.

Он все еще стоял там, когда бригадир, мистер Паладин, вышел покурить на погрузочную платформу.

– Эй, Бинг, ты еще член не стер, – сказал он. – Ты этим утром работаешь или отпуск решил взять?

Бинг беспомощно смотрел на дорогу.

– Отпуск на рождественские выходные, – сказал он тихим голосом, чтобы мистер Паладин не мог его услышать.

* * *

Бинг не видел «Роллс» всю неделю из-за смены графика: ему пришлось пахать за двоих – с шести до шести. На складах было чертовски жарко – настолько жарко, что можно было обжечься о баллоны со сжиженным газом. Бинг сел в свой обычный автобус до дома: сорок минут езды, шумные вентиляторы, задувающие горячий воздух в салон, и надрывающийся всю дорогу младенец.

Он вышел на остановке «Фэйрфилд-стрит» и следующие три квартала прошел пешком. Воздух сложно было назвать воздухом, он скорее походил на жидкость, которая, казалось, вот-вот закипит. Жар поднимался от размягченного асфальта и наполнял собой воздух – так, что дома в конце квартала дрожали, как отражение в беспокойном пруду.

– Жара, жара, уходи, – напевал Бинг. – Прохладу мне приведи...

«Роллс» стоял на улице перед домом. Человек за рулем выглянул из окна, посмотрел на Бинга и улыбнулся ему, как старому другу, затем махнул длинными пальцами: *давай быстрее*.

Бинг неловко взмахнул рукой в ответном приветствии и засеменял по улице нелепой трусцой толстяка. Появление «Роллса» у дома взволновало Бинга. Какая-то его часть верила, что человек из Страны Рождества когда-нибудь да приедет за ним. Однако другая часть начала тревожиться, что его мечты и случайные встречи с машиной больше походили на ворон, круживших в преддверии чего-то нехорошего – например сумасшествия. С каждым шагом ему все больше казалось, что NOS4A2 начнет двигаться, что автомобиль уедет и исчезнет навсегда. Но машина оставалась на месте.

Человек на пассажирском сиденье вообще-то сидел за рулем, потому что в «Роллс-Ройсе», старом английском автомобиле, рулевое колесо располагалось справа. Водитель добродушно улыбнулся Бингу Партриджу. Бинг с первого взгляда понял: хотя этому человеку точно перевалило за сорок, он был намного старше своих лет. Его спокойные глаза оттенка выцветшего морского стекла на самом деле были глазами старика – неизмеримо древними. В вытянутом лице сквозили мудрость и доброта, даже несмотря на неправильный прикус и кривоватые зубы. Некоторые люди, предположил Бинг, могли бы сравнить его лицо с мордочкой хорька, но в профиль он смотрелся как лик на монетах.

– Вот он! – закричал мужчина за рулем. – Пылкий молодой Бинг Партридж. Герой дня! Нам давно следовало побеседовать, молодой человек! Готов поспорить, что это будет самая важная беседа в твоей жизни!

– Вы из Страны Рождества? – севшим голосом спросил Бинг.

Старик – или, возможно, неподвластный времени мужчина – приложил палец к одной стороне носа.

– Чарльз Талент Мэнкс-третий к твоим услугам, мой дорогой! Генеральный директор компании «Страна Рождества»! Начальник увеселений и президент забав. А также Его Преосвященство! Король дерьма с холма навоза, хотя этот чин и не значится в моей визитке.

Он щелкнул пальцами, и словно из ниоткуда в его руке появилась визитная карточка. Бинг взял карточку и внимательно ее изучил.

– Если лизнешь, почувствуешь вкус леденцов, – сказал мистер Мэнкс.

Бинг взглянул на него и провел шершавым языком по карточке. Она имела вкус бумаги и картона.

– *Шутка!* – закричал Чарли и врезал Бингу по плечу. – Кто я, по-твоему, такой? Вилли Вонка? Залезай! Забирайся в машину! Сынок, выглядишь так, словно вот-вот превратишься в лужицу бингового сока! Позволь угостить тебя лимонадом! Нам нужно обсудить кое-что важное!

– Работу? – спросил Бинг.

– Будущее, – ответил Чарли.

Шоссе 322

– В такой красивой машине я ни разу не ездил, – сказал Бинг Партридж, когда они мчались по шоссе 322. «Роллс» вписывался в повороты, как шариковый подшипник из нержавеющей стали, который несся по пазу.

– «Роллс-Ройс Призрак» 1938 года – один из четырех сотен, произведенных в Бристоле, что расположен в Англии. Штучный экземпляр... как и ты, Бинг Партридж!

Бинг провел рукой по шагреновой коже. Полированная вишневая приборная доска. Блестящий рычаг переключения скоростей.

– А что означает ваш номерной знак? – спросил Бинг. – Эн, о, эс, четыре, а, два?

– Носферату, – ответил Чарли Мэнкс.

– Носфер... что?

– Всего лишь одна из моих шуток, – сказал Мэнкс. – Моя первая жена однажды назвала меня Носферату. Она использовала не именно это слово, но достаточно близкое по смыслу. Видел когда-нибудь ядовитый плющ, Бинг?

– Давным-давно. В детстве, еще до того, как умер мой отец, он взял меня с собой в поход, и я...

– Вот если бы он взял тебя в поход после того, как умер, сынок, тогда твоей истории цены бы не было! Вот что я тебе скажу: моя первая жена походила на сыпь от ядовитого плюща. Я терпеть ее не мог, но и бросить тоже. Она была как зудящее место, которое я чесал до крови... а затем расчесывал еще больше. Твоя работа очень опасная, мистер Партридж!

Он настолько внезапно сменил тему, что Бинг, не готовый к этому, даже не сразу понял, что настал его черед говорить.

– Опасная?

– В своем письме ты упомянул, что работаешь со сжиженными газами, – сказал Мэнкс. – Разве баллоны с гелием и кислородом не взрывоопасны?

– Да, конечно. Несколько лет назад один парень на складе украдкой затянулся у баллона с азотом. А вентиль-то был открыт. Баллон рванул и, как ракета, снес с петель пожарную дверь, хотя та была железная. Никто не пострадал. С тех пор как я возглавил команду, мы работаем без инцидентов. Ну... почти без инцидентов. Однажды Денис Лури надыхался пряничного дыма, но это не считается. У него даже голова не заболела.

– Пряничного дыма?

– Это ароматизированная смесь севофлурана, который у нас закупают стоматологи. Можно производить ее без запаха, но малышам нравится старый добрый пряничный дым.

– Да? Так это, выходит, наркотик?

– В общем-то, да. Вы не понимаете, что происходит, но не засыпаете. Просто подчиняетесь всему, что вам говорят. Теряете голову.

Бинг коротко рассмеялся и произнес почти извиняющимся тоном:

– Мы сказали Денису, что он на дискотеке. Парень начал отплясывать, как Джон Траволта в том фильме. Мы чуть не умерли от смеха.

Мистер Мэнкс добродушно усмехнулся, обнажив мелкие коричневые зубы.

– Мне нравятся люди с чувством юмора, мистер Партридж.

– Называйте меня Бинг, мистер Мэнкс.

Он думал, что мистер Мэнкс попросит называть его Чарли, но вместо этого владелец Страны Рождества произнес:

– Я считаю, что большинство людей, танцующих под диско, находятся под влиянием каких-то наркотиков. По-другому не объяснить. Да разве можно называть эти глупые покачивания тела танцем? Глупость, да и только!

«Призрак» мчался по грунтовой дороге и подъехал к «Молочной королеве». На асфальте автомобиль скользил, как парусник при попутном ветре, безмолвный и легкий. На грунтовке у Бинга сложилось другое впечатление – чувство массы, силы и веса. Казалось, что он едет в танке, который перемалывает глину под своими гусеницами.

– Давай я куплю нам кока-колу и мы приступим к делу? – сказал Чарли Мэнкс.

Он свернул с дороги, лениво управляя автомобилем одной рукой.

Бинг открыл было рот, чтобы ответить, но с трудом сдержал зевот. Долгая мирная поездка в покачивающемся автомобиле под лучами вечернего солнца навевала сонливость. Бинг уже месяц плохо спал и вставал в четыре утра, и если бы Чарли Мэнкс не ожидал его возле дома, он бы приготовил себе ужин из полуфабрикатов и пораньше лег спать. Это кое-что ему напомнило.

– Она мне снилась, – сказал Бинг. – Я все время вижу сны о Стране Рождества.

Он смущенно засмеялся. Чарли Мэнкс посчитает его глупцом.

Однако Чарли Мэнкс улыбнулся еще шире.

– А луна тебе снилась? Луна говорила с тобой?

У Бинга перехватило дыхание. Он взглянул на Мэнкса с изумлением и легкой тревогой.

– Она тебе снится, потому что там твое место, – сказал Мэнкс. – Но если ты хочешь туда попасть, тебе придется это заслужить. И я могу подсказать, каким образом.

* * *

Несколько минут спустя мистер Мэнкс вернулся от окна закуской, где торговали навывнос. Он втиснул свое тощее тело за руль и передал Бингу холодную запотевшую бутылку шипящей кока-колы. Такой аппетитно выглядящей бутылки колы Бинг ни разу не видел.

Бинг запрокинул голову и залпом выпил полбутылки колы – один глоток, второй, третий. Он глубоко вдохнул и громко рыгнул, издав резкий прерывистый звук, такой громкий, словно кто-то порвал простыню.

Он покраснел от стыда, но Чарли Мэнкс лишь весело засмеялся.

– Не держи в себе, – сказал он. – Вот что я всегда говорю своим детям!

Бинг расслабился и виновато улыбнулся. Отрыжка как будто отдавала не колой, а странным привкусом аспирина.

Мэнкс крутанул руль и выехал на дорогу.

– Вы за мной наблюдали? – спросил Бинг.

– Да, – ответил Чарли. – Почти с того момента, как получил твое письмо. Признаюсь, я был удивлен. Вот уже несколько десятилетий я не получал писем в ответ на свои старые рекламные объявления. Тем не менее, как только я прочитал твое письмо, *у меня появилось предчувствие*, что ты – один из нас. Тот, кто понимает важность моей работы. Конечно, предчувствие – хорошая штука, однако знать наверняка – еще лучше. Страна Рождества – особое место, и немногие люди годятся для такого труда. Я очень придирчив к тем, кого нанимаю. Сейчас, например, я ищу человека на должность главы безопасности. Мне нужно бу-бу-бу, чтобы он хум-хум-хум.

Бингу потребовалась целая минута, чтобы понять, что он не расслышал последних слов Чарли Мэнкса. Звук его голоса терялся в шуршании шин, проезжающих по асфальту. Они как раз съехали с шоссе, скользя в прохладной тени елей и сосен. Когда Бинг мельком увидел розовое небо – он даже не заметил, как солнце скользнуло вниз, сменившись закатом, – там, в ясной пустоте, висела луна, такая же белая, как лимонный лед.

– Что вы сказали? – спросил он, с усилием выпрямившись в кресле, и захлопал глазами.

Бинг смутно понимал, что начинает клевать носом. Кока-кола с кофеином, сахаром и освежающим шипением должна была взбодрить его, но почему-то произвела обратный

эффект. Он допил остатки колы, однако осадок на дне бутылки так сильно горчи́л, что Бинг скривил лицо.

– Мир полон глупых и жестоких людей, Бинг, – сказал Чарли. – И знаешь, что самое плохое? У многих из них есть дети. Взрослые напиваются и бьют своих малышей. Бьют и называют последними словами. Некоторым людям нельзя заводить детей, я так считаю! Хотя выставить их в ряд и всадить пулю во всех до единого. Я даже глазом не моргну. Пулю в мозг... а то и гвоздь.

Бинг почувствовал, как его внутренности едва не вывернулись наизнанку. Его охватил страх – такой сильный, что пришлось схватиться за приборную панель, чтобы не упасть.

– Я ничего не помню, – солгал он дрожащим голосом. – Это было давно. Я многое бы отдал, чтобы вернуть все назад.

– Зачем? Чтобы позже он убил тебя? В газетах писали, что перед тем, как ты его застрелил, отец бил тебя так сильно, что проломил череп. В газетах писали, что на тебе места живого не было. Надеюсь, мне не нужно объяснять тебе разницу между убийством и самообороной.

– Я причинил вред своей маме, – прошептал Бинг. – На кухне. Она не сделала мне ничего плохого.

Его слова не впечатлили мистера Мэнкса.

– А где она была, когда отец раздавал тебе оплеухи? Судя по всему, она не горела желанием защитить тебя своим телом. Почему она не вызвала полицию? Не нашла номер в телефонной книге?

Мэнкс тяжело вздохнул.

– Бинг, мне жаль, что некому было за тебя вступиться. Некоторым людям, которые причиняют боль своим детям, и ада недостаточно. Но я предпочитаю не допускать подобного, а не наказывать! Как было бы лучше, если бы с тобой ничего не произошло. Если бы твой дом был образцом спокойствия. Если бы каждый день был для тебя Рождеством, а не адом. Думаю, мы оба с этим согласны!

Бинг смотрел на него растроганным взглядом. Ему казалось, что он не спал много дней. Несмотря на всю силу воли, Бинг все больше погружался в кожаное сиденье и соскальзывал в сон.

– Кажется, я сейчас засну, – сказал он.

– Все нормально, Бинг, – произнес Чарли. – Дорога в Страну Рождества вымощена снами.

Откуда-то сверху падали белые цветы, мелькая на фоне ветрового стекла. Уже почти ничего не соображающий Бинг смотрел на них с удовлетворением. Ему было тепло, хорошо и мирно. Ему нравился Чарли Мэнкс. *«Некоторым людям, которые причиняют боль своим детям, и ада недостаточно!»* Как сказано! Этот человек действительно верил в свои слова. Чарли Мэнкс знал, что почем.

– Бу-бу-бу хум-хум-хум, – говорил Чарли Мэнкс.

Бинг кивнул. В этих словах тоже звучала уверенность и мудрость. Он указал на цветы, падающие на ветровое стекло.

– Снег пошел!

– Ха, – сказал Чарли Мэнкс. – Это не снег. Закрывай глаза, Бинг Партридж. Закрывай, и ты кое-что увидишь.

Бинг сделал, как ему велели.

Он прикрыл глаза буквально на одно мгновение. Но это мгновение длилось и длилось, растягиваясь до безмятежной вечности, мирно спящей пустоты, покой которой нарушало только шуршание шин на дороге. Бинг глубоко вдохнул и выдохнул. Он открыл глаза, а затем резко выпрямился и понял, что перед ним

Дорога в Страну Рождества

День подошел к концу, и фары «Призрака» скользили по морозной темноте. В их сиянии белые пушинки падали и мягко налипали на ветровое стекло.

– Вот это я понимаю, снег! – крикнул из-за руля Чарли Мэнкс.

Бинг стряхнул дремоту и моментально проснулся, словно кто-то только что щелкнул переключателем. Казалось, вся его кровь прихлынула к сердцу. Он удивился бы меньше, если бы проснулся и обнаружил на своих коленях гранату.

Половина неба была затянута тучами. Другую половину усеивали звезды, среди которых висела луна с крючковатым носом и широким улыбающимся ртом. Она рассматривала дорогу единственным желтовато-серебристым глазом, едва заметным под опущенным веком.

Вдоль дороги стояли причудливые пихты. Бинг долго присматривался, прежде чем догадался, что это вовсе не пихты, а мармеладные деревья.

– Страна Рождества, – прошептал он.

– Нет, – ответил Чарли Мэнкс. – До нее еще далеко. Часов двадцать, не меньше. И она расположена западнее. Один раз в год я отвожу туда кого-нибудь, Бинг.

– Например, меня? – спросил Бинг дрожащим голосом.

– Нет, Бинг, – мягко ответил Чарли. – Не в *этом* году. В Стране Рождества живут только дети, со взрослыми другое дело. Сначала ты должен доказать свою ценность. Ты должен доказать свою любовь к детям, желание защищать их и служить Стране Рождества.

Они проехали мимо снеговика, который помахал им своей ручкой-веточкой. Бинг непроизвольно помахал ему в ответ.

– Каким образом? – прошептал он.

– Ты должен спасти со мной *десять* детей. Спасти их от *чудовищ*.

– Чудовищ? Каких чудовищ?

– Их родителей, – торжественно возвестил Мэнкс.

Бинг отодвинул лицо от ледяного стекла пассажирского окна и посмотрел на Чарли Мэнкса. Еще минуту назад, когда он закрывал глаза, в небе сиял солнечный свет, а мистер Мэнкс был одет в простую белую рубашку и подтяжки. Теперь же он был одет в сюртук с длинными фалдами и темную кепку с черным кожаным околышем. На сюртуке выделялась двойная линия медных пуговиц. Такую форму мог бы носить иностранный офицер – какой-нибудь лейтенант королевской гвардии. Взглянув на себя, Бинг увидел, что тоже был одет в новую одежду: отцовскую белоснежную парадную форму морского пехотинца и отполированные до блеска черные сапоги.

– Мне снится сон? – спросил Бинг.

– Я же говорил, – ответил Мэнкс. – Дорога в Страну Рождества *вымощена* снами. Моя машина может покидать повседневный мир и скользить по тайным дорогам мысли. Сон для нее как съезд с дороги обычного мира. Когда пассажир засыпает, мой «Призрак» съезжает с обычной дороги на шоссе Святого Ника. Мы связаны общим сном. Да, мы попали в *твой* сон, Бинг, но машина все равно *моя*. Приготовься! Я хочу тебе кое-что показать.

Машина тем временем замедлилась и съехала к обочине. Под шинами заскрипел снег. Фары осветили фигуру справа от дороги. Издалека она выглядела как неподвижная женщина в белом платье, не обращающая внимания на огни «Призрака».

Мэнкс наклонился и открыл бардачок над коленями Бинга. Внутри был обычный беспорядок – кипа дорожных карт и газет, а также фонарик с длинной хромированной рукояткой. Из-под кучи газет выкатился оранжевый медицинский пузырек. Бинг поймал его одной рукой и прочитал: «ХЭНСОМ, ДЬЮИ. ВАЛИУМ 50 мг».

Мэнкс взял фонарик, выпрямился и с треском распахнул дверь.

– Отсюда мы пойдем пешком.

Бинг поднял бутылочку.

– Вы дали мне что-то, чтобы я уснул, мистер Мэнкс?

Мэнкс подмигнул.

– Не держи на меня зла, Бинг. Я знал, что ты хочешь попасть в Страну Рождества как можно скорее. А увидеть ее ты мог лишь во сне. Надеюсь, ты не против?

– Думаю, нет, – ответил Бинг. Он пожал плечами и взглянул на пузырек. – Кто такой Дьюи Хэнсом?

– Он был *тобой*. Моим до-бинговским парнем. Дьюи Хэнсом работал агентом по съемкам в Лос-Анджелесе и специализировался на подростках-актерах. Он помог мне спасти десять детей и заслужил себе место в Стране Рождества! О, дети Страны Рождества *полюбили* Дьюи. Они буквально съели его без остатка! Пошли!

Бинг открыл дверь автомобиля и выбрался на тихий морозный воздух. Ночь была безветренной, и снег медленно падал вниз, покалывая щеки. Для старика («*Почему я до сих пор считаю его стариком?* – задавался вопросом Бинг. – *Он ведь не выглядит старым*») Чарли Мэнкс оказался очень подвижным. Он быстро шагал по обочине, громко поскрипывая ботинками. Бинг в тонкой прохладной праздничной форме поплелся за ним, обхватив себя руками.

Здесь была не одна женщина в белом платье, а целых две. Вырезанные из гладкого мрамора дамы стояли по обе стороны железных ворот и выглядели одинаково. Они наклонялись вперед, раскинув руки для объятий, и их струящиеся, белые как кость платья вздымались позади, как крылья ангелов. Они были очень красивые – с полными губами и слепыми глазами классических статуй. Их губы были приоткрыты, словно они задыхались или были готовы рассмеяться – а может, заплакать от боли. Согласно задумке скульптора, их груди выпирали через накидки.

Мэнкс открыл черные ворота между двумя дамами. Бинг заколебался, но все же погладил одну из гладких холодных грудей своей правой рукой. Он всегда хотел коснуться такой груди – твердой, полной и материнской.

Каменная дама широко улыбнулась, и Бинг с криком отпрыгнул назад.

– Пошли, Бинг! – крикнул Мэнкс. – Дело не ждет! Для такого холода ты слишком легко одет!

Бинг хотел шагнуть вперед, но на секунду задержался и взглянул на арку над открытыми железными воротами.

КЛАДБИЩЕ ТОГО, ЧТО МОГЛО БЫ БЫТЬ

При виде такого загадочного названия Бинг нахмурился, но, услышав зов Мэнкса, поспешил вперед.

Четыре каменные ступени, слегка припорошенные снегом, вели вниз, к гладкой поверхности черного льда. Из-за недавнего снегопада лед покрылся снегом, но покров был неглубокий – и при касании подошвы ботинка под ним открывался гладкий прозрачный слой. Бинг сделал два шага и увидел что-то темное – в пяти сантиметрах под слоем льда. На первый взгляд оно напоминало тарелку.

Бинг склонился и посмотрел сквозь лед. Чарли Мэнкс, который шел всего в нескольких шагах впереди, повернулся и направил фонарик на пятно, на которое смотрел Бинг.

Луч осветил лицо ребенка – девочки с веснушками на щеках и с косичками на голове. При виде ее Бинг вновь вскрикнул и отступил на шаг.

Она была бледной, как мраморные статуи, охранявшие вход на Кладбище того, что могло бы быть. Тем не менее она была из плоти, а не из камня. Она открыла рот в безмолвном крике, из ее рта вырывались несколько замороженных пузырьков. Девочка тянула к нему свои руки. В одной из них она держала связку красной свернутой бечевки, в которой Бинг узнал скакалку.

– Тут девочка! – закричал он. – Мертвая девочка во льду!

– Не мертвая, Бинг, – ответил Мэнкс. – Пока нет. Возможно, она проживет еще несколько лет.

Он махнул фонариком и указал на белый каменный крест, возвышающийся над поверхностью льда.

ЛИЛИ КАРТЕР

15, Фокс-роуд

Шарпсвилль, штат Пенсильвания

1980—?

К жизни плохой влекла ее мать,

Детство угасло, начавшись едва.

Если бы кто-то мог заступиться

И подарить ей Страну Рождества!

Мэнкс обвел лучом фонаря молчаливый пейзаж, который, как Бинг теперь догадался, был замерзшим озером с рядами крестов – кладбищем размером с Арлингтон. Снег кружил вокруг мемориалов, постаментов и пустоты. В лунном свете снежинки казались серебристыми опилками.

Бинг покосился на девочку под его ногами. Она взглянула на него в ответ через лед и моргнула.

Он закричал еще раз, попятившись, и ударился о другой крест. Бинг наполовину развернулся, потерял равновесие и упал на четвереньки.

Он посмотрел через тусклый лед. Мэнкс осветил фонариком лицо другого ребенка – мальчика с чувственным задумчивым взглядом под светлой челкой.

Уильям Делман

42Б, Мэттисон-авеню

Эсбери-Парк, штат Нью-Джерси

1981—?

Билли хотел лишь чуть-чуть поиграть,

Но не остался отец помогать.

С другим убежала подлая мать.

Ножи, наркота и бремя тревог!

Если бы кто-то немного помог!

Бинг попытался встать и комично заскользил на каблуках, затем съехал вниз, чуть левее. Фонарик Мэнкса показал ему другого ребенка – девочку-азиатку, прижимавшую к себе плюшевого медвежонка в твидовом жакете.

Сара Чо

1983—?

39, Пятая улица

Бангор, штат Мэн

Сара жила как в трагическом сне

И полезла в петлю по тринадцатой весне!

Но если бы Чарли прокатил ее на своей машине,

Она вообще забыла бы о своей кручине.

Бинг охнул от ужаса. Сара Чо – мертвая девочка – с упреком посмотрела на него, открыв рот в безмолвном крике. Малышку погребли во льду вместе с бельевой веревкой, обмотанной вокруг горла.

Чарли Мэнкс поймал Бинга за локоть и помог ему встать.

– Мне очень жаль, что тебе пришлось это увидеть, – сказал Мэнкс. – Жаль, что не могу избавить тебя от подобного зрелища. Но ты должен понять причины моего труда. Вернемся в машину. У меня есть термос с какао.

Мистер Мэнкс помог Бингу пройти по льду, крепко придерживая его за предплечье и не давая упасть.

Он отпустил его только у капота машины. Чарли направился к водительской двери, а Бинг на мгновение задержался, впервые заметив рисунок на капоте: усмехающаяся дама из хрома раскинула руки так, что платье развевалось как крылья. Бинг узнал ее с первого взгляда. Она была точной копией ангелов милосердия, которые охраняли ворота на кладбище.

Когда они сели в машину, Чарли Мэнкс достал из-под сиденья серебристый термос. Он отвинтил крышку, наполнил ее горячим шоколадом и передал Бингу. Тот обхватил ее обеими руками и начал потягивать обжигающий сладкий напиток, пока Чарли Мэнкс разворачивался и отъезжал от Кладбища того, что могло бы быть. Они поехали тем же путем, которым приехали сюда.

– Расскажите мне о Стране Рождества, – дрожащим голосом сказал Бинг.

– Это *прекрасное* место, – ответил Мэнкс. – При всем уважении к мистеру Уолту Диснею, Страна Рождества – *воистину* счастливейшее место во всем мире. Хотя, с другой стороны, можно назвать его счастливейшим местом *вне* этого мира. Там каждый день – Рождество и дети не ведают несчастий. Нет, детям неизвестно само понятие несчастья! Для них существуют только забавы. Это как рай – только они, конечно, не мертвы! Дети живут вечно, всегда остаются детьми, им не нужно бороться, трудиться и унижаться перед взрослыми. Много лет назад я случайно нашел это место – мечту во плоти. Первыми его жителями стали мои собственные дети. Они спаслись до того, как их едва не прикончило жалкое злое существо, в которое перед своей смертью превратилась их мать.

Воистину, там каждый день происходит нечто невозможное. Однако это место предназначено для детей, а не для взрослых. Жить там дозволено немногим взрослым, тем, кто проявил истинную преданность высшему делу. Лишь тем, кто пожелал пожертвовать всем ради благополучия и счастья нежных малышей. Людям вроде тебя, мистер Бинг. Я всем сердцем хотел бы, чтобы все дети в мире смогли найти свою дорогу в Страну Рождества, где познали бы безопасность и безмерное счастье! Боже, как же это было бы здорово! Но немногие взрослые готовы отправить в путь своих детей с незнакомым человеком – особенно туда, куда сами не могут попасть. Наоборот, меня бы прозвали гнусным растлителем и похитителем детей. Поэтому я забираю в Страну Рождества только одного-двух детей в год, и почти всегда это малыши, увиденные мной на Кладбище того, что могло бы быть, – милые крошки, страдающие от рук своих родителей. Ты же сам страдал в детстве и должен понимать, почему я хочу им помочь. Кладбище показывает мне детей, у которых без моего вмешательства украли бы детство их отцы и матери. Малышей избивали бы цепями, кормили кошачьей едой и продавали извращенцам. Их души заледенеют, они станут холодными, бесчувственными людьми и, в свою очередь, займутся разрушением жизни своих детей. Мы – их единственный шанс, Бинг! За все годы работы хранителем Страны Рождества я спас около семидесяти детей. Я страстно мечтаю спасти еще сотню малышей, прежде чем уйду на покой.

Машина мчалась сквозь холодную, напоминавшую пещеру темноту. Бинг шевелил губами, считая про себя.

– Семьдесят, – прошептал он. – Вы сказали, что спасаете одного ребенка в год. Бывает, двоих.

– Да, это близко к правде, – ответил Мэнкс.

– Сколько же вам лет? – спросил Бинг.

Мэнкс криво усмехнулся, обнажив полный рот острых коричневых зубов.

– Работа поддерживает меня в форме. Допивай какао, Бинг.

Партридж сделал последний глоток горячей сладкой жидкости, затем взболтал остатки. На дне виднелся молочно-желтый осадок. Бинг подумал, не подмешали ли ему что-то еще из аптечки Дьюи Хэнсома. Это имя звучало как шутка – или прозвище в шутливом стихотворении. Дьюи Хэнсом. Добинговский помощник Чарли Мэнкса, который спас десять детей и отправился за своей наградой в Страну Рождества. Если Чарли Мэнкс привез туда семьдесят детей, тогда выходит... сколько? Семь добинговских помощников? Везет же некоторым.

Он услышал грохот: стук, дребезг и шум большого, нагоняющего их грузовика. Бинг оглянулся – с каждой секундой звук становился все громче – но ничего не увидел.

– Вы слышите? – спросил Бинг, не заметив, что пустая крышка термоса внезапно выскользнула из его одеревеневших пальцев. – К нам что-то приближается?

– Это утро, – ответил Мэнкс. – Оно накатывает на нас. Не смотри, Бинг! Оно уже здесь!

Рев грузовика нарастал, пока тот внезапно не проехал по левую сторону от Бинга. Он выглянул наружу и увидел боковую сторону большой машины – буквально в паре метров от него. На металлической панели были нарисованы зеленое поле, красный фермерский домик, коровы и яркое улыбающееся солнце, восходящее над холмами. Яркие лучи высвечивали буквы в полметра высотой: «Рассветная доставка».

На мгновение грузовик скрыл за собой землю и небо. «Рассветная доставка» заполнила поле зрения Бинга. Затем он с грохотом унесся вдаль, волоча за собой петушиный хвост пыли. Бинг вздрогнул, увидев почти до боли в глазах голубое небо – утреннее небо без облаков и границ, – и прищурился, вглядываясь в

Сельский край Пенсильвании

Чарли Мэнкс направил «Призрак» к обочине и остановился. Перед ними тянулась потрескавшаяся, песчаная сельская дорога. Желтоватые кусты росли прямо рядом с машиной. Жужжали насекомые. В глаза бил свет низкого солнца. Было немногим больше семи утра, но Бинг даже через ветровое стекло чувствовал яростный жар наступавшего дня.

– Черт побери! – сказал Бинг. – Что случилось?

– Солнце взошло, – мягко ответил Мэнкс.

– Я спал?

– Скорее, Бинг, ты проснулся. Возможно, впервые в жизни.

Мэнкс улыбнулся. Бинг покраснел и неуверенно улыбнулся в ответ. Он не всегда понимал Чарли Мэнкса, но это лишь усиливало его восхищение и благоговение.

В высокой траве порхали стрекозы. Бинг не знал, где они находились. Это был не Шугар-крик. Какая-то провинция. Посмотрев в пассажирское окно на туманно-золотистый свет, он увидел на холме колониальный дом с черными ставнями. На грязной дороге, под акацией, стояла девочка в алом платье с желтыми цветами. Она с удивлением смотрела на машину. В одной руке она держала скакалку, но не прыгала, а просто рассматривала гостей. Бинг предположил, что малышка никогда раньше не видела «Роллс-Ройс».

Он прищурился и поднял руку в приветствии. Она не помахала в ответ, только склонила голову набок, как будто изучая их. Он узнал девочку, только когда ее косички упали на правое плечо. Бинг подпрыгнул от удивления, ударившись коленом о нижний край приборной доски.

– Она! – закричал он. – Это же она!

– Кто? – участливым голосом спросил Чарли Мэнкс.

Они смотрели друг на друга. Бинг был бы шокирован не меньше, если бы увидел ожившего мертвеца. Каким-то образом он и видел сейчас ожившего мертвеца.

– Лили Картер, – пискнул он.

Бинг всегда хорошо запоминал короткие стихотворения.

– К жизни плохой влекла ее мать. Детство угасло, начавшись едва. Если бы кто-то мог заступиться и подарить ей...

Его голос затих, когда из-за сетчатой двери высунулась изящная женщина в испачканном мукой фартуке.

– Лили! – закричала она. – Я позвала тебя еще десять минут назад. Иди завтракать!

Лили Картер ничего не ответила, а только медленно попятилась по дороге, не отрывая от них своих зачарованных больших глаз. Она не боялась. Просто... любопытничала.

– Это, должно быть, мать Лили, – сказал Мэнкс. – Я собрал сведения об их семье. Ее мать работает барменом по ночам в придорожном баре неподалеку отсюда. Ты же знаешь, что говорят о женщинах, которые работают в барах.

– А что с ними не так? – спросил Бинг.

– Шлюхи, – ответил Мэнкс. – Почти все до единой. По крайней мере, пока позволяет внешность. В случае с мамой Лили Картер красота увянет быстро. Тогда она перестанет быть шлюхой и превратится в сутенершу. В сутенершу своей *дочери*. Кто-то же должен зарабатывать на пропитание, а мужа у Эванджелин Картер нет. Она никогда не была замужем. Возможно, даже не знает, кто ее обрюхатил. Маленькой Лили всего восемь, но девочки... растут быстрее мальчиков. Как будет выглядеть эта маленькая леди? Я уверен, что ее мать запросит большую цену за невинность ребенка!

– Откуда вы знаете? – прошептал Бинг. – Откуда вы знаете, что все это действительно произойдет? Вы... *уверены*?

Чарли Мэнкс вздернул бровь.

– Есть только один способ узнать. Отойти в сторону и оставить Лили на попечении ее матери. Возможно, мы навестим их через несколько лет и посмотрим, как сильно ее мать преуспела в обращении с девочкой. Скорее всего, она предложит нам ее на двоих по цене одного!

Лили пятилась до самого крыльца.

Мать снова выкрикнула ее имя хриплым и сердитым голосом. Бингу Партриджу он напомнил скрипучий и грубый голос пьяницы с похмелья.

– Лили! Немедленно иди домой, или я скормлю твою яичницу клятой собаке.

– Сука, – прошептал Бинг Партридж.

– Не могу не согласиться, – сказал Мэнкс. – Когда ее дочь поедет со мной в Страну Рождества, нужно будет разобраться с ее матерью. Конечно, будет лучше, если они исчезнут вместе. Я не собираюсь забирать миссис Картер с собой, но, возможно, *ты* найдешь для нее какое-то применение. Хотя я могу придумать для нее только одно занятие, которое она заслуживает. Так или иначе, мне все равно. Она просто должна исчезнуть. Только представь, что она может сделать с дочерью, если оставить их в покое... ну я по ней слез лить не буду.

Сердце Бинга заколотилось за грудиной. Во рту пересохло. Он завозился с замком.

Чарли Мэнкс схватил его за руку, точно так же как на Кладбище того, что могло бы быть, когда помогал ему идти через лед.

– Куда ты собрался, Бинг? – спросил Чарли.

Бинг ответил ему диким взглядом.

– Чего мы ждем? Идем. Спасем девочку!

– Нет, – ответил Чарли. – Не сейчас. Нужно подготовиться. Наше время придет, и довольно скоро.

Бинг посмотрел на Мэнкса с удивлением... и с некоторым благоговением.

– Бинг, – сказал Чарли Мэнкс. – Женщины поднимают ужасный галдеж, когда думают, что у них отнимают дочерей, – даже такие плохие матери, как миссис Картер.

Бинг кивнул.

– Как ты думаешь, мы можем использовать севофлуран с твоей работы? – спросил Мэнкс. – Кстати, приготовь пистолет и противогаз. Мне кажется, они нам пригодятся.

Библиотекарь 1991 год

Хэверхилл, штат Массачусетс

Мать сказала: *«Не вздумай выйти за порог»*, и Вик не выходила – она убежала из дома, проглатывая слезы. Перед этим она услышала, как отец сказал Линде: *«Оставь ее в покое, ей и без того плохо»*. Но его слова только ранили ее еще сильнее. Девочка схватила велосипед и побежала с ним на дальний край заднего двора. Она перебросила ногу через раму, а затем погрузилась в прохладную и сладко пахнувшую тень сосновой рощи на Питтман-стрит.

Вик помчалась куда глаза глядят. «Роли» скатился вниз по крутому склону со скоростью пятьдесят километров в час.

Она ехала к реке. Река была на месте, как и мост.

На этот раз потерялась фотография – памятный черно-белый снимок круглощекого мальчика в сомбреро, державшего за руку молодую женщину в платье в горошек. Та свободной рукой прижимала платье к своему бедру – очевидно, ветер норовил приподнять подол. Тот же ветерок развеивал светлые пряди на ее дерзком, насмешливом, но приятном лице. Мальчик целился в камеру игрушечным пистолетом. Этот пухлый черноглазый семилетний стрелок был Кристофером Маккуином. Женщина, его мать, в то время уже медленно умирала от рака яичников, который прикончил ее в возрасте тридцати трех лет. От нее осталась только эта фотография. Когда Вик спросила, может ли она взять ее в школу для своего художественного проекта, Линда выступила против. Однако Крис Маккуин переспорил жену: *«Эй, подожди. Я хочу, чтобы Вик ее нарисовала. По-другому им никак уже не пообщаться. Только верни ее, Пацанка. Я не хочу забыть, как она выглядела»*.

В свои тринадцать лет она уже была звездой класса по рисованию, который вел мистер Эллис. Он выбрал ее работу акварелью, «Крытый мост», для ежегодной школьной выставки в мэрии – это была единственная картина от семиклассников, затесавшаяся среди работ более старших учеников, качество которых варьировалось от плохого к худшему. (Плохие: многочисленные картины уродливых фруктов в покоробленных чашах. Худшие: портрет скачущего единорога, срущего радугой словно в приступе разноцветного метеоризма.) Когда «Хэверхилл-ская газета» посвятила выставке третью страницу, догадайтесь, какой рисунок они выбрали в качестве иллюстрации для своей статьи? Естественно, не единорога. После того как «Крытый мост» вернулся домой, отец раскошелился на березовую рамку и повесил на стену, где прежде висел плакат «Рыцарь дорог». От Хоффа Вик избавилась много лет назад. Хофф оказался неудачником, а «Транс-Амс» – дерьмовым протекающим барахлом. Она по нему не скучала.

Их последним заданием в том году было «рисование с натуры». Детей попросили поработать с особенными для них фотографиями. В отцовской комнате было пустое место над столом – туда как раз поместилась бы картина. Вик очень хотела, чтобы он мог видеть свою мать в полном цвете.

Вчера она принесла рисунок домой – в последний день перед каникулами, после того как опустошила свой шкафчик. Хотя эта акварель не была настолько хороша, как «Крытый мост», Вик все же подумала, что ей удалось уловить сущность женщины на фотографии: намек на костлявые бедра под платьем, усталость и рассеянную улыбку. Отец долго смотрел на портрет с довольным и немного грустным видом. Когда Вик спросила, что он думает, отец лишь сказал:

– Ты улыбаешься так же, как она, Пацанка. Раньше я этого не замечал.

Картину она забрала домой... но фотография потерялась. Вик даже не знала, что где-то оставила снимок, пока мать не начала расспрашивать о нем в пятницу вечером. Сначала Вик думала, что фото лежит в рюкзаке, потом – в ее спальне. Однако в ночь на субботу она поняла, что потеряла фотографию и понятия не имеет, где видела ее в последний раз. В субботу утром – в первый славный день летних каникул – мать Вик пришла к такому же выводу, решив, что снимок потерян навсегда. Она едва не закатила истерику и заявила, что фотография куда важнее дерьмового рисунка семиклассницы. Поэтому Вик отправилась в путь. Она уехала, боясь, что если останется дома, то сама превратится в злую истеричку – а этого она никак не хотела.

Ее грудь болела, словно она ехала на велосипеде несколько часов, а не десяток минут. Дыхание сбилось, как будто она взбиралась вверх по холму, а не съезжала по нему к сосновой роще. Но, увидев мост, она почувствовала нечто похожее на умиротворение. Нет! Лучше, чем умиротворение. Ей показалось, что ее сознание отделяется от остального тела, которое крутило педали велосипеда. Так было всегда. За последние пять лет Вик пересекала мост не меньше десяти раз и ощущала не столько *действие*, сколько *ощущение* – не то, что она *делала*, а то, что *чувствовала*. Вик запоминала только скользившее сонное осознание и отдаленное чувство статического шума. Нечто похожее на чувство падения в дрему – освобождение в оболочке сна.

Когда шины застучали по деревянным доскам, она мысленно придумала *подлинную* историю о том, как нашла фотографию. В последний день школы она показывала снимок своей подруге Вилле. Затем они разговорились о других вещах, после чего Вик побежала на автобус. Когда она уехала, Вилла поняла, что держит фотографию в руке. Естественно, подруга взяла снимок с собой, чтобы позже вернуть Вик. По возвращении с велосипедной прогулки Пацанка с фото в руках расскажет заранее отрепетированную речь. Отец обнимет ее и скажет, что вообще не тревожился о снимке. А мать будет выглядеть так, словно вот-вот забрызжет слюной от ярости. Вик не знала, чего ожидала больше.

Только на этот раз все вышло по-другому. Вик вернулась домой и рассказала всем свою настоящую-но-на-самом-деле-выдуманную историю и убедила в этом всех, кроме одного человека – саму себя.

Вик проехала до противоположного конца тоннеля и оказалась в темном широком коридоре на втором этаже Хэверхиллской школы. В девять утра первого дня каникул там гуляло только эхо. Коридор был непривычно пустым, что даже немного пугал своим видом. Вик нажала на тормоза, и велосипед пронзительно завыл.

Она не смогла удержаться и оглянулась. Да и кто бы смог сопротивляться этому желанию?

Мост Короткого Пути прошел через кирпичную стену и высунулся на три метра в коридор – такой же широкий, как и сам проход. Нависала ли основная часть моста над стоянкой? Вик в этом сомневалась, но, чтобы посмотреть в окно и проверить, ей нужно было попасть в одну из классных комнат. Невысокие ивы, закрывавшие вход на мост, свисали зеленой порослью.

Вид Короткого Пути вызвал у нее тошноту. Школьный коридор вдруг набух, как капля воды на ветке. Вик почувствовала, что скоро упадет в обморок и если поедет вперед, то начнет *думать*, а это ни к чему хорошему не приведет. Одно дело – представлять себе поездку по давно упавшему мосту, когда тебе восемь или девять лет, и другое – когда тебе тринадцать. В девять это настоящая мечта. В тринадцать – бред сумасшедшей.

Она знала, что попадет сюда (согласно зеленой надписи на том конце моста), но ей казалось, что она окажется на первом этаже около класса мистера Эллиса. Вместо этого Вик стояла на втором – в пяти метрах от своего шкафчика. Она разговаривала с подругами, когда опустошала его накануне. Кругом кричали, смеялись и бегали дети, но, прежде чем захлопнуть дверь в последний раз, она внимательно осмотрела свой шкафчик. Вик была уверена – абсо-

лютно уверена, – что она его опустошила. Тем не менее мост привел ее сюда, а мост никогда не ошибался.

«Никакого моста не существует, – подумала она. – Фотография была у Виллы. Она вернула ее, как только встретила меня».

Вик прислонила велосипед к железным шкафчикам, открыла свой и осмотрела бежевую стену и ржавый пол. Ничего. Она отодвинула полку в пятнадцати сантиметрах над головой. Тоже пусто.

Ее внутренности сжались от тревоги. Она хотела забрать фотографию и уйти, хотела как можно быстрее забыть о крытом мосте. Но если снимок не в шкафчике, где же его искать? Она начала закрывать дверь... потом остановилась, поднялась на цыпочки и провела рукой по верхней полке. И даже тогда она едва не пропустила снимок. Каким-то образом один из уголков фотографии зацепился за заднюю часть полки, поэтому снимок плотно прижался к стенке. Вик вытянулась, насколько хватало сил, и наконец прикоснулась к фотографии.

Она зацепила фотографию ногтями, поворочила из стороны в сторону, и та выпала. Вик опустила на каблук, сияя от радости.

– Да! – сказала она и с грохотом захлопнула дверь шкафчика.

Посреди коридора стоял уборщик, мистер Огли, опустив швабру в большое желтое ведро. Он медленно переводил взгляд с Вик на велосипед и мост Короткого Пути.

Старый и сгорбленный мистер Огли в своих очках с золотистой оправой и в галстук-бабочке походил на преподавателя больше, чем многие учителя. Старик подрабатывал регулировщиком на дороге и накануне пасхальных каникул дарил пакетики с мармеладками всем детям, которые проходили мимо него. По слухам, мистер Огли устроился в школу, где было много детворы, потому что много лет назад его собственные дети погибли при пожаре. К сожалению, эти слухи были правдой, как и тот факт, что мистер Огли сам устроил пожар, уснув пьяным с зажженной сигаретой в руке. Теперь вместо детей он хранил верность Господу, а встречи в клубе алкоголиков заменяли ему посещения баров. В тюрьме он стал религиозным трезвенником.

Вик посмотрела на него, а он взглянул на девочку в ответ. Он беззвучно хлопал ртом, словно золотая рыбка. Его ноги дрожали.

– Ты дочка Криса Маккуина, – сказал он с сильным южновосточным акцентом.

У него вдруг перехватило дыхание, и он поднес руку к горлу.

– Что это в стене? О господи! Я сошел с ума? Это же Краткопут, но я его столько лет не видел.

Он с натугой закашлял. В этом влажном, странном и сдавленном звуке было что-то пугающее, словно мистер Огли чем-то болел.

Сколько же ему было лет? Девочка подумала: *девянсто*. Она ошиблась почти на двадцать лет, но и семидесяти одного года тоже с лихвой хватит для сердечного приступа.

– Все нормально, – сказала Вик. – Не нужно...

Она не знала, как продолжить. Что не нужно? Кричать? Или умирать?

– Боже, – ответил он. – Боже.

Только старик говорил «о-джи». Два слога. Его правая рука сильно тряслась, когда он поднял ее, чтобы прикрыть глаза. Он зашептал:

– Убей меня Господь, пастырь мой. Я не хочу этого видеть.

– Мистер Огли, – попыталась отвлечь его Вик.

– *Уходи!* – закричал он. – Уходи прочь и заberi с собой свой мост! Этого не было! Тебя здесь нет!

Он прижимал свою руку к глазам и вновь зашептал. Вик не слышала его, но по губам поняла, что он произносит: *«Он покоит меня на злчных пажитях и водит меня к водам тихим».*

Вик развернула велосипед и закинула ногу через седло. Девочка нажала на педали. Сначала ноги, казалось, не хотели ее слушаться, но через несколько секунд она въехала на мост – в шипящую тьму и запах летучих мышей.

На полпути Вик оглянулась. Мистер Огли все еще стоял в коридоре, склонив голову в молитве. Одной рукой он все так же прикрывал глаза, а второй держал швабру.

Вик выехала с крытого моста и помчалась по Питтман-стрит, сжимая фотографию в потной ладони. Она знала, даже не оглядываясь через плечо, – по мелодичному говору реки и шуму легкого ветерка в соснах, – что Короткий Путь исчез.

Дом Маккуинов

Два дня спустя Пацанка собиралась съездить на велосипеде к Вилле – последний шанс увидеть лучшую подругу, прежде чем родители увезут Вик на полтора месяца на озеро Уиннипесоки. Внезапно она услышала, как ее мать говорит на кухне о мистере Огли. Имя старика вызвало у девочки настолько сильный приступ слабости, что она едва не упала на землю. Все выходные она не думала о мистере Огли, что, впрочем, было не так уж трудно – субботний вечер Вик мучилась такой сильной мигренью, что ей казалось, будто ее вырвет. Особенно сильной боль была за левым глазом. Глазное яблоко вот-вот было готово лопнуть.

Она поднялась на крыльцо и прислушалась к телефонной болтовне матери с одной из ее подруг. Вик не знала, с которой именно. Она подслушивала мать почти пять минут, но Линда больше не упоминала мистера Огли. Она сказала только: «*Ох, как печально*» и «*Бедняга*», но больше не упоминала его по имени.

Наконец Линда опустила трубку телефона на рычаг, после чего последовал звон тарелок в раковине.

Вик не хотела знать правду. Она боялась ее и все же ничего не могла с собой поделать. Обычная дилемма.

– Мам? – спросила она, сунув голову на кухню. – Кажется, ты что-то говорила о мистере Огли?

– Ты это о чем? – Линда стояла к ней спиной, склонившись над раковиной. Она загромычала кастрюлями. Одинокий мыльный пузырь задрожал и лопнул. – Ах да. Он ушел в запой. Прошлой ночью его забрали около школы полицейские. Он кричал как сумасшедший. А ведь держался тридцать лет. С тех пор... ну когда решил, что не хочет больше пить. Несчастный старик! Дотти Эванс сказала, что этим утром он стоял у церкви и рыдал, как маленький мальчик. Говорил, что бросит свою работу и никогда туда не вернется. Что-то сбilo его с толку.

Линда посмотрела на Вик и заботливо нахмурилась.

– Ты в порядке, Вики? Неважно выглядишь. Может, лучше останешься?

– Нет, – ответила Вик странным и глухим, доносящимся словно из коробки, голосом. – Я хочу проехать. Глотнуть свежего воздуха.

Затем добавила:

– Надеюсь, мистер Огли не уйдет. Он хороший дядька.

– Действительно. И он любит вас, детей. Но люди стареют, и за ними нужно присматривать. Они изнашиваются. И умом, и телом.

Удобные аллеи городских парков были ей не по пути. К дому Виллы пролегал почти прямой маршрут через парк Брэдбери. Но как только Вик села на велосипед, ей захотелось проехать вокруг, чтобы перед встречей с кем-нибудь немного собраться с мыслями.

Какая-то часть ее чувствовала, что не стоит думать о совершенных поступках или будущих делах – о ее изумительном и сбивающем с толку даре. Но джинна уже выпустили из бутылки, и потребуется немало времени и сил, чтобы загнать его обратно. Она воображала себе дыру в мире и путешествовала через нее на велосипеде, но только сумасшедший мог представить, что такое возможно. Конечно, мистер Огли видел ее. Он увидел ее, и это что-то в нем сломало, настолько сильно, что он запил и боялся возвращаться в школу. А ведь он проработал там больше десяти лет. Он был счастлив. Мистер Огли – бедный несчастный старик – служил доказательством того, что Короткий Путь существовал.

Но она не хотела доказательств и не желала знать правду.

После неудачи с вахтером Вик хотела с кем-нибудь поговорить – чтобы кто-то сказал ей, что она была права; что она не сошла с ума. Девочке хотелось, чтобы кто-то объяснил ей смысл

моста, который существовал лишь тогда, когда был нужен, и всегда приводил ее туда, где ей требовалось быть.

Она помчалась по склону и нырнула в покой прохладного воздуха.

Вик хотела не только этого. Ей нужно было найти сам мост... чтобы вновь его осмотреть. Она находилась в твердом и ясном состоянии ума. Она ощущала все толчки и дрожь, когда «Роли» проезжал по камням и корням. Она чувствовала разницу между вымыслом и реальностью и держала ее в голове. Она верила, что, когда достигнет старой грунтовой дороги, крытого моста там не будет...

Однако он там стоял.

– Ты не настоящий, – сказала она мосту, бессознательно повторяя слова мистера Огли. – Ты упал в реку, когда мне было восемь лет.

Мост упрямо оставался на месте.

Она остановилась и осмотрела его с безопасного расстояния в шесть метров. Под ними кипела река Мерримак.

– Помоги мне найти того, кто скажет, что я не сумасшедшая, – произнесла она и, нажав на педали, медленно поехала вперед.

Когда Вик приблизилась ко входу, она увидела уже знакомую зеленую краску на левой стене.

ТУТ

Странная надпись сообщала, что она на месте. *«Разве я уже не тут?»*, – подумала она.

Раньше, проезжая по Короткому Пути, она пребывала в каком-то трансе, автоматически и бездумно вращая педали, – просто еще одна часть велосипеда вместе с шестеренками и цепью.

На этот раз Вик заставила себя замедлиться и осмотреться, хотя ей хотелось убраться с моста, как только она на него въехала. Она боролась с непреодолимым желанием поспешить – и поехать так быстро, словно мост мог разрушиться. Ей хотелось запомнить все детали моста. Она почти поверила, что если осмотрит его – внимательно и подробно, – он растает вокруг нее.

А что потом? Где она окажется, если мост исчезнет? Это не имело значения. Мост так никуда и не исчез, как бы пристально она его ни разглядывала. Дерево было старым и изношенным. Гвозди в стенах запеклись от ржавчины. Она чувствовала, как доски прогибаются под весом велосипеда. Короткий Путь ни за что не обратится в небытие.

Как всегда, она чувствовала белый шум. Этот громоподобный рев отдавался на зубах. Она видела его – бурю статики – сквозь трещины в наклонных стенах.

Вик не хватало смелости остановить велосипед, слезть, прикоснуться к стене и обойти все вокруг. Она интуитивно понимала, что если слезет с велосипеда, то никогда вновь на него не сядет. Какая-то ее часть не сомневалась, что существование моста зависело от движения «Роли» вперед. Нельзя сильно много раздумывать.

Мост прогнулся, выгнулся и вновь прогнулся. Пыль сыпалась со стропил. Она поняла, что ни разу не видела здесь голубей.

Она подняла голову и взглянула на потолок, усеянный летучими мышами. Их крылья прикрывали маленькие мохнатые тела. Они находились в постоянном, едва уловимом движении, шевелясь и хлопая крыльями. Некоторые из них повернули свои мордочки, чтобы ближе взглянуть на нее сверху вниз.

Все летучие мыши были похожи друг на друга – у всех было лицо Вик. Их мордочки выглядели съжившимися, сморщенными и розовыми, но она узнала свое лицо. Они были как Вик, кроме глаз, которые блестели красным, словно капли крови. Взглянув на эти бусинки, она почувствовала, как тонкая серебряная игла боли пронзила ее левое глазное яблоко и мозг. Она слышала их визгливые, низкочастотные крики – на грани шипения статического шквала.

Вик не могла этого вынести. Ей хотелось закричать, но она знала, что, если поднимет голос, летучие мыши обрушатся на нее со стропил, и ей наступит конец. Девочка закрыла глаза, закрутила педали и помчалась к дальнему концу моста. Что-то яростно дрожало. Вик не понимала, был ли это мост, велосипед или она сама.

Закрыв глаза, она не знала, достигла ли конца моста. Затем Вик почувствовала, что колеса перескочили через порожек. На нее обрушилась волна жара и света. Она тут же подняла голову, чтобы посмотреть, куда приехала, и услышала крик: *«Осторожнее!»* Вик открыла глаза как раз в тот момент, когда переднее колесо велосипеда ударилось о низкий цементный бордюр в городе

Тут, штат Айова

Она упала на тротуар и поцарапала колено.

Вик тут же перекатилась на спину, схватившись рукой за ногу.

– Ой, – сказала она. – Ой-ой-ОЙ-ой.

Ее голос поднимался и опускался на несколько октав, словно некий музыкант практиковался в нотах.

– Ах, котенок! С тобой все в порядке?

Женский голос исходил из сияния полуденного солнечного света.

– Ты бы ос-с-с-сторожнее выпрыгивала из воздуха.

Вик прищурилась и увидела худощавую девушку немногим старше ее самой – ей было примерно лет двадцать – в мягкой фетровой шляпе, откинутой назад на флюоресцентных пурпурных волосах. Она носила ожерелье, сделанное из язычков от пивных банок, и пару сережек из костяшек «Скрабл». На ногах красовались высокие кеды «Чак Тейлор» без шнурков. Она выглядела как Сэм Спейд, если бы тот был девушкой и выступал на концерте в качестве солиста ска-группы.

– Я в порядке, – сказала Вик. – Просто царапина.

Но девушка ее уже не слушала. Она восхищенно смотрела на Короткий Путь.

– Знаешь, я всегда хотела здесь мост, – сказала незнакомка. – Лучше мес-с-ста для моста не придумать.

Вик приподнялась на локтях и оглянулась на мост, который простирался над широким и шумным потоком коричневой воды. Река почти ничем не отличалась от Мерримака, хотя берега были значительно ниже. Вдоль ее края стояли березы и вековые дубы. Вода плескалась в паре метров ниже осыпавшейся песчаной дамбы.

– А как это выглядело? Мой мост *упал*? Как будто прямо с неба?

Девушка не отрывала взгляда от моста. То был немигающий, застывший взгляд, который Вик ассоциировала с травкой и любовью к группе «Фиш».

– Мм, нет. С-с-скорее было похоже на снимок, проявляющийся на полароиде. Ты когда-нибудь видела, как проявляется снимок?

Вик кивнула, подумав о коричневой химической пластинке, которая при проявлении медленно становится бледной. Детали изображения всплывают на места, цвета становятся ярче и объекты принимают форму.

– Твой мост появился на месте пары старых дубов. Прощайте, милые дубы.

– Думаю, твои деревья вернутся, когда я уйду, – ответила Вик.

Хотя, поразмыслив немного, она призналась себе, что не имела понятия, правдивы ли ее слова. Она чувствовала, что говорит правду, но никак не могла это доказать.

– Похоже, ты не очень удивлена появлению из ниоткуда моего моста.

Ей вспомнился мистер Огли – дрожавший, закрывавший глаза и кричавший, чтобы она ушла.

– Я наблюдала за тобой. Я не знала, что ты собираешься обс-с-ставить свое появление таким эффектным способом, но понимала, что потом ты не с-с-с...

Девушка в шляпе внезапно замолчала, остановившись на половине фразы. Ее губы открылись, готовясь сказать очередное слово, но оно никак не выходило. Лицо исказилось, словно она пыталась поднять что-то тяжелое, например фортепиано или машину. Ее глаза выпучились, щеки покраснели. Она сделала выдох и затем продолжила:

– ...приедешь сюда как обычный человек. Прос-с-сти, я заикаюсь.

– Ты за мной *следила*?

Девушка кивнула и опять посмотрела на мост. Медленным, сонным голосом она сказала:

– Твой мост... он же не ведет на другую сторону Кедровой реки?

– Нет.

– А куда он ведет?

– В Хэверхилл.

– Это в Айове?

– Нет, в Массачусетсе.

– Ну, подруга, далековато же тебя занесло – аж в Кукурузный пояс. Ты в краю, где все плоское, кроме женщин.

На мгновение Вик показалось, что девушка усмехалась.

– Прости, но... нельзя ли вернуться к той части, где ты вроде как следила за мной?

– Конечно. Я жду тебя уже несколько месяцев. Мне уже казалось, что ты вообще не покажешься. Ты ведь Пацанка?

Вик открыла рот, но не нашла нужных фраз.

Ее молчание вполне удовлетворило девушку, а удивление только позабавило. Незнакомка улыбнулась и убрала прядь флюоресцентных волос за ухо. В ее вздернутом носике и слегка заостренных ушах сквозило что-то эльфийское. Хотя здесь нужно было учесть влияние обстановки: они стояли на травянистом холме, в тени дубов, между рекой и большим зданием, за которым проглядывал кафедральный собор или колледж – из бетона или гранита, с белыми шпилями и узкими окнами, идеально подходящими для стрельбы из лука.

– Я думала, ты мальчик. Я ожидала парнишку, который не любит с-с-салат и ковыряется в носу. Как ты относишься к салату?

– Не очень жалую.

Девушка туго сжала свои маленькие ладони в кулачки и потрясла ими над головой.

– Я так и знала!

Потом она опустила руки и нахмурилась.

– А в носу ковыряешься?

– Давай сменим тему, – сказала Вик. – Так ты говоришь, мы в Айове?

– Да!

– А где в Айове?

– Тут, – ответила девушка в шляпе.

– Я понимаю, – с раздражением начала Вик. – Конечно, тут. Но все же... где именно?

– Тут, в Айове. Это название города. Ты прямо у красивых Кедровых порогов. Около общественной библиотеки городка Тут. И я знаю, почему ты приехала. Тебя смущает твой мост, и ты хочешь разобраться с некоторыми вопросами. Считай, что это твой счастливый день.

Она захлопала в ладоши.

– Ты нашла себе библиотекаря! Я помогу тебе понять важные вещи и покажу прекрасные стихи. Это входит в мои обязанности.

Библиотека

Сдвинув назад свою старомодную шляпу, девушка представилась:

– Я – Маргарет. Помнишь книгу «Ты здесь, Боже? Это я, Маргарет». Только мне не нравится, когда меня так называют.

– Маргарет?

– Нет. Богом. У меня и без того раздутое эго, – с усмешкой ответила она. – Мэгги Ли. Зови меня Мэгги. Если мы пойдем в мой кабинет, где я предложу тебе пластырь и чашечку чая, твой мост останется на месте?

– Думаю, да.

– Ладно. Прекрасно. *Надеюсь*, твой мост не исчезнет. Хотя я уверена, что мы можем отправить тебя домой и без него. Устроим с-с-сбор средств или что-нибудь еще. Но лучше, если ты вернешься тем же способом, которым приехала. Тогда не придется объяснять родителям, как ты оказалась в Айове. Нет, конечно, ты можешь ос-с-статься на какое-то время. У меня есть постель в отделе романтической поэзии. Я периодически провожу там ночи. Короче, можешь устроиться в моем кабинете, а я переселюсь в дядин трейлер, пока мы не купим тебе билет на автобус.

– Отдел романтической поэзии?

– Полки с номерами с 821–2 по 821–6. Я не должна с-с-спать в библиотеке, но мисс Говард закрывает на это глаза, если не злоупотреблять и ночевать здесь не каждую ночь. Она жалеет меня, потому что я сирота и немного не в себе. Все нормально. Я не против. Некоторым не нравится, когда их жалеют, а я считаю: «Эй! Зато мне можно спать в библиотеке и читать ночами книги!». Где бы я была без чужой жалости? Вот такая я побирושка.

Взяв Пацанку за предплечье, Мэгги помогла ей встать на ноги. Она подняла велосипед и прислонила его к скамье.

– Можешь не запирать. Вряд ли в этом городе хоть кто-нибудь догадается его украсть.

Вик последовала за ней по тропинке через полоску тенистого парка к задней двери внушительного каменного храма книг. Библиотека была высечена в склоне холма, поэтому тяжелая железная дверь вела в подвал – во всяком случае, так подумала Вик. Мэгги достала ключ, открыла замок и толкнула дверь. Пацанка без колебаний вошла следом за ней. Она полностью доверяла Мэгги. Ей и в голову не приходило, что девушка могла завести ее в темный подвал с толстыми стенами, где никто не услышит ее криков. Вик инстинктивно догадывалась, что девушка, которая вместо сережек носит костяшки «Скрабл» и называет себя «побирушкой», не представляла большой угрозы. Кроме того, Вик хотела найти человека, который мог бы сказать ей, что она не сумасшедшая – что она не выжила из ума. Ей нечего было бояться Мэгги, если только Короткий Путь не мог привести ее в неправильное место – а такого, как догадывалась Вик, никак не могло произойти.

В комнате по другую сторону железной двери было на десять градусов холоднее, чем в парке. Вик ощутила запах огромного, заполненного книгами подвала и лишь потом увидела его – ее глазам понадобилось время, чтобы подстроиться к пещерной темноте. Она вдохнула аромат разлагающейся фантастики и забытых стихов, впервые осознавая, что зал, полный книг, пах как десерт: сладкая закуска из фиников, ванили, клея и таланта. Железная дверь захлопнулась за ними, с тяжелым лязгом ударив по раме.

– Если бы книги были девушками, – сказала Мэгги, – а чтение – перепихом, это был бы крупнейший дом терпимости в округе. Я с-с-стала бы самой безжалостной с-с-с-сутенершей во всем мире. Я бы шлепала девушек плеткой по ягодицам и отправляла бы их на акты с-с-соития так быстро и часто, как только могла.

Вик засмеялась, затем прижала руку ко рту, вспомнив, что обычно библиотекари не любят шум в читальном зале.

Мэгги повела ее через темный лабиринт шкафов среди узких коридоров со стенами высоких полок.

– Если тебе придется в спешке убежать отсюда, – сказала Мэгги, – ну типа от копов, просто запомни: держись правой стороны и дальше вниз по ступеням. Самый легкий способ уйти от погони.

– Думаешь, мне придется убежать из общественной библиотеки?

– Не сегодня, – ответила Мэгги. – Как тебя зовут? У тебя же есть имя, помимо прозвища?

– Виктория. Вик. Пацанкой меня зовет только отец. Он так шутит. Как ты узнала, что это мое прозвище, а не имя? И что ты имела в виду, когда говорила, что ожидала меня? Как ты могла меня ждать? Десять минут назад даже я сама не знала, что увижу тебя.

– Верно. Я все объясню. Но с-с-сначала позволь мне остановить кровотечение, и тогда мы перейдем к вопросам и ответам.

– Мне кажется, что вопросы важнее, чем мое колено, – сказала Вик.

Она помолчала, а затем с чувством непривычной робости сказала:

– Я кое-кого испугала своим мостом. Хорошего старика в моем городе. Боюсь, что я испортила ему жизнь.

Мэгги с усмешкой взглянула на нее. Ее глаза ярко блеснули во тьме высоких полок. Осмотрев свою гостью, она тихо произнесла:

– Вроде Пацанка, а говоришь как взрослая. С прозвищем точно не ошиблись?

Уголки ее рта приподнялись в едва заметной улыбке.

– Если ты кого-то расстроила, то ведь не нарочно же. И я сомневаюсь, что ты причинила серьезный ущерб. Мозги у людей довольно гибкие. Немного пошумят и успокоятся. Пойдем. Пластырь и чай. И ответы на твои вопросы. Сюда.

Они вышли из лабиринта полок в прохладное открытое пространство – некое подобие обшарпанного кабинета. Он выглядел как кабинет детектива в старом черно-белом фильме, подумала Вик, а не кабинет библиотекарши с панк-прической. Внутри имелось пять важных предметов, необходимых для обитателя детектива: темно-серый письменный стол, просроченный календарь с красотками, вешалка для плащей, раковина с ржавыми пятнами и короткоствольный револьвер 38-го калибра, прижимавший какие-то документы. Еще здесь был большой аквариум, заполнявший полутораметровую выемку в одной из стен.

Мэгги сняла серую фетровую шляпу и швырнула ее на вешалку. В сиянии лампы, освещавшей аквариум, ее пурпурные волосы засияли, как тысячи неоновых нитей. Пока она наполняла водой электрический чайник, Вик подошла к столу и осмотрела револьвер, который на деле оказался пресс-папье с потертой надписью на гладкой рукоятке: СОБСТВЕННОСТЬ А. ЧЕХОВА.

Мэгги вернулась с пластырем и жестом попросила Вик сесть на краю стола. Та сделала, как ей было сказано, и поставила ногу на потертый деревянный стул. Когда она согнула ногу, жалящая боль в колене вновь полностью заполнила ее сознание. Вместе с ней возникла глубокая неприятная пульсация в левом глазном яблоке. Казалось, что глаз поместили между стальными зубьями какого-то хирургического инструмента и с силой сжали. Она потеряла его ладонью.

Мэгги обработала колено Вик холодной мокрой тряпкой и смыла грязь с царапин. Девушка закурила, и дым от ее сигареты был сладким и приятным. Мэгги работала над ногой Вик со спокойным старанием механика, проверяющего в машине масло.

Вик бросила оценивающий взгляд на большой, размером с гроб, аквариум, встроенный в стену. Одиноким золотистый карп, с длинными усами, придававшими ему мудрый вид, вяло плавал в воде. Она взглянула еще раз и наконец поняла, что лежало на дне: не горка камней,

а опрокинутые костяшки «Скраббл», целые сотни, но только с четырьмя буквами: «Р», «Ы», «Б», «А».

Сквозь дрожащее зеленоватое искажение стекол она видела то, что происходило с другой стороны. Там располагалась застеленная коврами детская библиотека. Около десятка ребят с матерями собрались полукругом вокруг женщины в аккуратной твидовой юбке. Та сидела в кресле, которое было слишком маленьким для нее. Она держала книгу таким образом, чтобы маленькие дети могли видеть картинки. Женщина читала им, хотя Вик не слышала ее через каменную стену и бульканье воздуха в аквариуме.

– Ты попала сюда в час ис-с-сторий, – сказала Мэгги. – Лучшее время дня. Единственный час, который я стараюсь не пропускать.

– Мне нравится твой аквариум.

– Пока вычистишь, три пота сойдет, – сказала Мэгги.

Вик сжала губы, чтобы не рассмеяться. Мэгги усмехнулась, и на ее щеках снова появились ямочки. Она очаровывала своим кругленьким личиком и ясными глазами. Как панк-рок-эльф Киблер.

– Это я насыпала туда костяшки «Скраббл». Я немного помешана на этой игре. Теперь дважды в месяц мне приходится вытаскивать их и мыть. Семь потов сойдет, пока вымоешь их все до единой. Тебе нравится «Скраббл»?

Вик снова посмотрела на сережки Мэгги и впервые заметила, что на одной была написана буква «Н», а на другой – буква «Х».

– Я никогда не играла в эту игру, – ответила Пацанка. – Хотя мне нравятся твои сережки. У тебя не возникало из-за них неприятностей?

– Нет. Никто не присматривается к библиотекарям. Люди боятся ос-с-слепнуть от нашей мудрости. Подумай сама! Мне двадцать лет, а я одна из пяти лучших игроков в «С-с-скраббл» в целом штате, хотя, думаю, это больше говорит об Айове, чем обо мне.

Она наклеила пластырь на царапины Вик и разгладила его.

– Так-то лучше.

Мэгги смяла сигарету в оловянной пепельнице, наполовину заполненной песком. Библиотекарша куда-то ушла, чтобы налить чая. Через минуту она вернулась с парой щербатых чашек.

На одной из них было написано: «БИБЛИОТЕКА: ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ «Ш-Ш-Ш». Другая гласила: «НЕ ВЫНУЖДАЙ МЕНЯ ГОВОРИТЬ СВОИМ ГОЛОСОМ БИБЛИОТЕКАРЯ». Когда Вик взяла чашку, Мэгги наклонилась и открыла ящик. Обычно в таких ящиках детективы держат бутылку с алкоголем. Мэгги же достала оттуда старый фиолетовый мешочек из искусственного бархата, на котором бледными золотистыми буквами было отштамповано слово «Скраббл».

– Ты спрашивала, как я о тебе узнала. Как я предугадала твое появление. С-с-с-с...

Ее щеки покраснели от напряжения.

– «Скраббл»? Это как-то связано со «Скрабблом»?

Мэгги кивнула.

– С-с-с-спасибо, что закончила за меня предложение. Многие заики не любят, когда другие люди заканчивают их предложения. Но, как мы уже говорили, мне нравится, когда меня жалеют.

Вик почувствовала, как ее лицо запылало, хотя в тоне Мэгги не слышалось сарказма. Почему-то из-за этого стало только хуже.

– Извини.

Мэгги, казалось, ее не услышала. Она села у стола на стул с прямой спинкой.

– Значит, ты пересекла мост на своем велосипеде, – сказала Мэгги. – А можешь преодолеть крытый мост без него?

Вик покачала головой.

Мэгги кивнула.

– Нет. Ты используешь велосипед в своих грезах о мосте и едешь по нему, чтобы найти то, что потерялось. Я права? Найти то, что тебе очень нужно? Не важно, как далеко. Эти вещи всегда находятся на другой с-с-с-стороне моста. Верно?

– Да. *Да!* Только я не знаю, почему могу делать это и каким образом. Иногда я чувствую, словно воображаю поездки через мост. Иногда мне кажется, что я схожу с ума.

– Ты не сходишь с ума. Просто ты творчес-с-с-кая личность. Очень творческая. Как и я. Ты используешь свой велосипед, а я – костяшки с буквами. Когда мне было двенадцать, я купила с-с-старую игру «Скрабл» на распродаже за доллар. Первое с-с-слово уже было выставлено. Увидев игру, я поняла, что должна ее получить. Мне нужно было ее купить. Я отдала бы за нее что угодно. А если бы она не продавалась, я схватила бы ее и убежала. Даже одно наличие «Скраббла» и первые броски в игре уже колебали реальность. Электрический поезд самостоятельно включился и побежал по рельсам. У машины на дороге сработала сигнализация. В гараже забубнил телевизор. И когда я увидела «Скрабл», он буквально спятил. Начал шипеть с-с-с...

– Статикой, – сказала Вик, забыв об обещании, которое дала сама себе моментом раньше, – ни в коем случае не заканчивать фразы Мэгги за нее, как бы сильно та ни заикалась.

Мэгги, казалось, была не против.

– Да.

– У меня было что-то в этом роде, – сказала Вик. – Пересекая мост, я слышу вокруг себя статику.

Мэгги кивнула, словно это не была самая удивительная вещь на свете.

– Несколько минут назад все лампы в здании мигнули. Во всей библиотеке отключилось электричество. Так я узнала, что ты близко. Твой мост «коротил» реальность. Как мои костяшки «Скрабл». Ты *находишь* вещи, а мои костяшки *сообщают* мне о различных вещах. Они сказали, что ты приедешь сегодня, и я смогу найти тебя на заднем дворе. Они сказали, что Пацанка приедет по мосту. Они твердят о тебе уже несколько месяцев.

– Ты можешь показать, как это работает? – спросила Вик.

– Наверное. Думаю, ты здесь отчасти ради этого. Возможно, мои костяшки «Скрабл» хотят тебе помочь.

Она развязала шнурок, сунула руку в мешочек и вытащила несколько костяшек, с грохотом бросив их на стол. Вик нагнулась, чтобы посмотреть на них, но это была просто мешанина из букв.

– Это о чем-нибудь тебе говорит?

– Еще нет.

Мэгги склонилась над буквами и начала раздвигать их мизинцем.

– А так что-нибудь скажет?

Мэгги кивнула.

– Потому что они волшебные? – спросила Вик.

– Вряд ли в них есть магия. Другие люди от них ничего не добьются. Костяшки «Скрабл» – это мой нож. То, чем я с-с-создаю дыру в реальности. Думаю, это должна быть вещь, которую ты любишь. Я всегда любила слова, и «Скрабл» дал мне возможность с ними играть. Пригласи меня на турнир по «Скрабблу», и кому-то там точно не поздоровится.

Она передвинула буквы таким образом, что они создали непонятную фразу:

ПАЦАНКА РАЗБОГАТЕЕТ А ЫМРА БЕКОНА НЕТ

– Что означает «ЫМРА»? – спросила Вик, рассматривая костяшки.

– Не обращай внимания. Я еще не выложила верное сообщение.

Мэгги нахмурилась и передвинула костяшки еще раз.

Вик отхлебнула чай. Он был горячим и сладким, но, сделав глоток, она почувствовала, как на лбу выступил холодный пот. Воображаемые щипцы, сжимавшие ее левое глазное яблоко, слегка сжались.

– Каждый живет в двух мирах, – рассеянно сказала Мэгги, рассматривая буквы. – Реальный мир со всеми его раздражающими фактами и правилами. В реальном мире есть истинные вещи и неправильные. В основном он отс-с-стой. Но еще каждый человек живет внутри своей головы. *Во внутреннем мире, или инскейпе*, – в своих мыслях. В мире, созданном мыслью, где каждая идея воплощается в реальность. Где эмоции такие же реальные, как сила тяжести. Сны, настолько мощные, что творят историю. Творческие люди – например, писатели вроде Генри Роллинса – проводят много времени в своих мысленных мирах. С-с-с-ильные фантазеры могут использовать нож, чтобы делать надрезы между двумя мирами или соединять их друг с другом. Например, твой велосипед или мои костяшки. Это наши ножи.

Она склонила голову и еще раз решительным образом повернула костяшки «Скраббл». Теперь они говорили:

РЕБЕНОК ПАЦАНКИ СТАНЕТ БОГАТЫМ РАЗДОЛБАЕМ

– Почему это богатым раздолбаем? – спросила Вик.

– Ты немного молода, чтобы иметь ребенка, – ответила Мэгги. – Пока трудно о чем-то говорить. Мне нужен еще один с-с-с...

– Значит, мой мост – воображаемый?

– Когда ты на велосипеде, он вполне реальный. В твоем внутреннем пространстве создается свой нормальный мир.

– Хорошо, возьмем твой мешочек «Скраббл». Обычный мешочек. Он не похож на мой велосипед. Он не выглядит как что-то невоз...

Пока Вик говорила, Мэгги взяла мешочек в руки, развязала шнурок и засунула внутрь руку. Костяшки защелкали и застучали, словно перемешались в ведре. Ее запястье исчезло внутри, потом локоть и предплечье. Мешочек был примерно сантиметров пятнадцать в глубину, но спустя мгновение рука Мэгги исчезла в нем по плечо. Искусственный бархат нигде не выпирал. Вик слышала, как она копалась внутри – все глубже и глубже. Казалось, что она перебирала тысячи костяшек.

Вик завопила от ужаса.

По другую сторону аквариума чопорная библиотечка, читавшая детям, оглянулась по сторонам.

– Вот она – большая дыра в реальности, – сказала Мэгги.

Со стороны казалось, что ее левая рука исчезла по плечо, словно мешочек каким-то образом ампутировал ее руку.

– Я пробралась во внутреннее пространство и взяла нужные костяшки. Не в мешочке, а в своем уме. Когда я говорила, что твой велосипед и мои костяшки – ножи, разрезающие реальность, я выражалась далеко не образно.

Тошнотворное давление в левом глазу усилилось.

– Пожалуйста, – попросила она, – не могла бы ты вытащить свою руку из мешочка?

Свободной рукой Мэгги потянула пурпурный бархатный мешочек в сторону, вытянув вторую ладонь. Когда она опустила мешочек на стол, Вик услышала, как в нем брякнули костяшки.

– Жуть. Сама знаю, – сказала Мэгги.

– Как ты это делаешь? – спросила Вик.

Мэгги выпустила воздух, скорее похожий на вздох.

– Почему некоторые люди говорят на десятке инос-с-странных языков? Почему Пеле может сделать «ножницы» и забить мяч через голову? Я так понимаю, что для этого нужно обладать особым даром. Звездой экрана становится лишь один достаточно красивый, талантливый и удачливый человек из целого миллиона. Ни один человек из миллионной толпы не знает так много слов, как поэт вроде Джерарда Мэнли Хопкинса. Он знал о внутреннем пространстве! Он и дал ему это название. Кто-то становится звездой экранов, кто-то – лучшим игроком в футбол, а ты – с-с-суперсильной творческой личностью. Это немного странно, но рождаются же люди с глазами разного цвета. И мы не единственные, есть и другие. Я их встречала. На них мне указали костяшки «Скраббл».

Мэгги склонилась к своим буквам и начала их перебирать.

– Например, однажды я встретила девушку, которая была в инвалидной коляске – старинной и красивой вещи с белыми шинами. Девушка могла исчезать на глазах. Ей нужно было только качнуть свою коляску назад – на то, что она называла Изогнутым переулком. В свое внутренне пространство. Она выкатывала себя в переулок и как бы переставала с-с-существовать, но все еще видела, что происходит в нашем мире. Во всех цивилизациях нашего мира существуют сказания о людях, подобных мне и тебе... о людях, которые используют тотемы, чтобы выйти из реальности. Индейцы навахо...

Она вдруг замолкла, а лицо исказилось в печальной гримасе. Она смотрела на свои костяшки. Вик наклонилась вперед и тоже взглянула на них. Она едва успела прочитать фразу, прежде чем рука Мэгги превратила ее в кучу букв.

ПАЦАНКА МОЖЕТ НАЙТИ ПРИЗРАКА

– Что это значит? Что за Призрак?

Мэгги бросила на Вик косой взгляд, в котором страх смешался с извиняющейся просьбой.

– Ох, котенок, – прошептала Мэгги.

– Это какая-то потерянная вещь?

– Нет.

– Хочешь, чтобы я его нашла? Я могу помочь...

– Нет. *Нет*, Вик. Обещай мне, что не будешь его искать.

– Это парень?

– Это беда. Худшая из бед, которую ты только можешь представить. Тебе сейчас сколько? Двенадцать?

– Тринадцать. Практически.

– Ладно. С-с-с...

Мэгги снова замолчала, не в силах продолжать. Она судорожно вдохнула, прикусила нижнюю губу – причем впилась в нее зубами с такой силой, что Вик едва не расплакалась. Потом Мэгги выдохнула и продолжила вообще без каких-либо следов заикания:

– Значит, обещаешь.

– Но почему твой мешочек «Скраббл» хочет, чтобы ты знала, что я могу его найти? Почему он сообщил об этом?

Мэгги покачала головой.

– Это работает не так. Костяшки «Скраббл» ничего не хотят, как и нож... как и твой велосипед. С помощью «Скраббла» я получаю факты, которые были мне недоступны. Точно так же ты используешь открывалку для писем, чтобы вскрыть конверт. И это все равно что получить бомбу в письме. Способ разрушить свое маленькое эго.

Мэгги пососала нижнюю губу и несколько раз провела по ней языком.

– Почему я не должна его искать? – спросила Вик. – Ты сама говорила, что я приехала сюда лишь для того, чтобы твои костяшки рассказали мне что-то важное. Почему они сообщили об этом Призраке, если мне не нужно его искать?

Однако прежде чем Мэгги ответила, Вик наклонилась вперед и прижала руку к левому глазу. Воображаемые щипцы сжались так сильно, что глаз был готов взорваться, словно перезревшая виноградина. Не в силах сдерживать боль, она издала тихий стон.

– Выглядишь ужасно. Что случилось?

– Мой глаз. Он начинает болеть, когда я пересекаю мост. Возможно, это потому, что я засиделась с тобой. Обычно мои поездки заканчиваются быстро.

Если брать в расчет ее глаз и губу Мэгги, то разговор оказался травмирующим для них обоих.

– Девочка, о которой я тебе рассказывала, – сказала Мэгги. – С инвалидной коляской. Когда она впервые начала использовать кресло-коляску, она была здорова. Кресло досталось ей от бабушки, и девочке просто нравилось с ним играть. Но если она слишком долго оставалась в Изогнутом переулке, ее ноги начинали неметь. К тому времени когда я встретила ее, она была полностью парализована от пояса и ниже. За подобные чудеса придется заплатить высокую цену. Ты прямо сейчас расплачиваешься за то, что поддерживаешь мост. Ты должна использовать мост как можно реже.

– А какая цена у твоих костяшек? – спросила Вик.

– Открою тебе небольшой секрет: я не всегда з-з-з-заикалась!

Она снова улыбнулась своим окровавленным ртом. Вик не сразу догадалась, что на этот раз заикание Мэгги было притворным.

– Ладно, – продолжила библиотекарша. – Мы должны вернуть тебя. Если просидим здесь слишком долго, твоя голова взорвется.

– Тогда расскажи мне о Призраке, или тебе придется собирать мои мозги со стола. Я не уйду, пока ты мне все не расскажешь.

Мэгги открыла ящик, бросила туда мешочек «Скрабл» и затем чересчур громко захлопнула его. Когда она заговорила, в ее голосе впервые не было и намека на дружелюбие.

– Черт, не будь такой...

Она замолчала, либо от недостатка слов, либо из-за своего заикания.

– Пацанкой? – спросила Вик. – Что, начинаю соответствовать своему прозвищу?

Мэгги медленно выдохнула. Ее ноздри расширились.

– Я не шучу, Вик. Держись подальше от Призрака. Не все люди со способностями – хорошие. Я почти ничего не знаю о Призраке, кроме того, что он старик на винтажной машине. И эта машина – *его* нож. Только он использует ее, чтобы красть жизни. Призрак увозит детей на машине, и она что-то с ними делает. Он использует их – как вампир, – чтобы оставаться живым. Он забирает малышей в свое внутреннее пространство – плохое место, которое сновидит, – и оставляет их там. Из машины они выходят уже не детьми. Даже не людьми. Это с-с-существа, которые могут жить только в холодном воображении Призрака.

– Откуда ты это знаешь?

– Костяшки. Они начали говорить со мной о Призраке пару лет назад – после того, как он похитил ребенка в Лос-Анджелесе. Тогда он орудовал на Западном побережье, но из-за неких обстоятельств перебрался на восток. Ты видела новос-с-сти о пропавшей русской девочке из Бостона? Несколько недель назад. Она исчезла вместе со своей матерью.

Вик видела эти телевизионные репортажи. В их захолустье эту новость мусолили несколько дней. Мать Пацанки смотрела их с очарованием и ужасом. Пропавшая девочка была того же возраста, что и Вик, – темноволосая, худощавая, с неловкой, но привлекательной улыбкой. Милая бестия. «*Ты думаешь, она умерла?*» – спросила Линда у мужа, и Крис Маккуин ответил: «*Если ей повезло*».

– Девочка Грегорски, – сказала Вик.

– Верно. Водитель лимузина поехал за девочкой в отель, но кто-то опередил его и похитил Марту Грегорски и ее мать. Это был Призрак. Он выпил из малышки кровь и оставил ее с другими детьми, которых уже использовал. Он бросил ее в своем фантастическом мире. Во внутреннем пространстве, в которое никто не хотел бы попасть. Оно похоже на твой мост. Только больше. *Намного* больше.

– А что с ее мамой? Он тоже выпил ее кровь?

– Вряд ли. Он не может питаться взрос-с-слыми. Только детьми. Но у него имеется помощник вроде Ренфилда, который помогает ему похищать детей и избавляться от взрослых. Ты знаешь, кто такой Ренфилд?

– Кажется, приспешник Дракулы?

– Вроде того. Я знаю, что Призрак очень старый. У него было много Ренфилдов – он лгал им, наполнял их иллюзиями и, возможно, убеждал, что они *герои*, а не похитители детей. В конце концов он всегда ими жертвовал. Такова их с-с-судьба. Когда его преступления раскрывали, он перекладывал всю вину на одного из своих подручных. Призрак долгое время забирает детей и всегда остается в тени. Я сложила о нем все подробности, но не могу найти улики, которые позволили бы мне узнать его личность.

– Почему ты не можешь спросить его имя у своих костяшек?

Мэгги моргнула и печальным голосом, пронизанным смущением, сказала:

– Таковы правила. В «Скраббл» нельзя использовать настоящие имена. Вот почему костяшки сообщили, что мне стоит ожидать Пацанку, а не Викторию.

– Если я найду Призрака, узнаю его имя и то, как он выглядит, мы сможем его остановить?

Мэгги так сильно хлопнула ладонью по столешнице, что чайные чашки подпрыгнули. В глазах светились ярость... и страх.

– Перестань, Вик. Ты вообще меня *слушала*? Если ты найдешь Призрака, то умрешь. И будешь сама виновата! Думаешь, я хочу такой груз на своей совести?

– Но если мы ничего не сделаем, что будет с детьми, которых он похитил? Тогда мы обречем их...

Увидев лицо Мэгги, искаженное страданием и болью, Вик замолчала. Мэгги взяла салфетку «Клинекс» и протянула Пацанке.

– Твой левый глаз, – сказала она, отдавая ей влажную ткань. – Ты плачешь, Вик. Тебе нужно вернуться. Поспешим.

Вик не стала спорить, когда Мэгги взяла ее за руку, вывела из библиотеки и потащила вниз по тропинке в тень дубов.

Колибри пила нектар из бутонов на ближайшем дереве, жужжа крыльями, как маленькими моторчиками. Стрекозы поднимались над потоками нагретого воздуха. Их крылья сияли как золото под солнцем Среднего Запада.

«Роли» стоял на том же месте, где они его оставили, – у скамейки. Дальше виднелась однополосная асфальтовая дорога, которая огибала библиотеку; за ней – травянистое поле над рекой. И мост.

Вик потянулась к велосипеду, но прежде, чем она взялась за руль, Мэгги стиснула ее запястье.

– Скажи, это безопасно? Ты чувствуешь, что с-с-с-сможешь проехать по мосту?

– Раньше ничего не случилось, – ответила Вик.

– Звучит не очень обнадеживающе. Значит, мы договорились? Ты еще мала, чтобы искать Призрака.

– Ладно, – сказала Вик, поправляя велосипед и ставя ногу на педаль. – Я еще мала.

Сказав эти слова, она подумала о «Роли» и вспомнила, как впервые увидела его в магазине велосипедов. Продавец сказал, что он для нее великоват. Отец обещал купить велосипед, когда она подрастет. Затем три недели спустя, в ее день рождения, велосипед, украшенный бантом, стоял на дорожке – точно так, как она этого хотела. Ей даже в голову не приходило усомниться в своих ожиданиях. *«Ну вот, – сказал ее отец. – Ты ведь повзрослела?»*

– Как я узнаю, что ты переехала мост? – спросила Мэгги.

– Мне всегда это удается, – ответила Вик.

Солнечный свет отражался от стальных заклепок и впивался в левое глазное яблоко Вик. Мир двоился. Мэгги Ли на мгновение тоже раздвоилась и вновь собралась обратно. Она передала ей сложенный вчетверо лист бумаги.

– Вот, – сказала Мэгги. – Здесь объясняется все, что я не успела сообщить тебе о внутренних пространствах. Тут написано, почему ты можешь делать необычные вещи. Короче, все объяснено специалистом.

Вик кивнула и положила бумагу в карман.

– Подожди! – добавила Мэгги.

Она подергала за мочку одного уха, потом другого и сунула что-то в руку Вик.

– Что это? – спросила Вик и, посмотрев на ладонь, увидела сережки в виде костяшек «Скрабл».

– Защита, – сказала Мэгги. – Краткое руководство заики по взаимодействию с миром. Следующий раз, когда кто-то тебя обидит, с-с-сразу надень их. Ты почувствуешь себя лучше. Мэгги Ли гарантирует.

– Спасибо, Мэгги. За все.

– Я здесь именно для этого. Я – настоящий кладезь знаний. Возвращайся в любое время, и я окроплю тебя с-с-своей мудростью.

Вик снова кивнула, чувствуя, что не может вымолвить ни слова. Звук собственного голоса угрожал взорвать ее голову, как лампочку под каблуком. Она пожала руку Мэгги. Та ответила тем же.

Пацанка наклонилась вперед, закрутила педали и помчалась в темноту и оглушительный шум статики.

Хэверхилл, штат Массачусетс

Позже она четко помнила лишь то, как поднималась на холм через лес Питтман-стрит. Внутри все болело, а лицо пылало от жара. Вик едва держалась на ногах, выходя из леса во двор.

Левым глазом девочка ничего не видела, словно его вычерпали ложкой. Та сторона лица была липкой – скорее всего, потому, что глаз лопнул, как спелая виноградина, и стекал по щеке.

Вик с грохотом наткнулась на ржавые качели.

Отец протирал замшевой тряпкой свой «Харли» на подъездной дорожке. Он услышал звон качелей, поднял голову вверх... и выронил замшу, открыв рот, словно хотел закричать от шока.

– Охренеть, – сказал он. – Вик, ты в порядке? Что случилось?

– Я каталась на «Роли», – ответила она. Ей казалось, что это все объясняло.

– А где же он? – спросил отец и посмотрел ей за спину, словно велик мог лежать где-то во дворе.

Вик только сейчас поняла, что не толкает «Роли». Она не знала, что случилось с велосипедом. Она вспомнила, как врезалась в стену моста и упала с велосипеда; вспомнила, как в темноте кричали летучие мыши и кружили вокруг нее. Девочка задрожала.

– Я упала, – сказала она.

– Упала? Кто-то сбил тебя машиной? – Крис Маккуин взял ее на руки. – Господи! Вик, да ты вся в крови. Лин!

Отец, как и раньше, отнес ее в спальню. Мать побежала за ними, а потом сходила за водой и тайленолом.

Только на этот раз все было по-другому. Вик лихорадило почти сутки. Температура поднималась до 39 градусов. Дэвид Хассельхофф, с пенни вместо глаз и в черных кожаных перчатках, то и дело приходил к ней в спальню. Он хватал ее за лодыжку и пытался вытащить из дома – в свою машину, только это была не КИТТ. Вик отбивалась, кричала и боролась, а Дэвид Хассельхофф говорил голосом отца, что все будет хорошо, надо только заснуть и не тревожиться. Он говорил, что любит ее, однако его лицо было искажено от ненависти, а где-то рядом шумел мотор машины. Она знала, что это был Призрак.

Порой девочка осознавала, что оплакивает свой «Роли».

– Где мой велосипед? – кричала она, пока кто-то держал ее за плечи. – Где он? Он мне нужен, *нужен!* Без него мне ничего *не найти!*

Кто-то целовал лицо Вик и успокаивал ее. Кто-то плакал. Как будто ее мать.

Она мочилась в постель. Несколько раз.

На второй день она вышла во двор – совершенно голой – и минут пять искала свой велосипед. К счастью, мистер де Зуте – старик, живший через улицу, – заметил ее и подбежал к ней с одеялом. Он завернул в него Вик и отнес ее домой. Прошло много времени с тех пор, как она ходила к мистеру де Зуте, чтобы помогать ему раскрашивать его оловянных солдатиков и слушать его старые пластинки. За прошедшие годы она считала его старым нацистским хрычом, который всюду совал свой нос и натравил на ее родителей копов, когда Крис и Линда громко спорили друг с другом. Однако сейчас она вспомнила, что он ей нравился, ее завораживали запах свежего кофе и его забавный австрийский акцент. Однажды старик сказал, что она хорошо рисует и может стать художницей.

– Летучие мыши напуганы, – сообщила она ему доверительным тоном, когда тот передавал ее матери. – Бедные маленькие создания. Кажется, некоторые из них улетели с моста и не могут вернуться домой.

Она проспала весь день, а ночью лежала без сна. Ее сердце колотилось слишком быстро. Она боялась вещей, которые не имели смысла. Если рядом с домом проезжала машина, освещающая фарами потолок, Вик закусывала костяшки рук, чтобы удержаться от крика. Когда на улице хлопали дверью, она вздрагивала, словно это был выстрел.

На третью ночь постельного режима она выбралась из полубредового состояния и прислушалась к голосам родителей, говоривших в соседней комнате.

– Если я скажу, что не смог его найти, ее удар хватит, – говорил отец. – Она любит свой велосипед.

– Я рада, что она его потеряла, – ответила ее мать. – Хотя бы никогда больше на него не сядет.

Отец разразился мрачным смехом.

– Как мило.

– А ты слышал, что она говорила о велосипеде в тот день? Она на нем смерти искала. Вот о чем она думала, когда заболела. Она уезжает на велосипеде от нас... Куда? На небеса. В загробную жизнь. Она до смерти напугала меня всеми этими разговорами, Крис. Я больше не хочу видеть эту чертову железяку.

Помолчав немного, отец сказал:

– Я все еще думаю, что мы должны сообщить о том, что ее сбили, а водитель скрылся.

– После наезда такой лихорадки не бывает.

– Значит, она уже болела. Ты сама сказала, что накануне она очень рано легла спать. И выглядела бледной. Черт, может, с этого все и началось. Возможно, у нее поднялась температура, и она выехала на проезжую часть. Я никогда не забуду, как она выглядела, когда вышла на подъездную дорожку. Кровь текла из одного глаза, словно она плакала...

Его голос затих. Когда он снова заговорил, его тон был другим – напряженным и не совсем добрым.

– Что?

– Не знаю, откуда у нее взялся пластырь на левом колене.

Какое-то время бубнил телевизор. Затем мать сказала:

– Мы купим ей десятискоростной. Все равно придется брать ей новый велосипед.

– Он будет розовым, – прошептала Вик. – Ставлю любые деньги на то, что она купит мне розовый велик.

На подсознательном уровне Вик понимала, что потеря «Тафф Бернера» означала конец чего-то прекрасного – что она зашла слишком далеко и потеряла лучшую вещь в своей жизни. Это был ее нож. Она понимала, что другой велосипед, даже очень похожий, не сможет прорезать дыру в реальности и вернуть мост Короткого Пути.

Просунув руку между матрацем и стеной, Вик нашла под кроватью сережки и сложенный лист бумаги. Ей хватило сил спрятать их в тот вечер, когда она пришла домой. С тех пор они лежали под кроватью.

В какой-то вспышке озарения – довольно необычного для тринадцатилетней девочки – Вик поняла, что скоро будет воспринимать свои поездки через мост как фантазии ребенка с очень богатым воображением. Реальные события: встреча с Мэгги Ли, «Отличные сэндвичи у Терри», поиск мистера Пентака в боулинге «Фенвей» – постепенно превратятся в выдуманные грезы. Без велосипеда, на котором она совершала поездки по Короткому Пути, было невозможно верить в то появлявшийся, то исчезающий крытый мост. После потери «Роли» единственным доказательством ее поездок остались сережки в ладони и сложенная вчетверо ксерокопия стихотворения знаменитого Джерарда Мэнли Хопкинса.

Буквы «Н» и «Х». 7 очков.

– Почему ты не можешь поехать с нами на озеро?

В голосе матери, доносившемся через стену, проскальзывали жалобные нотки. Линда и Крис перешли к теме летнего отпуска. После болезни дочери ее мать хотела как можно скорее покинуть город.

– Что ты будешь здесь делать?

– Работать. Если хочешь, чтобы я три недели провел на Уиннипесоки, приготовься жить в палатке. Чертово место стоит восемнадцать сотен баксов в месяц.

– Мне придется провести с Вик три недели. Ты называешь это *отпуском*? Три недели быть матерью-одиночкой, пока ты торчишь здесь, работая три дня в неделю. Я знаю, чем ты будешь заниматься! Тем же, что ты делаешь, когда я звоню тебе на работу, а парни говорят, что ты укатил с геодезистом. Вы, поди, уже обследовали каждый сантиметр в Новой Англии.

Вик не разобрала, что именно отец ответил злым и тихим голосом. Он увеличил громкость телевизора и начал кричать так громко, что его мог бы услышать мистер де Зуте. Потом хлопнула входная дверь – достаточно сильно, чтобы стекла на кухне задрожали.

Вик надела новые сережки и развернула стих – сонет, который она не поняла, но уже полюбила. Она читала его при свете приоткрытой двери, шептала строки, повторяя их как молитву – а это и была своего рода молитва, – и вскоре мысли о несчастных родителях остались далеко позади.

Щеглы искрят, стрекозы мечут пламя

Щеглы искрят, стрекозы мечут пламя;
В ущелье – камня раздаётся крик;
Колокола хотят, чтоб за язык
Тянули их – зовя колоколами;
Всяк просит имени и роли в драме,
Красуясь напоказ и напрямик,
И, как разносчик или зеленщик,
Кричит: вот я! вот мой товар пред вами!
Но тот, на ком особый знак Творца,
Молчит; ему не нужно очевидца,
Чтоб быть собой; он ясен до конца:
Христос играет в нем и веселится.
И проступают вдруг черты Отца
Сквозь дни земные и людские лица.

Джерард Мэнли Хопкинс¹

¹ Перевод Григория Кружкова.

Исчезновения 1992–1996 гг.

Различные места

Русскую девочку, о которой говорила Мэгги Ли, звали Мартой Грегорски. В той части мира, где жила Вик, ее похищение пару недель обсуждали все кому не лень. Дело в том, что Марта, ученица Каспарова, к своим двенадцати годам стала настоящей знаменитостью в мире шахматистов. В те первые дни после развала СССР остальной мир все еще подстраивался к новой русской свободе и многие боялись, что исчезновение Марты Грегорски и ее матери могло привести к международному инциденту и стать поводом для начала новой холодной войны. Однако спустя какое-то время общественность поняла, что бывший Союз Советских Социалистических Республик был слишком занят разделом имущества, чтобы заметить похищение одной девочки. Раскрасневшийся от криков Борис Ельцин разъезжал на танке. Бывшие агенты КГБ боролись друг с другом, пытаясь устроиться на хорошо оплачиваемую работу у русской мафии. Прошло несколько недель, прежде чем кто-то поднял вопрос об охваченном преступностью и гнивающим Западе, но эти слова не вызвали ни у кого отклика.

Регистратор отеля «Хилтон Даблтри» на Чарльз-Ривер видела, как Марта с матерью вышли через вращающуюся дверь отеля – теплым дождливым вечером незадолго до шести часов вечера. Грегорски ожидали на званом ужине в Гарварде. Их должен был встретить автомобиль. Через забрызганную дождем витрину портье видела, как Марта, а затем ее мать сели в черный автомобиль. Она подумала, что в машине была подножка, потому что русская девочка сначала шагнула вверх, а затем скользнула на заднее сиденье. Но на улице уже стемнело, и портье говорила по телефону с гостем, который никак не мог открыть мини-холодильник, поэтому больше она ничего не заметила.

Одно было точно: Грегорски сели *не в ту машину* – не в арендованный для них автомобиль. Шестидесятидвухлетний водитель по имени Роджер Силлман, припарковавшийся на дальней стороне транспортной развязки, так их и не забрал. Он внезапно уснул за рулем и пришел в себя лишь около полуночи. Ему нездоровилось, словно он очнулся с похмелья, но заверял, что просто (совершенно неожиданно для него) задремал. Он решил, что Грегорски взяли такси, и даже не думал, что произошло что-то не то, до следующего утра, пока не выяснил, что Грегорски не вернулись в отель.

За десять недель ФБР допрашивало Силлмана десятков раз, но он твердо стоял на своем и не мог предоставить никакой ценной информации. Он сообщил, что от скуки слушал спортивную передачу на радио, потому что приехал на сорок минут раньше, когда кто-то постучал в окно. Кто-то коренастый, в черном плаще, стоявший под дождем. Силлман опустил стекло вниз, и затем...

Ничего. Просто ничего. Время растаяло, словно снежинка на языке.

У Силлмана были свои дочери и внуки. Он места себе не находил, представляя, что Марта и ее мать находились в руках какого-нибудь очередного Теда Банди или Чарльза Мэнсона, который издевался над ними, пока те наконец не умерли. Он не мог заснуть, его мучили кошмары о маленькой девочке, игравшей в шахматы отрезанными пальцами матери. Силлман все время напрягал свою память, надеясь вспомнить хоть что-то. Но ему на ум пришла лишь одна деталь.

– *Имбирный пряник*, – сказал он рябому следователю с фамилией Пис, хотя тот выглядел так, словно ему больше подошла бы фамилия Уор.

– Пряник?

Силлман беспомощно посмотрел на следователя.

– Пока я был в отключке, мне снилось имбирное печенье моей матери. Возможно, тип, который постучал в стекло, жевал пряник.

– Хм, – сказал Пис-а-не-Уор. – Спасибо за помощь. Объявим в розыск Пряничного человека. Но, боюсь, сильно это нам не поможет. Ходят слухи, что он неуловим.

* * *

В ноябре 1992 года четырнадцатилетний мальчик по имени Рори Маккомберс, новичок в школе Гилмона в Балтиморе, увидел «Роллс-Ройс» на парковке у своего общежития. Ему нужно было в аэропорт, чтобы полететь к своей семье в Ки-Уэст на День благодарения. Мальчик подумал, что машину послал за ним его отец.

Его отец действительно отправил за ним водителя, но тот не доехал до Рори всего один километр. Хэнк Туловицки остановился у «Ночной совы», чтобы заправиться и немного освежиться, но после этого он ничего не помнил. Он проснулся в час ночи в багажнике собственной машины, оставленной в пятидесяти километрах по дороге от «Ночной совы», на общественной парковке. Он пинался ногами и кричал почти пять часов, пока его не услышал утренний бегун, который и вызвал полицию.

Позже в совершении данного преступления признался некий балтиморский педофил и в порнографических подробностях описал, как именно он домогался Рори, прежде чем задушил его. Однако он не помнил, где закопал тело, и остальные его показания тоже не соответствовали уликам. У него не только не было доступа к «Роллс-Ройсу», но даже водительского удостоверения. К тому времени когда копы решили, что дело о растлителе малолетних зашло в тупик – просто еще один извращенец от скуки признался в убийстве мальчика, – они уже занялись новыми случаями похищений, а база улик по расследованию Маккомберса так и так оказалась очень слабой.

Ни у водителя Рори, Туловицки, ни у водителя Грегорски, Силлмана, не брали кровь на анализы, пока с момента преступления не прошло много времени, поэтому остаточное присутствие севовфлурана в их организме так и не обнаружили.

Несмотря на некую схожесть этих дел, никто даже не предположил, что Марту Грегорски и Рори Маккомберса похитил один и тот же человек.

Кроме того, у этих дел имелось еще кое-что общее: ни того ни другого ребенка больше никогда и никто не видел.

Хэверхилл

Крис Маккуин ушел от них осенью, когда Вик перешла в среднюю школу.

Новый учебный год не заладился с самого начала. Она получила низкие оценки по всем предметам, кроме изобразительного искусства. Только учитель рисования оставил в таблице шесть торопливо нацарапанных слов: «Виктория одаренная, ей просто нужно сосредоточиться». Лишь он поставил ей четверку.

Вик рисовала на каждом уроке. Маркером «Шарпи» она сделала себе татуировку – чтобы позлить мать и впечатлить парней. Она подготовила отчет о прочитанной книге в форме комикса, что позабавило детей, сидевших с ней на задних партах. Если бы существовал предмет, в котором нужно развлекать своих одноклассников, Вик получила бы пять с плюсом. Вместо «Роли» ей купили «Швинн» с серебряными и розовыми кисточками на руле. Она на нем не ездила. «Швинн» ее раздражал.

Когда Вик пришла домой после того, как ее оставили после уроков, мать сидела в гостиной на диване. Линда сгорбилась, уперев локти в колени и обхватив голову руками. Она плакала. Слезы стекали с уголков ее покрасневших глаз. Рыдания превратили мать в невзрачную старую женщину.

– Мама? Что случилось?

– Звонил твой отец. Сегодня вечером он не вернется домой.

– Мам? – спросила Вик, скинув рюкзак с плеча на пол. – Почему? Где он будет ночевать?

– Я не знаю. Не знаю, где и почему.

Вик недоверчиво на нее уставилась.

– Как это ты не знаешь почему? – спросила ее Вик. – Он не придет домой из-за тебя. Мам, он *терпеть тебя не может*. Ты его постоянно пилишь и ругаешь, когда он устал и хочет покоя.

– Я стараюсь как могу. Ты даже не представляешь, как сильно я стараюсь ему угодить. В холодильнике всегда стоит пиво. Когда он поздно приходит домой, его всегда ждет горячий ужин. Но мне уже не двадцать четыре, а именно это ему во мне не нравится. Его последней шлюхе как раз столько лет.

В ее голосе не слышалось гнева, только усталость.

– Как это понимать – *его последней*?

– Последней девушке, с которой он спал, – ответила Линда. – Я не знаю, с кем он теперь и почему решил к ней уйти. Я не вынуждала его выбирать между семьей и девушкой на стороне. Не знаю, почему на этот раз все по-другому. Наверное, она та еще штучка.

Когда Вик снова заговорила, ее тихий голос дрожал.

– Ты снова лжешь. Я тебя ненавижу. Если он уйдет из дома, я уйду вместе с ним.

– Но, Вики, – сказала ее мать безвольным и изможденным голосом. – Он тебя не возьмет. Папа ушел не только от меня. Он бросил нас обеих.

Вик развернулась и убежала, хлопнув дверью, в сумерки раннего октября. Золотисто-зеленый свет падал под низким наклоном сквозь дубы, стоящие вдоль улицы. Как она любила такой свет! В мире не было света, похожего на то, что можно увидеть в Новой Англии ранней осенью.

Вик мчалась на своем тошнотворно-розовом велосипеде. Она даже не осознавала, что задыхалась, захлебываясь слезами. Она объехала дом, пронеслась под деревьями и спустилась с холма. Ветер свистел в ушах. Десятискоростной был далеко не «Роли Тафф Бернером». Она чувствовала каждый камень и корешок под тонкими шинами.

Вик собиралась найти отца. Она направлялась к нему. Папа ее любил. Если Вик захочет остаться с ним, отец найдет для нее место, и она никогда не вернется домой, никогда не услы-

шит ругань матери за поношенные черные джинсы, за одежду для мальчиков, за компанию лоботрясов. Ей просто нужно съехать с холма, и там будет мост.

Но моста не было. Старая грунтовая дорога заканчивалась у ограждения, выходящего на реку Мерримак. Выше по течению вода была черной и гладкой, словно дымчатое стекло. Ниже начинались буруны. Вода ярилась в белой пене, разбитая о валуны. От Короткого Пути осталось только три возвышающихся над водой бетонных столба, из которых торчала арматура.

Она помчалась к ограждению, желая, чтобы мост появился перед ней. Но перед тем как врезаться в барьер, она нарочно упала вместе с велосипедом и заскользила по грязной земле, запачкав джинсы. Не потрудившись осмотреть себя, она вскочила на ноги, схватила велосипед обеими руками и швырнула его в реку. Тот ударился о склон дамбы, подпрыгнул и упал на мелководье. Одно колесо торчало из воды и бешено вращалось.

В сгущавшихся сумерках проносились летучие мыши.

Вик побрела на север куда глаза глядят, вдоль течения реки. Наконец на дамбе у реки, под 495-м шоссе, она упала в колючую траву, засыпанную мусором. Ее бок болел. Машины проносились над ее головой, создавая дрожащую гармонику на массивном мосту через реку Мерримак. Она чувствовала проезжавший транспорт по удивительным образом успокаивающей вибрации земли под ее телом.

Она не собиралась засыпать, но на какое-то время – около двадцати минут – задремала, унесенная в полусонное состояние оглушительным ревом мотоциклов, по двое или по трое проносящихся мимо, словно целая банда ездоков, мчащихся из города в объятия последней теплой осенней ночи; туда, куда унесут их колеса.

Различные места

Дождливым вечером 9 мая 1993 года Джефф Хэддон повел своего спрингер-спаниеля на вечернюю прогулку в Чесапике, штат Вирджиния. Никто из них не хотел выходить наружу – ни Хэддон, ни его собака Гарбо, потому что на бульваре Бэттлфилд дождь лил так сильно, что капли отскакивали от бетонных тротуаров и брусчатки дорог. В воздухе витали ароматы шалфея и остролиста. Джефф был одет в большое желтое пончо, хлопающее на сильном ветру. Гарбо расставила задние ноги и присела, чтобы помочиться. Ее курчавая шерсть висела мокрыми прядями.

Джефф и Гарбо шли мимо большого тюдоровского дома Нэнси Ли Мартин – богатой вдовы с девятилетней дочерью. Позже он рассказал следователям из чесапикского департамента полиции, что посмотрел на подъездную дорожку, так как услышал рождественскую музыку, хотя это было не так. Из-за громкого стука дождя на дороге Джефф не расслышал бы никакой музыки. Однако, проходя мимо дома Нэнси, он всегда заглядывал внутрь, потому что был немного в нее влюблен. Она была старше его на десять лет, но в свои сорок два года выглядела все той же чирлидершей вирджинского политеха.

Когда он покосился на узкую дорожку, то увидел, как Нэнси выходила из передней двери. За ней бежала дочь Эми. Высокий мужчина в черном плаще раскрыл для них зонт. Женщины были облачены в изящные одежды и шелковые шарфы. Джефф Хэддон вспомнил слова жены. Она говорила, что Нэнси Ли собиралась на благотворительный вечер к Джорджу Аллену, который баллотировался на должность губернатора.

Хэддон, владевший дилерским центром «Мерседес», хорошо разбирался в автомобилях и сообщил полиции, что они уехали на классическом «Роллс-Ройсе», то ли «Фантоме», то ли «Призраке», тридцатых годов. Он окликнул Нэнси по имени и приподнял руку в приветствии. Возможно, миссис Мартин и махнула ему рукой в ответ, но он не был в этом уверен. Когда водитель открыл дверь, послышалась музыка. Эллис мог поклясться, что уловил звуки «Маленького барабанщика» в исполнении хора. Довольно странный выбор для музыки. Возможно, даже Нэнси Ли подумала, что это странно. Она, казалось, помедлила, прежде чем сесть в машину. Но шел сильный дождь, и колебалась она недолго.

Хэддон пошел дальше, а когда вернулся, машина уже уехала. Нэнси Ли Мартин и ее дочь Эми так и не попали на благотворительный вечер Джорджа Аллена.

Водитель, который должен был их забрать – некий Малкольм Экройд, – также исчез. Его машину нашли возле реки на бульваре Бейнбридж, с открытой водительской дверью. В траве нашли его шляпу, забрызганную кровью.

* * *

В конце мая 1994 года десятилетний Джейк Кристенсен из Буффало, штат Нью-Йорк, в одиночку прилетел из Филадельфии, где учился в школе-интернате. Его должен был встретить водитель Билл Блэк, который, как оказалось, умер от сердечного приступа. Его нашли мертвым в гараже за рулем своего лимузина. Неизвестно, кто встретил Джейка в аэропорту и кто его увез.

Вскрытие обнаружило, что сердце Билла Блэка остановилось после вдыхания летальной дозы севофлурана – газа, который любят использовать стоматологи. Его малая доза ослабляет боль и делает человека очень внушаемым... другими словами, превращает в зомби. Севофлуран было непросто достать – для его получения требовалась лицензия медика или стоматолога. Это была многообещающая зацепка, но допросы челюстно-лицевых хирургов и работавших с ними людей ничего не дали.

* * *

В 1995 году Стив Конлон и его двенадцатилетняя дочь Чарли (на самом деле Шарлин, а для друзей Чарли) собрались на танцы отцов и дочерей в Платтсбурге, штат Нью-Йорк. Они заказали лимузин, но вместо этого к их порогу приехал «Роллс-Ройс». Мать Чарли, Агата, перед отъездом поцеловала дочь в лоб, пожелала ей хорошенько повеселиться – и никогда больше ее не видела.

Зато видела тело мужа. Его тело, с пробитым пулей левым глазом, нашли за кустами в зоне отдыха у шоссе 87. Агата без труда опознала тело, несмотря на многочисленные раны лица.

Несколько месяцев спустя, осенью, примерно в полтретьего ночи в доме Конлонов зазвонил телефон. Полусонная Агата услышала шипение и треск, словно звонили издалека, а затем несколько детей запели «Первое Рождество» – высокими сладкими голосами, подрагивающими от смеха. Агате показалось, что услышала голос своей дочери. Она начала выкрикивать ее имя: «*Чарли, Чарли, где ты?*» Но дочь не ответила, и через мгновение дети отключились.

Однако в телефонной компании заявили, что в указанное время никто не звонил. Полиция списала это происшествие на ночную выдумку обезумевшей от горя женщины.

* * *

Ежегодно в Америке похищают около 58 тысяч детей. В начале девяностых никто не связывал исчезновения Марты Грегорски, Рори Маккомберса, Эми Мартин, Джейка Кристенсена, Шарлин Конлон и взрослых, которые пропали вместе с ними, – в разных штатах, почти без свидетелей, при различных обстоятельствах – до тех пор, пока в руки Чарли Талента Мэнкса-третьего не попала Вик Маккуин.

Хэверхилл

В конце марта, когда Пацанка училась в одиннадцатом классе, мать в час ночи ворвалась в ее спальню, где Вик уединилась с Крейгом Харрисоном. Они не занимались любовью и даже не целовались, но Крейг принес бутылку «Баккарди», и Вик изрядно напилась.

Крейг ушел, пожав плечами, и улыбнулся. *«Спокойной ночи, миссис Маккуин. Извините, что мы вас разбудили»*. А на следующее утро Вик, отправляясь на субботнюю смену в «Тако Белл», не успела поговорить с матерью. Ей не хотелось возвращаться домой, и, конечно, она не была готова к тому, что там ее ожидало.

Линда сидела на кровати Вик, аккуратно застеленную свежим бельем. Взбитая подушка с уголком выглядела как в отеле. Не хватало только запаха мяты.

Все остальное пропало: альбом, книги и компьютер. На столе лежало несколько вещей, но Вик не обратила на них внимание. От вида пустой комнаты она едва не задохнулась от возмущения.

– Что ты наделала?

– Ты можешь вернуть свои вещи обратно, – сказала Линда. – Нужно только принять мои новые правила и соблюдать комендантский час. Отныне я буду отвозить тебя в школу, на работу и туда, куда тебе нужно будет ехать.

– Ты... ты не имеешь права, – сказала Вик, дрожа от гнева.

– Я нашла кое-что интересное в твоих ящиках, – продолжила мать, словно дочь ничего не говорила. – Мне хотелось бы услышать, как ты объяснишь их наличие.

Линда кивнула, указывая на другую сторону комнаты. Вик повернула голову, на этот раз заметив то, что лежало на столе: пачка сигарет, жестяная банка «Алтоидс», в которой лежало нечто похожее на красные и оранжевые леденцы для Дня святого Валентина; несколько бутылочек-пробников джина; два презерватива с банановым запахом в пурпурных обертках. Одна упаковка была разорванной и пустой.

Вик купила презервативы в торговом аппарате у отеля «Говард Джонсон». Она вскрыла один пакетик, чтобы сделать из резинки шар, накачав ее воздухом. Она нарисовала на презервативе лицо и назвала его Членоголовым, чем немало позабавила своих одноклассников, – двигала им по парте, когда учитель выходил из класса. Когда мистер Джаффи вернулся из туалета, в помещении так сильно пахло бананами, что он спросил, кто принес в класс пирог. Естественно, это вызвало у ребят безудержный хохот.

Сигареты забыл Крейг, когда заходил однажды вечером. Вик оставила их себе. Она не курила, но ей нравилось вынимать сигарету из пачки и класть ее на подушку, чтобы постель пропахла сладким табаком – запахом Крейга.

Таблетки экстази она принимала в те ночи, когда не могла заснуть – когда ее мысли крутились и пищали в голове, как стая обезумевших летучих мышей. Иногда по ночам Вик закрывала глаза и видела мост Короткого Пути – кривобокий прямоугольник, ведущий в темноту. Она чувствовала его запах: аммиачную вонь испражнений летучих мышей и запах заплесневелого дерева. На дальнем конце моста в темноте мигали две слепящих и внушающих ужас фары: два круга бледного света, размещенных близко друг к другу. Иногда они преследовали ее, даже когда она открывала глаза. При виде этих фар ей хотелось кричать.

Маленькая таблетка всегда сглаживала впечатления. Таблетки экстази дарили ей чувство, что она летала в воздухе и ветер обдувал ее лицо. Они приводили мир в состояние плавного движения, словно она сидела на заднем сиденье мотоцикла, а ее отец выполнял крутой вираж. Ей не требовался сон, когда она принимала экстази. Она так любила мир, что сон ей был ни к чему. Вместо этого она звонила подругам и рассказывала, как их любит. Вик засиживалась до поздней ночи и создавала эскизы татуировок, которые помогли бы ей, обычной девчонке,

выглядеть как распоследняя шалава. Девушка хотела, чтобы над грудью у нее красовался мотоциклетный двигатель – пусть парни знают, какая она классная, и не беда, что в свои семнадцать лет Вик, как ни трогательно, была последней девственницей в классе.

Маленькие пробнички джина были вообще ерундой. Она просто запивала им экстази.

– Думай что хочешь, – сказала Вик. – Мне плевать.

– Спасибо, что ты хотя бы используешь контрацептивы. Если принесешь в подоле внебрачного ребенка, рассчитывай только на саму себя. Я его не приму. Как и тебя.

Вик хотела сказать, что лишь ради этого стоило забеременеть как можно скорее, но выдала только:

– Я с ним не спала.

– Не лги! Четвертого сентября. Я думала, ты ночевала у Виллы. А в дневнике ты пишешь, что ...

– Ты читала мой дневник? – закричала Вик.

– Ты спала с Крейгом. В первый раз. Думаешь, я не знаю, что это значит?

Да, они спали вместе... в одежде, под тонким одеялом, на полу в подвале Виллы, вместе с шестью другими подростками. Когда Вик проснулась, Крейг обнимал ее за талию, дыша в затылок. И она думала: *«Пожалуйста, не просыпайся»*. Это было такое счастье, что она не помнила, как выдержала его.

– Да, мы трахались, мама, – тихо сказала Вик. – Потому что мне надоело сосать его член. Не вижу в этом ничего особенного.

Мать, и без того бледная, побледнела еще больше.

– Я буду держать твои личные вещи под замком, – произнесла она. – Мне плевать, что тебе почти исполнилось восемнадцать, но ты живешь под моей крышей и будешь жить по моим правилам. Но если ты согласишься придерживаться плана, то через несколько месяцев...

– Так ты поступала, когда папа тебя разочаровывал? Закрывала для него свою киску, чтобы посмотреть, будет ли он придерживаться плана?

– Поверь, будь у меня пояс верности, я бы заставила тебя его носить, – закричала мать. – Маленькая шалава с грязным языком.

Вик рассмеялась жутким и отчаянным смехом.

– Какая же ты сука, – сказала она самую злую фразу, которую только могла придумать. – Я ухожу.

– Если уйдешь, имей в виду, – сказала мать, – что обратно я тебя не впущу.

Но Вик уже выбежала из спальни и не слышала ее слов.

На холоде

Она шла пешком.

Ее армейская куртка промокла насквозь на мокром снегу. Волосы покрылись хрустящей ледяной корочкой.

Отец со своей подругой жили в Дареме, штат Нью-Хэмпшир. К ним можно было попасть с помощью транспортного управления залива Массачусетс – доехать до Северной станции и взять билет на Амтрак. Но это стоило больших денег, которых у Вик не имелось.

Она все равно пошла на станцию и какое-то время скрывалась там от дождя. Вик пыталась придумать, кому бы позвонить и попросить денег, чтобы купить билет на поезд. Затем она решила послать всех подальше и просто позвонить отцу – попросить его приехать и забрать ее. Честно говоря, она не понимала, почему не додумалась до этого раньше.

В прошлом году Вик видела его всего один раз, и эта встреча закончилась плохо. Она поссорилась с его подругой и швырнула в нее пульт от телевизора, который по нелепой случайности попал ей прямо в лицо, оставив синяк под глазом. Отец в тот же вечер отправил дочь обратно, даже не поинтересовавшись, почему она так поступила. С тех пор Вик с ним не разговаривала.

Крис Маккуин ответил после второго гудка и сказал, что оплатит разговор. Особой радости в его хриплом голосе не слышалось. Последний раз, когда она видела отца, в его волосах блестело много серебра, которого не было еще год назад. Она слышала, что люди, заводившие молодых любовников, сами становились моложе. С ним это не работало.

– Короче, – сказала Вик и едва снова не заплакала. – Мама выставила меня, как и тебя.

Конечно, все было не так, но ей показалось, что начать беседу будет лучше с этих слов.

– Привет, Пацанка, – произнес отец. – Ты где? Твоя мама сказала, что ты ушла.

– Я на вокзале. Совсем без денег. Папа, ты можешь меня забрать?

– Я вызову тебе такси. Мама заплатит водителю, когда ты вернешься домой.

– Я не могу вернуться домой.

– Вик, мне потребуется целый час, чтобы до тебя добраться. Полночь на дворе, а мне на работу завтра в пять утра. Я бы уже лег спать, но приходится сидеть у телефона и тревожиться за тебя.

Вик услышала на фоне голос его девушки – Тиффани:

– Не смей звать ее сюда, Крисси!

– Договаривайся со своей матерью, – сказал он. – Я не могу принять чью-либо сторону.

Ты же знаешь, Вик.

– Она сюда не приедет, – рявкнула Тиффани.

Ее голос был резким и сердитым.

– Вели своей сучке закрыть ебало! – Вик едва ли не рыдала.

Когда отец заговорил, его голос стал жестким и суровым.

– Нет! К тому же ты избила ее, когда приезжала сюда в прошлый раз...

– Проклятье!

– ...а потом даже не извинилась...

– Я не трогала твою безмозглую сучку.

– Ладно. Я закругляюсь. Разговор окончен. Тебе придется провести ночь под дождем.

– Значит, ты выбрал ее, а не меня, – произнесла Вик. – Ты *выбрал* ее! Иди в жопу, папа.

Отдыхай, тебе завтра столько всего взрывать! На большее ты не способен.

Она повесила трубку.

Вик решила провести ночь на привокзальной лавке, но к двум часам ночи поняла, что ничего не выйдет – уж слишком было холодно. Она хотела позвонить матери и попросить ее

вызвать такси. Но ей стало плохо от одной только мысли, что ей придется попросить помощи у матери, поэтому она пошла к себе в

Дом

Вик даже не попробовала пробраться через переднюю дверь, полагая, что та была закрыта. Окна ее спальни, запертые на шпингалеты, находились в трех метрах над землей. Окна на заднем дворе тоже были заперты, как и раздвижные стеклянные двери. Однако подвальное окно не запиралось и даже не закрывалось как следует. Оно уже лет шесть было приоткрыто на несколько миллиметров.

Отыскав ржавые садовые ножницы, она отжала ими проволочную сетку, затем толкнула окно внутрь и протиснулась в широкое отверстие.

Подвал представлял собой большое помещение без мебели, с трубами, проходящими по потолку. Стиральная машина и сушилка находились в одном конце комнаты, у лестницы, а бойлер – в другом. Остальное пространство представляло собой беспорядочное нагромождение из коробок, клетчатого легкого кресла, мусорных мешков, наполненных старой одеждой, и акварельного рисунка Крытого Моста в рамке. Вик смутно припомнила, что нарисовала его в средних классах. Картина была страшненькая. Никакого чувства перспективы. Вик позабылась, нарисовав на ней маркером стайку летающих пенисов, затем бросила ее в мусор и разложила кресло, которое превратилось в достаточно неплохую кровать. В сушилке она нашла себе сменную одежду. Было бы неплохо высушить и кроссовки, но шум непременно приведет мать вниз. Поэтому она просто оставила их на нижней ступеньке.

Она нашла в пакете для мусора несколько пуховиков, свернулась в кресле калачиком и натянула на себя пару курток. Кресло раскладывалось не полностью, и Вик даже не представляла, как ей удастся уснуть в таком положении. Но затем она закрыла глаза, а когда открыла их, небо превратилось в ярко-голубую ленту в длинной щели окна.

Девочка проснулась от топота ног над головой и взволнованного голоса матери. Она разговаривала по телефону на кухне. Вик поняла это по тому, как она ходила.

– Крис, я звонила *в полицию*, – говорила она. – Да, они сказали, что со временем она вернется домой.

Через какое-то время Линда продолжила:

– Нет! Нет, они не будут заводить дело, потому что она уже не ребенок. Блядь, ей семнадцать лет, Крис. В таком возрасте нельзя даже сказать, что она сбежала.

Вик едва не поднялась со своего кресла, но затем подумала: *«Да пошло оно все. Идите в жопу»* – и откинулась на спинку стула.

Она сразу поняла, что поступает неправильно – ужасно неправильно. Прячется здесь, внизу, пока мама наверху сходит с ума от переживаний. Ну так не стоило обыскивать ее комнату, читать дневник и забирать себе вещи, за которые она заплатила сама из своего кошелька. А если Вик принимала экстази, то это была вина родителей. Не нужно было разводиться. И зачем отец бил мать? Теперь она знала, что он распускал руки. Вик не забыла, как он промывал костяшки пальцев в раковине. Даже если болтливая сука сама этого заслуживала.

Вик хотела немного экстази. В рюкзаке лежала одна таблетка – в карандашном пенале, – но она была наверху. Интересно, отправится ли мать на ее поиски?

– Но ты не растил ее, Крис! Это делала *я!* Все делала *сама!*

Линда перешла на крик. Вик услышала слезы в ее голосе и на мгновение почти передумала. И вновь удержалась. Казалось, что ночной дождь просочился через ее кожу и охладил ее кровь. Она жаждала этого холода, идеального ледяного спокойствия – мороза, который заглушал бы все плохие чувства и заморозил все дурные мысли.

«Вы хотели, чтобы я потерялась, – подумала Вик. – Пусть так оно и будет».

Мать бросила трубку телефона на рычаг, подняла ее и еще раз бросила.

Вик свернулась калачиком под куртками.

Через пять минут она заснула.

Подвал

Когда Пацанка проснулась, день уже клонился к вечеру. В доме никого не было. Она поняла это, открыв глаза и прислушавшись к тишине. Ее мать не выносила молчания. Линда даже спала с включенным вентилятором. Когда она бодрствовала, то включала телевизор или болтала с подругами.

Вик встала с кресла, пересекла комнату и, поднявшись на ящик, посмотрела из окна на двор. Ржавого материнского «Датсуна» там не было. Вик почувствовала прилив волнения. Она надеялась, что в своих поисках мать объедет весь Хэверхилл – торговые центры, переулки и дома подруг.

«Я уже могла умереть», – подумала она, произнося безмолвные слова пугающим злоеющим голосом. – Меня могли изнасиловать и бросить у реки. И это была бы твоя вина, властолюбивая сука». Голова Вик была забита словами, подобными *властолюбивая* и *злоещая*. В школе девушка получала одни тройки, но она читала Джерарда Мэнли Хопкинса и У. Х. Одена. Она знала, что была на много световых лет умнее своих родителей.

Она закинула сырые кроссовки в сушилку и поднялась наверх, чтобы съесть чашку «Лаки Чармс» перед телевизором. Она достала из пенала свою последнюю таблетку экстази и через двадцать минут почувствовала, как ее наполняют спокойствие и легкость. Закрыв глаза, она испытывала роскошные ощущения движения – скольжение в воздухе бумажного самолетика. Она смотрела какой-то канал про путешествия и каждый раз, когда видела самолет, разводила руки, как крылья, и делала вид, что парит в воздухе. Экстази содержало в себе движение в форме таблетки. Впечатления напоминали поездку в темноте – в кабриолете с открытым верхом. Только во время путешествия не нужно было вставать с кушетки.

Вик помыла в раковине чашку и ложку, высушила их и положила на место. Затем она выключила телевизор. Время уже было позднее, насколько она могла судить по наклонным лучам света, просвечивающим сквозь деревья.

Вик вернулась в подвал, проверила обувь, но та по-прежнему была сырой. Она не знала, что делать. Под лестницей лежали старая теннисная ракетка и банка с мячами. Вик решила какое-то время побить мяч о стену. Но сначала нужно было очистить пространство. Поэтому Пацанка начала двигать коробки... И тогда она нашла его.

«Роли» прижало к бетонной стене грудой коробок с пометкой «Для Армии спасения». Вик опешила, увидев свой старый «Тафф Бернер». Она попала в какую-то аварию и потеряла его. Вик вспомнила, как родители обсуждали это, не зная, что она их подслушивала.

Разве что... Возможно, ей показалось, что она слышала. Например, отец говорил, что ее удар хватит, если он расскажет ей о пропаже «Тафф Бернера». Почему-то она тогда подумала, что велосипед потерялся и папа не смог его найти. А мать говорила, что рада исчезновению «Роли», потому что Вик сильно к нему привязалась.

Она привязалась к велику, что правда, то правда. Вик представляла, как с помощью воображаемого моста попадает в разные места и фантастические страны. Она ездила в убежище террористов, нашла пропавший браслет матери, попала в подвал, наполненный книгами, где какая-то эльфийка угостила ее чаем и предупредила о вампире.

Вик провела рукой по рулю, собрав на подушечках пальцев густую серую пыль. Все это время велосипед пылился здесь, потому что ее родители не хотели, чтобы она на нем каталась. Вик любила свой «Роли». Она пережила с ним тысячи историй, и поэтому, естественно, родители его забрали.

Она скучала по крытому мосту, по девочке, которой была. Вик знала, что тогда была во много раз лучше.

Надевая кроссовки (которые слегка подурмянились и теперь пованивали), девушка не отрывала взгляда от велосипеда.

Весна достигла почти идеального равновесия: на солнце она чувствовалась словно июль, а в тени – как январь. Вик не хотелось ехать по дороге и рисковать своей свободой. Мать могла ее заметить. По этой причине она прокралась позади дома и спустилась по тропинке в лес. Было так легко поставить ноги на педали и поехать вниз.

Вскарабкавшись на велосипед, Вик рассмеялась. Он был слишком маленьким для нее – смех, да и только. Она представила себе клоуна, втиснувшегося в крохотную машину. Ее колени цеплялись за руль, а ягодицы свисали с сиденья. Но когда она встала на педали, почувствовала, что ничего не изменилось.

Она съехала вниз с холма – в тень, где было градусов на десять холоднее, чем на солнце. В лицо дохнула зима. Ударившись о корень, она взлетела в воздух. Вик от удивления счастливо завопила. На какое-то мгновение разница между тем, кем она была, и тем, кем стала, стерлась. Все казалось таким же, как прежде: колеса под ней крутились, а ветер трепал волосы.

Она не спустилась прямо к реке, а поехала по узкой тропе, шедшей наискосок по склону холма. Прорвавшись через какие-то кусты, Вик оказалась рядом с группой мальчишек, стоявших вокруг мусорного бака, в котором горел костер. Они передавали по кругу сигарету с травкой.

– Дай затянуться! – прокричала она, проезжая мимо.

Вик изобразила, что делает маленькую затяжку. Мальчик у бака, тощий придурок в майке с Оззи Осборном, со страху подавился дымом. Она с усмешкой промчалась мимо него. Он прокашлялся и крикнул:

– Может, и дадим, если отсосешь у нас, шлюха ебнутая!

Она продолжила крутить педали, мчась сквозь холод. Стайка ворон, устроившихся на ветках толстой березы, обсуждала ее в самых грубых выражениях, когда она проезжала под ними.

«Может, отсосешь у нас», – подумала она, и в какой-то момент семнадцатилетняя девушка на детском велосипеде представила, что разворачивается, возвращается к ним и спрашивает: *«Ладно, кто первый?»* Мать уже считала ее шлюхой. Вик не хотела ее разочаровывать.

Спускаясь по склону холма на старом велосипеде, она какое-то время чувствовала себя прекрасно. Но счастье внезапно выгорело, оставив после себя лишь тонкую холодную ярость. Вик не знала, на кого сердилась. Ей не на ком было выместить свой гнев. Этот тихий вихрь эмоций вторил жужжанию спиц.

Она хотела поехать в торговый центр, но мысль о том, что придется нацепить на лицо улыбку ради других девчонок, вывела ее из себя. Вик не хотела ни с кем встречаться. Она не желала, чтобы ей раздавали советы. Пацанка не знала, куда ехать. Она просто хотела напороться на какую-нибудь проблему. И Вик чувствовала, что, проехав немного дальше, она обязательно нарвется на неприятности.

Вероятно, мать думала, что ее дочь уже вляпалась в неприятности и лежит где-то голой и мертвой. Вик с удовольствием посмаковала эту мысль. Жаль, что к вечеру веселье закончится и мать узнает, что она жива. Вик отчасти хотелось, чтобы Линда никогда не узнала о том, что с ней случилось. Она хотела исчезнуть из ее жизни – уйти и больше не вернуться. Как прекрасно будет бросить обоих родителей. Пусть они гадают, жива или мертва их дочь.

Ей понравилась мысль о всех тех днях и неделях, на протяжении которых они будут скучать по ней, терзаемые ужасными мыслями о том, что случилось с их дочерью. Они будут представлять, как она мерзнет под дождем, с радостью взбираясь на заднее сиденье первой же машины, которая остановится около нее. Она могла быть все еще живой где-то в кузове старого автомобиля. (Вик не заметила, что в ее уме машина стала старой – какой-то неопределенной модели.) И родители никогда не узнают, как долго какой-то старик держал ее в плену (Вик

только что решила, что похититель будет старым, как и его автомобиль), что он с ней сделал и где потом закопал ее тело. Это куда хуже, чем смерть. Они никогда не узнают, с каким ужасным человеком столкнулась Вик, в какое уединенное место он увез ее и какой конец она для себя нашла.

К тому времени Вик выехала на широкую грунтовую дорогу, ведущую к Мерримаку. Желуди трескали под колесами. Она слышала рев реки, разливающейся через узкий скалистый проход, – один из лучших звуков в мире. Пацанка подняла голову, чтобы насладиться видом, но обзор перекрыл мост Короткого Пути.

Вик нажала на тормоза, позволив «Роли» плавно остановиться.

Мост был более ветхим, чем она помнила. Вся конструкция накренилась вправо, и казалось, что сильный порыв ветра мог сбросить его в Мерримак. Покосившийся вход зарос кустами плюща. Она почувствовала запах летучих мышей. В дальнем конце тоннеля виднелось слабое пятно света.

Вик дрожала от холода и непонятного чувства, напоминающего удовольствие. Она чувствовала молчаливую уверенность, что ее голову наполняют неправильные мысли. Сколько бы раз она ни принимала экстази, у нее никогда не было галлюцинаций. Хотя все когда-нибудь случается впервые.

Мост ждал, чтобы она через него проехала. Вик понимала, что, сделав это, она упадет в пустоту. Ее запомнят как обдолбанную наркотиками цыпочку, которая съехала с утеса на велосипеде и сломала себе шею. Такая перспектива ее не пугала. Лучше уж смерть в потоке, чем быть похищенной каким-то стариком (Призраком) без возможности передать кому-нибудь весточку о себе.

В то же время – хотя она знала, что моста не существовало, – какая-то ее часть хотела посмотреть, что скрывается на том конце. Вик встала на педали и подъехала ближе – прямо на край, где деревянная рама опиралась на грунт.

Слева, на внутренней стене, зеленой аэрозольной краской были написаны два слова:

Санный дом 1996 год

Хэверхилл

Вик наклонилась, схватила кусок сланца и бросила его на мост. Тот звучно упал на деревянный настил, подпрыгнул и заскользил чуть дальше. Сверху послышался слабый шорох. Летучие мыши.

Галлюцинация казалась довольно прочной. Хотя, возможно, кусок сланца тоже был галлюцинацией.

Проверить мост можно было двумя способами. Например, проехать еще полметра и затормозить. Если мост ей привиделся, она могла вовремя отойти назад, чтобы не упасть.

Или она просто могла помчаться вперед. Закрывать глаза и дать «Роли» унести ее в неизвестность.

Ей было семнадцать, и она ничего не боялась. Ей нравился шелест ветра в листьях плюща, обрамлявших вход на мост. Она поставила ноги на педали и поехала. Пацанка услышала, как колеса зашуршали по дереву, как доски затрещали под ней. Но она никуда не упала и не погрузилась в арктический холод Мерримака. Раздался нарастающий рев белого шума. И приступ боли в левом глазу.

Она скользила в старой знакомой тьме. В зазорах между досками мелькали статические молнии. Она проехала треть пути и увидела вдалеке грязный белый дом с примыкавшим гаражом. Санный дом, что бы это ни значило.

Название ничего ей не говорило, да и ей самой было без разницы. Вик интуитивно понимала, что поехала бы вперед, даже если бы не знала, *куда* именно попадет.

Она хотела нарваться на неприятности, и мост Короткого Пути еще ни разу ее не подводил.

На другом конце моста

В высоком кустарнике жужжали насекомые. В Нью-Хэмпшире весна была холодной и грязной, а здесь – *черт знает где* – воздух был теплым и свежим. Краем глаза Вик увидела вспышки света – какое-то мерцание в деревьях, – но тогда она не обратила на них внимания.

Вик съехала с моста на утрамбованный грунт. Нажав на тормоза, она встала на ноги и оглянулась на мост.

Короткий Путь вклинился между рощей и одной стороной дома, дальше он шел через лес. Когда Вик заглянула внутрь, то увидела на другой стороне Хэверхилл – зеленый и тенистый в вечернем свете дня.

Белый дом в стиле кейп-код одиноко стоял в конце длинной грунтовой дорожки. Трава во дворе выросла по пояс. Заросли сумаха, пробивавшиеся среди деревьев, высотой были с саму Вик.

Занавески на окнах были задернуты, защитные сетки от насекомых проржавели и прогнулись наружу, машины рядом не виднелось, и казалось, что дом пустует. Однако Вик тут же испугалась этого места. Она не верила, что в доме никого не было. Это место ее пугало. Она тут же подумала: если полиция хорошенько тут все обыщет, на заднем дворе точно найдут закопанные тела.

Когда Вик въезжала на мост, ей казалось, что она парит, как ястреб, влекомый потоком воздуха. Она думала, что ей все нипочем. А теперь, стоя неподвижно на дорожке, Вик чувствовала, что движется вперед, но это ощущение было неприятным. Казалось, что ее притягивает к чему-то, чего она не хотела видеть и знать.

Откуда-то издали доносился слабый звук телевизора или радио.

Вик вновь оглянулась на мост. Он стоял всего в полуметре от нее. Девушка глубоко вздохнула, убедив себя, что ей ничего не угрожает. Если ее заметят, она развернет велосипед, вернется на мост и уедет, прежде чем кто-то успеет даже крикнуть.

Она слезла с байка, взяла его за руль и пошла вперед. С каждым тихо похрустывающим на траве шагом Вик чувствовала все большую уверенность, что все вокруг было реальностью, а не иллюзией, созданной экстази. По мере приближения звуки радио постепенно становились чуть громче.

Посмотрев на деревья, Вик снова увидела блестящие огни, сверкавшие на ветвях ближайших сосен, но не сразу поняла, что именно она видит. А когда Вик разобралась, она застыла и уставилась на рождественские украшения, развешанные на соснах и елях. Они сотнями висели на деревьях. Большие серебряные и золотые шары, усыпанные блестками, качались на пышных сосновых ветках. Оловянные ангелы прижимали к губам безмолвные трубы. Толстые Санты подносили ко рту пухлые пальцы, советуя Вик вести себя потише.

Пока она стояла, любясь украшениями, по радио зазвучал грубоватый баритон Берла Айвза, призывавшего весь мир отпраздновать Рождество, словно и не шла третья неделя марта. Песня раздавалась из примыкавшего гаража – мрачного строения, с подъемной дверью и четырьмя квадратными окнами, мутными от грязи.

Она сделала маленький шаг, затем второй и подкралась к гаражу таким образом, словно шла по верхнему карнизу. Затем Вик обернулась, желая убедиться, что мост по-прежнему на месте – что она сможет добежать до него, если придется в спешке отступить. Кажется, сможет.

Еще один шаг, другой, затем она приблизилась достаточно близко, чтобы заглянуть в грязное окно. Вик прислонила «Роли» к стене у большой гаражной двери.

Она прижалась лицом к стеклу. В гараже стоял старый черный автомобиль с небольшим задним окном. То был «Роллс-Ройс» – автомобиль, из которого в старых фильмах всегда вылезал Уинстон Черчилль. Вик разглядела номерной знак: NOS4A2.

«Вот оно. То, что мне нужно. Полиция может отследить его по номеру, – подумала Вик. – Теперь ты должна уйти. Беги».

Но, собравшись отойти от гаража, она заметила в окошке старой машины какое-то движение. Сидящий на заднем сиденье слегка пошевелился и поерзал, выискивая более удобное местечко. Через стекло Вик смутно разглядела очертания небольшой головы.

Ребенок. В машине был ребенок. Мальчик, судя по стрижке.

Сердце Вик забилося так сильно, что ее начало потряхивать. В машине похитителя сидел ребенок. Если она вернется через Короткий Путь, возможно, полицейские и поймут владельца этой старой железки. Но они не найдут ребенка, потому что к тому времени он уже будет лежать в земле.

Вик не понимала, почему ребенок не кричал или не выбегал из машины. Возможно, его опоили наркотиками или связали, Вик этого не знала. Какой бы ни была причина, он не выйдет из автомобиля, если она не войдет в гараж и не выпустит его.

Пацанка отошла от окна и вновь оглянулась через плечо. Мост ждал ее среди деревьев. Внезапно ей показалось, что он очень далеко. Почему он так далеко?

Она оставила «Роли» у гаража. Вик думала, что боковая дверь будет заперта, но, когда она повернула ручку, та открылась. Сразу же раздалось дрожание, писклявые и накачанные гелием голоса: «Элвин и бурундуки» затянули свою адскую рождественскую песню.

При мысли войти туда у нее дрогнуло сердце. Она осторожно переступила через порог одной ногой – на пробу, словно проверяла недостаточно схватившийся лед на пруду. Старая машина, обсидиановая и гладкая, заполняла собой почти весь гараж. Небольшое оставшееся свободное пространство было забито различным хламом: банками с краской, граблями, лестницами и разными коробками.

У «Роллса» был просторный задний салон и черное сиденье, обтянутое лайкой телесного цвета. На нем спал мальчик, одетый в куртку с пуговицами из кости и капюшоном. Темные волосы, круглое полное лицо, румяные щеки говорили о крепком здоровье. Вероятно, он видел сладкие сны: возможно, засахаренный изюм. Мальчик не был связан и не выглядел несчастным. Ей пришла в голову мысль, не имевшая никакого смысла: *«Он чувствует себя прекрасно. Можешь уходить. Скорее всего, парень здесь со своим отцом. Он заснул, и отец дал ему отдохнуть. Можешь уходить».*

Вик отмахнулась от этой мысли, словно от мешающегося ей слепня. Это была неправильная мысль. Она не должна так думать и не понимала, как до этого дошла.

Мост Короткого Пути отправил ее сюда, чтобы найти Призрака – плохого человека, который причинял людям вред. Она искала неприятности, а мост всегда указывал ей верное направление. За последние несколько минут все воспоминания, которые она подавляла годами, вернулись назад. Мэгги Ли была реальной девушкой, а не сновидением. Вик действительно съездила на своем велосипеде в кафешку «У Терри» и вернула мамин браслет. Она ничего не выдумывала.

Она постучала по стеклу. Ребенок не шевелился. Он был моложе ее – лет двенадцати или около того. На верхней губе уже пробивались редкие смуглые волосы.

– Эй, – позвала она тихим голосом. – Парень, проснись.

Он заворочался, но в конце концов повернулся на бок – лицом от нее.

Вик потянула рукоятку двери, но она была заперта изнутри.

Руль располагался с правой стороны машины – с той, где стояла она. Водительское окно было опущено почти до упора. Вик подошла к нему. Между машиной и сваленным у стены мусором было не так много места.

Ключи торчали из замка зажигания – машина заводилась от аккумулятора. Шкала радио подсвечивалась радиоактивным оттенком зеленого цвета. Вик не знала, кто теперь пел – какой-то старый пижон из Вегаса, – но эта песня тоже была про Рождество. Зимний праздник остался в зеркале заднего вида едва ли не четыре месяца назад, и поздней весной такая музыка звучала как-то отвратительно. Словно клоун, стоящий под дождем, который смывал его макияж.

– Эй, парень, – прошептала она. – Эй, просыпайся.

Мальчик пошевелился и сел, повернувшись к ней. Вик увидела его лицо и с ужасом отпрянула назад.

Через заднее стекло она не смогла сразу рассмотреть его лицо. Казалось, парень в машине находился близко к смерти... или за гранью смерти. Если не считать впадин под глазами цвета свежих синяков, его лицо было бледно-лунного оттенка. Под кожей ветвились черные ядовитые вены. Казалось, что его артерии наполняли чернила, а не кровь, они выступали болезненными ветвями в уголках рта, по краям глаз и на его висках. Волосы были цвета инея на оконном стекле.

Мальчик моргнул. Только его глаза, блестящие и любопытные, казались живыми.

Он выдохнул белый пар, словно находился в холодильной камере.

– Ты кто? – спросил мальчик.

Каждое слово сопровождалось новым выдохом белого пара.

– Тебе нельзя здесь находиться.

– Почему тебе так холодно?

– Мне не холодно, – ответил он. – Ты должна уйти. Здесь очень опасно.

Его дыхание парило.

– О боже, – сказала она. – Малыш. Давай заберем тебя отсюда. Пошли. Выходи ко мне.

– Я не могу открыть дверь.

– Заберись на переднее сиденье.

– Я не могу, – ответил мальчик.

Он говорил как одурманенный. До Вик дошло, что мальчик находился под воздействием наркотиков. Но разве наркотики могли опустить температуру тела настолько, чтобы дыхание стало парить? Она так не думала.

– Я не могу перебраться с заднего сиденья. А тебе правда нельзя здесь находиться. Он скоро вернется.

Белый холодный пар струился из ноздрей.

Вик хорошо слышала мальчика, но не понимала, что он ей говорил. Кроме последней фразы. «Он скоро вернется». Вполне логично. Конечно, он (Призрак) вернется, где бы ни находился. Злодей не оставил бы машину с разряженным аккумулятором, если бы не собирался скоро прийти. К тому времени ей следовало исчезнуть. Им обоим нужно было бежать отсюда.

Больше всего на свете ей хотелось удрать, броситься к двери и сказать, что она вернется с полицией. Но этого нельзя было делать. Убежав, она не просто оставит больного похищенного ребенка. Она бросит лучшую часть себя.

Вик потянулась через окно и открыла переднюю дверь.

– Давай, – сказала она. – Возьми меня за руку.

Пацанка оперлась на водительское сиденье и потянулась в заднее купе.

Мгновение мальчик смотрел на ее ладонь задумчивым взглядом, словно пытался прочесть ее будущее или будто она предлагала ему шоколадку, а он пытался решить, хочет ли есть сладости. Довольно странная реакция для похищенного ребенка. Она поняла это, но не успела вовремя убраться.

Он схватил ее за запястье, и Вик закричала от его прикосновения. Рука мальчика жгла ее кожу – так сильно, будто она прижала запястье к раскаленной сковородке. Мгновение спустя она поняла, что это ощущение холода, а не жара.

Громко прозвучал гудок клаксона. В ограниченном пространстве гаража этот звук казался почти невыносимым. Вик не знала, почему он гудит, ведь она не касалась руля.

– Отпусти! – закричала она. – Мне больно.

– Я знаю, – ответил мальчик.

Когда он улыбнулся, Вик увидела, что его рот был полон маленьких зубов – нескольких рядов маленьких и тонких, как швейные иглы, крючков. Они, казалось, уходили вглубь горла. Гудок клаксона прозвучал еще раз.

Мальчик закричал:

– *Мистер Мэнкс! Мистер Мэнкс, я поймал какую-то девушку! Мистер Мэнкс, идите сюда!*

Вик оперлась ногой о водительское сиденье и откинулась всем телом назад. Мальчика потянуло за ней. Она поняла, что он не отпустит ее руку – так сильно он ее сжал. Его рука морозила Вик. Но, когда она отдернула руку за спинку переднего сиденья, мальчик отпустил ее. Девушка упала на руль, и снова зазвучал гудок клаксона. На этот раз по ее вине.

Парень возбужденно прыгал на заднем сиденье.

– *Мистер Мэнкс! Мистер Мэнкс, идите сюда! Здесь какая-то девушка!*

Пар клубился из его рта и ноздрей.

Вик упала из открытой водительской двери на голый бетон и ударилась плечом о скопление граблей и снежных лопат. Они с грохотом повалились на нее.

Клаксон звучал снова и снова серией оглушающих гудков.

Вик сбросила с себя садовые инструменты. Встав на колени, она осмотрела запястье. Там остался отвратительный черный ожог в форме детской руки.

Она захлопнула водительскую дверь и бросила последний взгляд на мальчика, сидевшего на заднем сиденье салона. На его алчном лице проступала нетерпеливость. Он высунул изо рта черный язык и облизал им свои алые губы.

– *Мистер Мэнкс, она убегает!* – кричал подросток.

Его дыхание морозило оконное стекло.

– *Быстрее идите сюда! Посмотрите на нее!*

Вик поднялась и неуклюже бросилась к боковой двери, ведущей во двор.

Внезапно включился мотор, управлявший электрической гаражной дверью. Цепь над головой натянулась со скрежещущим лязгом. Пацанка остановилась и как можно скорее бросилась назад. Большая гаражная дверь медленно поднималась вверх, открывая взгляду черные ботинки и серебристо-серые брюки. Вик подумала: *«Призрак! Это Призрак!»*

Она обогнула переднюю часть машины. Два шага – и она попала к двери, которая вела в дом.

Ручка легко повернулась, предлагая ей войти в темноту.

Вик вошла, закрыла за собой дверь и обнаружила, что это

Прихожая,

в одном углу которой отслаивался грязный линолеум.

Она никогда не чувствовала себя такой слабой. В ушах звенело от застрявшего в голове собственного крика. Она знала: если закричит по-настоящему, Призрак найдет и прикончит ее. В этом она ни капельки не сомневалась – убьет и закопает на заднем дворе. И никто не узнает, что с ней случилось.

Она вошла в очередную дверь и попала в

Коридор,

который тянулся вдоль почти всего дома. Пол был полностью покрыт зеленым ворсистым ковром.

В воздухе пахло готовившейся индейкой.

Она побежала, не беспокоясь о дверях с каждой стороны коридора. Вик знала, что они вели в ванные и спальные комнаты. Она обхватила рукой обожженное запястье и с трудом преодолевала боль.

Через десять шагов коридор перешел в небольшое фойе. Дверь в передний двор находилась слева – за узкой лестницей, ведущей на второй этаж. На стенах висели снимки с охоты. Усмехавшиеся краснолицые мужчины держали связки мертвых гусей, демонстрируя их благородным золотистым ретриверам. Справа от Вик на кухню вела пара распашных дверей в форме крыльев летучей мыши. Запах готовившейся индейки становился все сильнее. И здесь было теплее – значительно теплее.

В ее уме родился план. Мужчина по прозвищу Призрак зашел в гараж и последовал за ней через боковую дверь в прихожую. Если она выбежит из дома и проскочит передний двор, то сможет добраться до Короткого Пути.

Вик бросилась через фойе, по пути ударившись бедром о столик. Лампа с шарообразным абажуром задрожала и чуть не упала.

Пацанка схватила дверную ручку, повернула ее и уже собиралась открыть дверь, когда увидела двор через боковое окно.

Там стоял он – один из самых высоких мужчин, которых она видела, – почти два метра ростом. Он был лысым, и его бледный череп, покрытый синими венами, смотрелся как-то непристойно.

Он носил сюртук из другой эпохи, с длинными фалдами и двумя рядами медных пуговиц. Призрак выглядел как солдат – полковник на службе иностранного государства, где войска назывались не армией, а легионом.

Он слегка повернулся от дома к мосту, поэтому она видела его в профиль. Мужчина стоял перед Коротким Путем, держа одной рукой руль ее велосипеда.

Вик замерла на месте. Казалось, что ее обездвижили парализующим веществом. Она даже не могла заставить свои легкие набрать воздуха.

Призрак склонил голову набок, словно любознательный пес. Несмотря на крупный череп, его внешность напоминала ласку и черты лица немного выпирали к центру. Впалый подбородок и неправильный прикус придавали ему глуповатый, почти слабоумный вид. Он выглядел как деревенский простачок, произносивший каждый слог в слове *го-мо-сек-су-аль-ный*.

Он разглядывал ее мост, уходящий далеко вглубь деревьев. Затем он посмотрел в сторону дома, и Вик, отдернув лицо от окна, прижалась спиной к двери.

– Добрый день, кем бы ты ни была! – крикнул Призрак. – Выходи и поздоровайся. Я не кусаюсь!

Вик вспомнила, что нужно дышать. Она с усилием сделала вдох, словно ее грудь опутали ремнем.

Призрак вновь закричал:

– Ты бросила свой велосипед у меня во дворе! Не хочешь его вернуть? – И добавил: – Еще ты оставила свой крытый мост! Его тоже можешь забрать.

Он засмеялся. Его смех походил на ржание пони – *хиинииии-иии!* Вик снова подумала, что мужчина страдал слабоумием.

Она закрыла глаза и прижалась к двери. Затем до нее дошло, что Призрак молчал уже несколько мгновений. Возможно, он направился к дому. Она быстро повернула запор и пове-

сила цепочку. Потребовалось три попытки, чтобы цепочка встала на место. Руки были влажными от пота, и непослушная вещь все время выскальзывала из ее пальцев.

Стоило ей запереть дверь, как Призрак снова заговорил. Она поняла, что он все еще стоит посреди заросшего двора.

– Кажется, я знаю, что это за мост. Многие люди огорчились бы, увидев его на своем дворе, но только не мистер Чарльз Талент Мэнкс-третий. Мистер Чарли Мэнкс немного разбирается в мостах и дорогах, которые появляются там, где их никогда не было. Я сам ездил по некоторым шоссе, которых не существует. Причем ездил долгое время. Ты будешь удивлена, узнав, как долго. Могу поспорить! Мне известна одна дорога, на которую можно попасть только на моем «Призраке»!»! Ее нет ни на одной карте, но она появляется, когда мне нужна. Для этого мне нужен пассажир, готовый отправиться в Страну Рождества. А куда ведет твой мост? Выходи, дитя! У нас наверняка много общего! Держу пари, мы станем хорошими друзьями!

И тогда Вик решила. Каждое мгновение, пока она стояла и слушала его, уменьшало то время, которое имелось у нее, чтобы спастись. Она отпрянула от стены, промчалась через фойе и открыла распашную дверь, за которой скрывалась

Кухня

Ее взору предстало маленькое грязное помещение с желтым столом и уродливым черным телефоном, висевшим на стене под выцветшим детским рисунком.

Пыльные желтые спиральные ленты неподвижно свисали с потолка, словно кто-то много лет назад устроил здесь вечеринку на день рождения и так и не убрался за собой. Справа от Вик виднелась открытая металлическая дверь, ведущая в кладовку. Там стояли стиральная машина, сушилка, несколько полок с одеждой и встроенный в стену шкаф из нержавеющей стали. Рядом с дверью стоял большой холодильник «Фриджидэйр» с морозилкой, стилизованной под дорожной седан пятидесятых годов.

На кухне было жарко. Воздух казался спертым и несвежим. В духовке разогревался ужин из полуфабрикатов. Она представила себе индюшатины, картофельное пюре и накрытый фольгой десерт. На стойке стояли две бутылки апельсиновой газировки. Еще одна дверь выходила на задний двор. Вик в три шага оказалась рядом с ней.

За задней частью дома присматривал мертвый мальчик. Она знала, что он был мертв или того хуже – он был ребенком этого Чарли Мэнкса.

Он неподвижно стоял посреди двора – в куртке из сыромятной кожи, джинсах и с босыми ногами. Он откинул капюшон, под которым скрывались светлые волосы и черные разветвления вен на висках. В открытом рту виднелись ряды игольчатых зубов. Мальчик увидел ее, усмехнулся, но не сдвинулся с места, когда она вскрикнула и повернула засов. За ним тянулись белые следы – трава замерзала от прикосновения его стоп. Лицо ребенка было гладким, как эмаль. Глаза туманились от инея.

– Выходи, – сказал он, выдыхая пар. – Ну же. Не будь дурочкой. Мы вместе поедem в Страну Рождества.

Она отошла от двери и ударилась бедром о кухонную плиту. Вик повернулась и начала открывать ящики шкафов в поисках ножа. В первом лежало кухонное тряпье. Во втором хранились венчики, лопатки и дохлые мухи. Она вернулась к первому ящику, схватила горсть ручных полотенец, открыла духовку и бросила их поверх ужина с индейкой. Девушка оставила дверь духовки приоткрытой.

Увидев на плите сковороду, Вик схватила ее за рукоятку. Было приятно взять в руки предмет, которым можно ударить наотмашь.

– Мистер Мэнкс! – закричал мальчик. – Мистер Мэнкс, я ее видел! Вот глупая *дура!*

Потом он добавил:

– Ой как весело!

Вик повернулась и, пробежав через кухонную дверь, вернулась в переднюю часть дома. Она посмотрела в окно.

Мэнкс шел с велосипедом к мосту. Встав перед ним, он посмотрел в темноту, склонив голову набок. Возможно, он к чему-то прислушивался. Затем он как будто что-то решил, прыгнул и сильным движением закинул велосипед на мост.

Ее «Роли» покатились во тьму.

Невидимая игла пронзила ее левый глаз и воткнулась в мозг. Вик не сдержалась, застонала и согнулась вдвое. Боль как будто ослабла, но вдруг игла снова в нее вонзилась. Пацанка хотела, чтобы ее голова взорвалась. Ей хотелось умереть.

Она услышала хлопок, словно волна давления ударила в ее барабанные перепонки. Дом содрогнулся. Казалось, что реактивный самолет преодолел над ней звуковой барьер.

В коридоре запахло дымом.

Вик покосилась в окно.

Короткий Путь исчез.

Она знала, что это произойдет, как только услышала громкий хлопок. Мост поглотил сам себя. Умиравшее солнце превратилось в черную дыру.

Чарли Мэнкс шагнул к дому. Фалды его сюртука развевались на ветру. На худом уродливом лице не было и намека на добродушие. Он выглядел как глупый человек, собиравшийся сделать что-то ужасное.

Она взглянула на лестницу, но поняла, что, поднявшись туда, не сможет спуститься обратно. Оставалась только кухня.

Когда она прошла через распашные ворота, мальчик стоял у задней двери, прижав лицо к стеклу. Он усмехнулся, обнажив полный рот тонких острых зубов – аккуратных рядов изогнутых костей. Его дыхание покрыло стекло небольшими перьями серебристого инея.

Зазвонил телефон. Вик вскрикнула, словно кто-то схватил ее за одежду. Она осмотрелась по сторонам. Ее лицо столкнулось со спиральной лентой, свисавшей с потолка.

Только ленты не были праздничными. Это были липкие полосы для мух, к которым прилипли десятки сухих мушиных оболочек. К горлу подступила желчь. У нее был кисло-сладкий вкус, как у испортившегося молочного коктейля от Терри.

Снова зазвонил телефон. Однако прежде чем она подняла трубку, ее взгляд остановился на детском рисунке, наклеенном прямо над телефонным аппаратом. Бумага была сухой, коричневой и ломкой от времени. Клейкая лента со временем пожелтела. Там были нарисованы лес из цветных рождественских елей и Чарли Мэнкс в шапке Санта-Клауса. С ним стояли две усмехавшиеся маленькие девочки, обнажившие клыки. Дети на рисунке были похожи на тварь, бродившую на заднем дворе, которая когда-то тоже была ребенком.

Вик поднесла трубку к уху.

– Помогите мне, – закричала она. – Помогите мне, пожалуйста!

– Где вы, мэм? – спросил кто-то детским голосом.

– Я не знаю. Не знаю! Я потерялась.

– У нас там машина. Она в гараже. Залезай на заднее сиденье, и наш водитель отвезет тебя в Страну Рождества.

Тот, кто был на другой стороне линии, захихикал.

– Мы позаботимся о тебе, когда ты окажешься у нас. Мы повесим твои глазные яблоки на нашу большую елку.

Вик повесила трубку.

Она услышала треск за спиной, повернулась и увидела, что маленький мальчик начал биться лбом в окно. По стеклу разбежалась паутина трещин. Сам ребенок, казалось, не ощущал боли.

Из фойе доносились звуки ударов. Мэнкс пытался открыть переднюю дверь, но ему мешала цепочка в замке.

Ребенок откинул голову назад и резко ударил лбом по окну. На пол посыпались осколки стекла. Мальчик засмеялся.

Из приоткрытой духовки вырвались первые желтые языки пламени. Они издавали странные звуки, напоминающие хлопанье крыльев голубя. Обои справа от плиты почернели и начали скручиваться. Вик уже не помнила, зачем хотела устроить пожар. Возможно, думала убежать под прикрытием дыма.

Ребенок просунул руку в разбитое окно, нащупывая запор. Острые обломки стекла царапали его запястье и сдирали кожу, разбрызгивая черную кровь, но его это не тревожило.

Вик ударила мальчика сковородкой. Она вложила в замах весь свой вес, и инерция удара увлекла ее к двери. Девушка отпрянула, споткнулась и села на пол. Мальчик выдернул руку из окна, и она увидела, что раздробила три его пальца – они гротескно сгибались не в ту сторону.

– Забавно! – Он только рассмеялся.

Отталкиваясь пятками, Вик заскользила на ягодицах по плиткам кремового цвета. Мальчик просунул лицо через разбитое стекло и показал ей черный язык.

Из духовки вырвалось алое пламя, и в какой-то момент ее волосы на правой стороне головы загорелись. Они потрескивали, чернели и сморщивались. Вик похлопала по волосам. Полетели искры.

Мэнкс вышиб переднюю дверь. Цепочка лопнула с лязгающим звуком, и засов с треском вырвался наружу. Она услышала, как дверь ударилась о стену, сотрясая старый дом.

Мальчик снова просунул руку в разбитое окно и отодвинул задвижку.

Горящие липкие ленты падали вокруг нее.

Вик поднялась на ноги и повернулась. Мэнкс стоял по другую сторону распашных дверей, собираясь войти на кухню. Он смотрел на нее широко открытыми глазами – с плотоядным восхищением на мерзком лице.

– Увидев твой велосипед, я думал, что ты моложе, – сказал Мэнкс. – А ты взрослая девушка. Тем хуже для тебя. Страна Рождества не очень подходит для взрослых девочек.

Дверь за ее спиной открылась... Возникло ощущение, словно весь горячий воздух высосали из кухни, будто окружающий мир делает вдох. Красный вихрь пламени вырвался из приоткрытой духовки, а вместе с ним наружу взметнулись тысячи горячих искр. Из плиты повалил черный дым.

Когда Мэнкс шагнул на кухню, направляясь к Вик, та ускользнула от него и отскочила за большой пузатый холодильник. Она поняла, что это какая-то

Кладовая

Она ухватила за металлическую ручку и попыталась захлопнуть за собой дверь.

Толстая тяжелая дверь скрипела по полу. Вик никогда в своей жизни не двигала такую тяжелую дверь.

И на ней не было замка. U-образная железная рукоятка была привинчена к металлической поверхности. Девушка схватила ручку и расставила ноги, упершись ступнями в дверной косяк. Мэнкс дернул за ручку мгновение спустя. Вик изогнулась, чуть-чуть сместилась вперед, но сомкнула колени и удержала дверь.

Мэнкс ослабил хватку, затем внезапно потянул вновь, надеясь застать ее врасплох. Он весил по крайней мере на тридцать килограмм больше, а руки его больше подошли бы орангутангу, чем человеку. Но Вик изо всех сил упиралась ступнями в дверную раму и скорее поволила бы вырвать свои руки из суставов, чем ослабить хватку.

Мэнкс прекратил свои попытки попасть внутрь. Девушка осмотрела кладовую и увидела швабру с длинной синей металлической ручкой. Она стояла справа – на расстоянии вытянутой руки. Вик протолкнула швабру через дверную защелку таким образом, чтобы длинный стержень упирался в края дверной рамы.

Она отступила на шаг. Ее ноги подкосились, и она едва не упала на пол. Ей даже пришлось прислониться к стиральной машине.

Мэнкс снова потянул за дверь, и рукоятка швабры стукнулась о дверной проем.

Он замешкался, после чего вновь дернул дверь, на этот раз мягко, как бы на пробу.

Вик услышала его кашель. Ей показалось, что рядом раздался детский шепот. Ноги дрожали. Они тряслись так сильно, что если бы она отпустила стиральную машину, то упала бы на пол.

– Ты сама загнала себя в угол, маленькая поджигательница! – крикнул Мэнкс через дверь.

– Уходите! – ответила она.

– До чего же ты наглая, раз посмела ворваться в чужой дом и указывать хозяину уйти! – сказал он довольно добродушно. – Наверное, ты боишься выходить. Но, будь у тебя немного ума, ты больше боялась бы остаться там, где находишься!

– Уходите! – прокричала она. Больше в голову ничего не шло.

Он снова закашлял. Неистовый красный ответ мерцал под дверью, прерываемый лишь двумя тенями, показывающими, где стоял Чарли Мэнкс. Вновь послышался шепот.

– Дитя, – сказал он. – Я без сожалений позволю этому дому сгореть дотла. У меня есть и другие убежища, а эта скромная лачуга так или иначе уже спалилась. Выходи! Выходи, или задохнешься там насмерть. Никто не опознает твоих сгоревших останков. Открой дверь. Я тебе не наврежу.

Вик прислонилась к стиральной машине и схватила за ее край обеими руками. Ноги девушки яростно – и немного забавно – тряслись.

– Жаль, – сказал Мэнкс. – Мне хотелось бы познакомиться с девушкой, у которой был транспорт, способный путешествовать по дорогам мысли. Нас так мало, и мы должны учиться друг у друга. Ладно. Сейчас я преподам тебе урок, хотя вряд ли ты меня за него поблагодаришь. Я бы поговорил с тобой подольше, но тут становится жарковато! Мне больше по душе прохладный климат. Мне так нравится зима, что хоть сейчас записывай в эльфы Санты!

Он снова засмеялся – этим своим ржущим ковбойским хохотом: *хи-хи-хи!*

На кухне что-то опрокинулось, ударившись о пол с такой огромной силой, что Вик завизжала и чуть не запрыгнула на стиральную машину. Удар сотряс весь дом, породив отвратительную вибрацию, которая пробежала по плиткам под ее ногами. На мгновение она подумала, что пол вот-вот обвалится.

Она поняла, что сделал Мэнкс, по звуку, весу и силе удара. Он опрокинул старый большой холодильник и заблокировал металлическую дверь.

* * *

Вик долго стояла около стиральной машины, ожидая, когда перестанут дрожать ноги.

Сначала она не верила, что Мэнкс ушел. Ей казалось, что он наблюдает за ней – думает, что она бросится к двери, начнет колотить и умолять его выпустить из кладовки.

Она слышала гул огня. Слышала, как лопаются и трещат от жара какие-то вещи. Обои хрустели с шипящим звуком, словно кто-то подбрасывал в костер полные горсти сосновых игл.

Вик приложила ухо к двери, чтобы лучше слышать происходящее на кухне, но тут же с криком отдернула голову. Железная дверь раскалилась, как сковорода на сильном огне.

Вдоль левого края двери начал просачиваться грязновато-коричневый дым.

Вик выдернула стальную рукоятку швабры и отбросила ее в сторону. Она схватилась за скобу, чтобы посмотреть, как далеко сможет оттолкнуть заблокированную холодильником дверь, но мгновенно выпустила ее и отскочила назад. Изогнутая металлическая ручка была такой же горячей, как и поверхность двери. Вик встряхнула руку, чтобы слегка охладить кончики пальцев.

Внутри проник дым, пахнувший расплавленным пластиком. Это был настолько мерзкий запах, что она согнулась вдвое в таком сильном кашле, что едва сдержала рвоту.

Она с трудом повернулась. Теснота кладовой вряд ли позволила бы что-либо большее.

Полки. «Райс-а-Рони». Корзина. Бутылка аммиака. Банка отбеливателя. Стальной шкаф или несколько ящиков, вмонтированных в стену. Стиральная машина и сушилка. Ни одного окна. И только одна дверь.

В соседней комнате взорвалось что-то стеклянное. Вик почувствовала, что воздух становился все более густым, как будто она попала в сауну.

Взглянув вверх, она увидела, что белый оштукатуренный потолок над дверьми уже почернел.

Она открыла сушилку и нашла внутри старую белую простыню на резинке. Вик развернула ее, накинула на голову и плечи, затем намотала ткань на руку и еще раз попробовала толкнуть дверь.

Несмотря на скатерть, она едва могла прикоснуться к металлической ручке. Давить плечом на дверь тоже нельзя было долго. Но Вик все равно несколько раз налегла на нее. Та содрогнулась, грохнула в раме и приоткрылась на полсантиметра – вполне достаточно, чтобы впустить поток мерзкого коричневого дыма. По ту сторону двери было так много дыма, что было сложно даже разглядеть огонь.

Вик отступила и в третий раз бросилась на дверь. Девушка ударилась так сильно, что подпрыгнула; ее лодыжки запутались в простыне, и она упала, растянувшись на полу. Разочарованно вскрикнув, она отбросила простыню. Кладовая заполнялась дымом.

Вик потянулась вверх, схватилась за край стиральной машины одной рукой и за ручку металлического шкафа – другой. Но когда девушка попыталась подняться на ноги, дверь шкафа открылась, петли закрипели, и она рухнула вниз. Колени подогнулись.

Она отдышалась и попробовала снова, повернув лицо так, чтобы ее лоб прижимался к холодному металлу стиральной машины. Закрыв глаза, она почувствовала, как мать прижимает холодную руку к ее горячему лбу.

Вик поднялась на ослабевшие ноги. Она отпустила ручку металлического шкафа, и дверь захлопнулась, закрывшись на пружинах. От ядовитого воздуха резало глаза.

Она снова открыла шкаф. Тот выглядел как шахта для транспортировки белья. Фактически это была темная узкая металлическая труба.

Вик просунула руку в проем и посмотрела вверх. Она увидела маленькую дверь примерно в трех метрах над головой.

«*Он ждет меня там*», – подумала девушка. Но это было не важно. Остаться в кладовой она тоже не могла.

Она села в открывшийся проем, и стальная пластина под ней, закрепленная на паре тугих пружин, слегка качнулась вниз. Вик протиснулась в отверстие, подтянула ноги и оказалась в узкой шахте.

Бельевая шахта

В свои семнадцать лет Вик весила лишь на двадцать килограмм больше и была на десять сантиметров выше, чем в двенадцать лет, – короче, выглядела худощавой девушкой, состоявшей в основном из одних ног. Но даже ей было довольно тесно в шахте. Она оперлась спиной к стене, подняла колени к лицу и прижала ступни к противоположной стороне трубы.

Вик начала подниматься вверх по шахте, отталкиваясь стопами и преодолевая по пятнадцать сантиметров за раз. Коричневый дым, поднимавшийся вокруг нее, резал глаза.

Сухожилия начали гореть от боли. Она продвинулась еще на пятнадцать сантиметров, сгорбившись до неузнаваемости. Мышцы в пояснице пульсировали и покалывали сотней маленьких иголок.

Она была на полпути вверх, когда левая нога соскользнула вниз и потянула за собой все тело. Вик закричала из-за невыносимой боли в правом бедре. Еще несколько мгновений она удерживала себя на месте, оперевшись правым коленом в лицо и свесив левую ногу вниз. Однако вес тела оказался слишком большим, а боль – невыносимой. Она позволила правой ноге соскользнуть со стенки трубы и упала на самое дно шахты.

Она свалилась неграциозно и крайне болезненно, ударившись об алюминиевый пол и разбив лицо правым коленом. Другая нога влетела в дверцу шкафа и высунулась обратно в кладовую.

Вик едва не впала в панику. Девушка заплакала и, поднявшись на ноги, даже не попыталась карабкаться вверх. Она запрыгала на двух ногах, не думая о том, что верхняя дверь была вне зоны досягаемости, а из гладких стен алюминиевой шахты не торчало ничего, за что ей можно было бы ухватиться. Вик закричала. Она кричала о помощи. Шахта наполнилась дымом, который мешал ей видеть. Вик закашлялась – грубо, сухо и надрывно. Она кашляла снова и снова, не в силах остановиться. Она кашляла с такой силой, что ее почти вырвало. В конце концов девушка сплюнула длинную струю слюны с привкусом желчи.

Ее ужасали не дым и не боль в задней части правого бедра, где она определенно растянула мышцу. Вик терзало неизбежное, отчаянное одиночество. Как там мать кричала отцу? *«Но ты не растил ее, Крис. Это делала я! Все делала сама!»* Как плохо было оказаться в такой дыре! Она не помнила, когда в последний раз обнимала свою мать – испуганную, вспльчивую, несчастную мать, которая прикладывала ко лбу Вик прохладную руку, когда ее терзала лихорадка. Ужасно было думать, что ей придется здесь умереть, оставив все как есть.

Затем она снова начала подниматься вверх по трубе, прижимая спину к одной стене, а ноги – к другой. Глаза слезились. Коричневый поток густого дыма вздымался вокруг нее. Она точно что-то повредила в правой ноге. Каждый раз, когда она отталкивалась ногами, ей казалось, что мышцы от усилий рвутся.

Она часто моргала и кашляла, но упорно поднималась вверх по шахте для белья. Металл, в который упиралась спина, был неприятно горячим. Ей казалось, что скоро стальная стена будет сдирать с нее кожу. Труба уже обжигала при каждом прикосновении. Теперь это была не бельевая шахта, а печь с огнем внизу. Вик же стала Санта-Клаусом, карабкавшимся вверх к северным оленям. В ее голове крутилась идиотская рождественская песенка – еще один гимн веселого ебучего Рождества. Песня повторялась снова и снова, крутилась по бесконечному кругу. Вик не хотела зажариться до смерти под заевшую в голове рождественскую музыку.

Когда она приблизилась к верхней части шахты, через дым ничего не было видно. Она заливалась слезами и старалась не дышать. Большая мышца в правом бедре беспомощно дрожала.

Где-то над своими ступнями она увидела перевернутую дугу тусклого света. Там находился люк, ведущий на второй этаж. Легкие горели. Она задыхалась и, не в силах больше сдер-

живаться, вдохнула полную грудь дыма и закашлялась. Даже кашлять было больно. Она чувствовала, как трескаются и рвутся мягкие ткани под ребрами. Правая нога внезапно перестала слушаться. Думая, что сейчас упадет, Вик вцепилась в закрытый люк. В голову закралась крамольная мысль: *«Эта дверца не откроется. Мэнкс подпер ее чем-то, и она не откроется»*.

Девушка распахнула дверцу и почувствовала восхитительно прекрасный и прохладный воздух. Она удержалась в шахте, ухватившись за край проема подмышками. Ноги свисали в трубе, а колени больно ударились о стальную стену.

Когда дверца шахты открылась, по трубе пошел поток воздуха. Вик почувствовала горячий вонючий сквозняк, поднимавшийся снизу. Над головой за клубился дым. Она не могла ни моргать, ни кашлять. Кашель был таким сильным, что все ее тело тряслось. Она ощутила вкус крови на губах. Вик стало интересно, не выкашляла ли она из себя что-то жизненно важное.

Долгое время она висела в трубе – сил, чтобы подняться, не было. Затем Вик начала брыкаться и елозить носками туфель по стене. Удары ног сопровождались лязгом и гулом. Она никак не могла за что-нибудь зацепиться, но этого и не требовалось. Она уже вытащила из дверцы голову и руки, и, чтобы выбраться из шахты, ей нужно было не столько карабкаться вверх, сколько наклоняться вперед.

Она перевернулась и вывалилась на ворсистый ковер коридора на втором этаже. Воздух был приятен на вкус. Она лежала и захватывала ртом воздухом, словно рыба. До чего же благословенная, хоть и болезненная штука эта жизнь.

Ей пришлось прислониться к стене, чтобы подняться на ноги. Вик ожидала, что весь дом будет наполнен дымом и ревушим огнем, однако все было иначе. Коридор был задымлен, но не так сильно, как в шахте. Вик увидела справа от себя солнечный свет и захромала по ворсистому ковру родом из семидесятых на верхнюю площадку лестницы. Спотыкаясь, едва не падая со ступеней и отмахиваясь от дыма, она спустилась вниз.

Входная дверь была наполовину открыта. С косяка свисала цепочка, соединенная с пластиной замка и куском расщепленного дерева. От двери тянуло холодным воздухом. Вик хотела окунуться в него, как в воду, но не стала этого делать.

В кухне ничего нельзя было разглядеть. Внутри полыхал огонь, и помещение заполнял густой дым. В одну из гостиных вела открытая дверь. Там горели обои, обнажая штукатурку. Ковер дымился. Огонь горел даже внутри вазы. Языки оранжевого пламени карабкались вверх по дешевым нейлоновым занавескам. Вик подумала, что огнем, наверное, охвачена вся задняя часть дома. Здесь же коридор только заполнялся дымом.

Она посмотрела в боковое окно у двери. Подъездная дорожка, ведущая к дому, представляла собой длинную узкую грунтовую улочку, скрывающуюся между деревьями. Машины она не видела, но под этим углом гаража не было видно. Мэнкс мог сидеть там и ждать, пока Вик выберется, или стоять в конце проулка, чтобы проверить, не выбежит ли она из дома.

За ее спиной что-то громко треснуло и с шумом упало. Вокруг клубился дым. Горячая искра коснулась ее руки и обожгла. Она поняла, что думать больше нельзя. Ждал он ее или не ждал, ей в любом случае ничего не оставалось, кроме как выбежать и оказаться

На улице

Двор зарос так сильно, что ей казалось, словно она пробирается через ограждение из колючей проволоки. Трава как будто пыталась схватить ее за лодыжки. На самом деле никакого двора не было, только дикие кусты да сорняки, за которыми начинался лес.

Вик даже не взглянула на гараж и дом. Более того, она побежала не по грунтовой дорожке. Девушка не осмелилась проверить длинную полосу между деревьями, поскольку боялась, что Мэнкс может поджидать где-то рядом и выслеживать ее. Вместо этого она побежала в лес. Вик не заметила насыпь, пока вдруг не оказалась прямо над метровым обрывом, который начинался перед высокими соснами.

При падении она сильно отбила пальцы ног и почувствовала, как заднюю часть правого бедра схватила болезненная судорога. Она упала в кучу сухих веток, попыталась выбраться из них и снова повалилась на спину.

Над ней возвышались сосны, плавно покачивающиеся на ветру. Висящие на них украшения звенели, мерцали и сияли всеми цветами радуги, поэтому ей казалось, что она получила легкое сотрясение мозга.

Отдышавшись, Вик перевернулась, встала на колени и осмотрела двор.

Большая дверь гаража была открыта, но «Роллс-Ройс» уехал.

Ее удивило и почти разочаровало небольшое количество дыма, хотя она видела густую пелену над задней половиной дома. Дым валил из открытого рта передней двери. Но она не слышала звуков горевшего дерева и не видела пламени. Вик ожидала, что дом превратится в огромный костер.

Она встала и двинулась дальше. Больное бедро не позволяло ей бежать, но, несмотря на хромоту, она могла быстро идти. Ей казалось, что легкие запеклись, а каждый новый шаг сопровождался болевым ощущением в растянутой мышце. Она почти не осознавала свои многочисленные мелкие травмы и болячки, в том числе ожог на правом запястье и ноющую боль в левом глазном яблоке.

Вик шла параллельно грунтовой дороге, держась в пятнадцати метрах слева. Она была готова спрятаться за кустом или стволом дерева при первых же признаках «Роллс-Ройса». Но узкая дорога тянулась прямо, неуклонно удаляясь от белого дома. Она не видела ни старой машины, ни Чарли Мэнкса, ни мертвого мальчика, который путешествовал вместе с ним.

Девушка какое-то время двигалась вдоль дороги. Она потеряла чувство времени и не имела понятия, как долго ходила по лесу. Каждая секунда была самым длинным мгновением ее жизни. Позже ей казалось, что хромоногое бегство в лесу длилось столько же, сколько и все ее детство. Возможно, поэтому, когда Вик увидела шоссе, детство осталось далеко позади. Оно истлело и сторело дотла вместе с Санным домом.

Насыпь, ведущая к шоссе, была выше той, с которой она упала. Чтобы подняться наверх, ей пришлось карабкаться на четвереньках, хватаясь за пучки травы. Поднявшись на вершину склона, она услышала жужжащий звук, вой и рев приближавшегося мотоцикла. Звук доносился справа, но к тому времени, как она встала на ноги, большой парень на черном «Харли» уже проехал мимо нее.

Шоссе шло прямой линией через лес, над которым клубились штормовые облака. Слева от нее возвышались высокие синие холмы, у Вик впервые появилось ощущение, что она сама летит где-то в вышине. В Хэверхилле, штат Массачусетс, девушка редко задумывалась о высоте, но теперь ей было ясно, что это не облака висели низко, а сама она находилась высоко.

Она выбралась на асфальт, крича и махая вслед «Харли». *«Он не слышит»*, – подумала она. Она никак не могла докричаться до него через шумный рев мотора. Но крупный мужчина

обернулся через плечо. Переднее колесо его «Харли» завиляло. Парень выпрямился и свернул на обочину.

На нем не было шлема. Двойной подбородок закрывала борода, а каштановые волосы завивались на затылке буйной гривой. Вик побежала к нему, несмотря на пронзительную боль, отдающуюся в бедро при каждом шаге. Добравшись до мотоцикла, она не стала медлить и объясняться, просто молча перебросила одну ногу через сиденье и обхватила обеими руками его поясницу.

В глазах парня читались изумление и легкий испуг. На нем были черные кожаные перчатки с отрезанными пальцами и черная кожаная куртка, под которой виднелась футболка с надписью «*Странный Эл*». Вблизи Вик поняла, что он совсем не взрослый, каким показался издали. Гладкая кожа под его бородой была розового цвета. Эмоции казались почти детскими. Возможно, он был ненамного старше ее.

– Эй, сестренка! – сказал он. – С тобой все нормально? Ты попала в аварию?

– Мне нужна полиция. Один мужчина хотел меня убить. Загнал в комнату и поджег свой дом. Вместе с ним в машине находится маленький мальчик. Мне удалось выбраться, но ребенка он взял с собой. Нам нужно ехать. Он может вернуться.

Она не была уверена, понял ли ее парень. Информация была верной, но ей казалось, что она плохо ее изложила.

Бородатый толстяк смотрел на нее через очки с таким изумлением, словно она говорила с ним на иностранном языке – на тагальском, возможно, или на клингонском. Хотя, как оказалось, если бы она обратилась к нему на клингонском, Луи Кармоди, возможно, понял бы ее куда лучше.

– Дом горит! – закричала она. – Пожар!

Она ткнула пальцем в сторону грунтовой дороги.

Вик не видела дом с шоссе, а слабая струйка дыма, поднимавшаяся над деревьями, могла исходить из чьей-то трубы или от кучи горевшей листвы. Но этого хватило, чтобы вывести его из транса и заставить двигаться.

– Держись, черт побери! – крикнул он ломающимся и высоким голосом.

Парень сильно газанул, словно собирался поставить мотоцикл на заднее колесо. У Вик напрягся живот. Она ухватила руками за его пояс, потому что кончики ее пальцев не соприкасались друг с другом. Она подумала, что они упадут. Байк опасно шел юзом: переднее колесо двигалось в одну сторону, заднее – в другую.

Наконец мотоцикл выпрямился. Белая осевая линия замелькала в пулеметном стаккато – как и сосны по обеим сторонам дороги.

Вик осмелела и обернулась назад. Она ожидала увидеть старую черную машину, выезжавшую с грунтовой дороги, но на шоссе никого не было. Девушка повернула голову и прижалась к спине парня. Они оставили дом старика далеко позади и направились к синим холмам. Она спаслась. Наконец-то все закончилось.

Около Ганбаррела, штат Колорадо

Он внезапно начал замедляться.

– Что ты делаешь? – крикнула она.

Они проехали меньше километра по шоссе. Вик оглянулась через плечо. Она по-прежнему видела грунтовую дорогу, ведущую к ужасному дому.

– Успокойся, сестренка, – ответил парень. – Тебе, типа, нужна помощь. А здесь есть телефон.

Они подъехали к разбитой дороге, уходившей направо. На углу перекрестка стоял сельский магазин, перед которым располагались две бензоколонки. Парень остановил байк у крыльца.

Мотоцикл замолк, как только юноша опустил подпорку. Он даже не удосужился переключить его на нейтральную скорость. Она хотела сказать ему, что они остановились слишком близко к дому Чарли,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.